

Афины, их взлет и падение, книга III

Барон Эдвард Булвер Литтон Литтон

Athens: Its Rise and Fall, Book III

Baron Edward Bulwer Lytton Lytton

The Project Gutenberg eBook of Athens: Its Rise and Fall, Book III

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или использовать повторно на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге, или в режиме онлайн на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Athens: Its Rise and Fall, Book III

Автор: Барон Эдвард Бульвер Литтон Литтон

Дата выхода: 20 октября 2006 [eBook #6153]

Последнее обновление: 29 декабря 2020 г.

Язык: Английский

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK ATHENS: ITS RISE AND FALL, BOOK III ***

АФИНЫ: ИХ ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ

Эдвард Булвер Литтон

ТОМ II.

СОДЕРЖАНИЕ.

КНИГА III

ГЛАВА

I Характер и популярность Мильтиада. - Морская экспедиция. -Осада Пароса.- Поведение Мильтиада.- Обвинение и приговор.- Его смерть.

II Афинская трагедия.- Ее происхождение.- Тезис.- Фриних.- Эсхил.- Анализ трагедий Эсхила.

III Аристид.- Его характер и положение.- Возвышение Фемистокла.- Аристид подвергается остракизму.- Остракизм рассмотрен.- Влияние Фемистокла возрастает.- Серебряные рудники Лавриона.- Их продукт применен Фемистоклом для увеличения флота.- Новое направление, данное национальному характеру.

IV Приготовления Дария.- Восстание Египта.- Спор о престолонаследии.- Смерть Дария.- Краткий обзор главных событий и особенностей его царствования.

V Ксеркс совершает экспедицию в Египет.- Он окончательно решается на вторжение в Грецию.- Обширные приготовления к завоеванию Европы.- Ксеркс прибывает в Сарды.- Отправляет посланников в греческие государства, требуя дани.- Мост через Геллеспонт.- Обзор персидского вооружения в Абидосе.- Ксеркс разбивает лагерь в Термах.

VI Поведение греков.- Оракул, относящийся к Саламину.- Искусство Фемистокла.- Истмийский конгресс.- Послания в Аргос, Крит, Корсиру и Сиракузы.- Их плохой успех.- Фессалийцы отправляют посланников на перешеек.- Греки продвигаются к Темпе, но отступают.- Флот отправлен в Артемизиум, а Фермопильский перевал занят.- Численность греческого флота.- Битва при Фермопилах.

VII Совет Демарата Ксерксу. Фемистокл. Действия у Артемизиума. Греки отступают. Персы вторгаются в Дельфы и получают отпор с большими потерями. Афиняне без помощи союзников оставляют Афины и отправляются в Саламин.-Ловкость и твердость Фемистокла.- Битва при Саламине.- Андрос и Карыст осаждены греками.- Анекдоты о Фемистокле.- Почести, возданные ему в Спарте.- Ксеркс возвращается в Азию.- Олинф и Потидея осаждены Артабазом.- Афиняне возвращаются домой.- Остракизм Аристида отменен.

VIII Посольство Александра Македонского в Афины.- Результат его предложений.- Афиняне отступают к Саламину.- Мардоний занимает Афины.- Афиняне отправляют посланников в Спарту.- Павсаний сменяет Клеомброта на посту регента Спарты.- Битва при Платее.- Фивы осаждены афинянами.- Битва при Микале.- Осада Сестоса.- Окончание Персидской войны.

КНИГА IV

ГЛАВА

I Замечания о последствиях войны.- Состояние Афин.- Вмешательство Спарты в афинские укрепления.- Ловкое поведение Фемистокла.- Новая гавань Пирея.- Предложение спартанцев на Амфиктионийском совете, отвергнутое Фемистоклом.- Союзный флот на Кипре и в Византии.- Павсаний.- Изменение его характера.- Его честолюбивые взгляды и измена.- Восстание ионийцев против спартанского командования.- Павсаний отозван.- Доркис заменяет его.- Афиняне становятся во главе Ионической лиги.- Делос становится сенатом и казначейством союзников.- Способное и разумное управление Аристида.- Кимон получает командование флотом.- Характер Кимона.- Эйон осажден.- Скирос колонизирован аттиками.- Предполагаемое обнаружение костей Тесея.- Уменьшение власти Фемистокла.- Демократические изменения в конституции.- Фемистокл подвергается остракизму.- Смерть Аристида.

II Популярность и политика Кимона.- Наксос восстает против Ионической лиги.- Осажден Кимоном.- Заговор и судьба Павсания.- Бегство и приключения Фемистокла.- Его смерть.

III Уменьшение Наксоса.- Действия у Кипра.- Намерения Кимона.- Улучшения в Афинах.- Колония на Девяти Путях.- Осада Тасоса.- Землетрясение в Спарте.- Восстание гелиотов, захват Итоме и третья Мессенская война.- Возрастание и характер Перикла.- Просвидетельство и оправдание Кимона.- Афиняне помогают спартанцам в Итоме.- Тасос сдается.- Разрыв между афинянами и спартанцами.- Конституционные нововведения в Афинах.- Остракизм Кимона.

IV Война между Мегарой и Коринфом.- Мегара и Пегея, гарнизоны афинянами.- Обзор дел при персидском дворе.- Вступление в должность Артаксеркса.- Восстание Египта при Инаре.- Афинская экспедиция на помощь Инару.- Эгина осаждена.- Коринфяне побеждены.- Заговор спартанцев с афинской олигархией.- Битва при Танагре.- Кампания и успехи Миронида.- Заговор олигархии против республики.- Отзыв Кимона.- Длинные стены завершены.- Эгина уменьшена.- Экспедиция под руководством Толмидеса.- Итома сдается.- Инсургенты поселены в Наупактусе.- Пагубное прекращение египетской экспедиции.-

Афиняне идут в Фессалию, чтобы вернуть Оресту Тежу.-Кампания при Перикле.-Пятилетнее соглашение с пелопоннесцами.-Кимон отплывает на Кипр.-Предполагаемый договор о мире с Персией.-Смерть Кимона.

V Изменение нравов в Афинах.- Начало при Писистратидах.- Последствия персидской войны и тесная связь с Ионией.- Хетеры.- Политическое положение, приобретенное Афинами в последнее время.- Перенос казны с Делоса в Афины.- Постоянные опасности и беды.- Во-первых, искусственное величие Афин, не подкрепленное естественной силой.- Во-вторых, ее пагубная зависимость от дани.- В-третьих, падение национального духа, начатое Кимоном в использовании взяток и общественных столов.- В-четвертых, недостатки в народных судах.- Прогресс общего образования.- История.- Ее ионийское происхождение.- Ранние историки.- Акусила.-Кадмус.-Евгеон.-Гелланик.-Ферекид.-Ксанф.-Взгляд на жизнь и труды Геродота.- Прогресс философии со времен Фалеса.-Философы ионийской и элеатской школ.-Пифагор.- Его философские догматы и политическое влияние.-Влияние этих философов на Афины.- Школа политической философии продолжалась в Афинах со времен Солона.-Анаксагор.- Архелай.-Философия не была чем-то отдельным от обычной жизни афинян.

КНИГА V

ГЛАВА

I Фукидид, выбранный аристократической партией для противостояния Периклу.- Его политика.- Значение Перикла.- Священная война.- Битва при Коронее.- Восстание Эвбеи и Мегары- Вторжение и отступление пелопоннесцев.- Уменьшение Эвбеи.- Наказание Гистинии.- Тридцатилетнее перемирие, заключенное с пелопоннесцами.- Остракизм Фукидида.

II Причины могущества Перикла.- Судебные инстанции зависимых союзников переведены в Афины.- Очерк афинских доходов.- Общественные здания - дело рук народа, а не Перикла.- Пороки и величие Афин имели одни и те же источники.- Принцип оплаты характеризует политику этого периода.- Это политика цивилизации.- Колонизация, Клерухия.

III Пересмотр переписи населения.- Самианская война.- Очерк подъема и развития афинской комедии до времен Аристофана.

IV Трагедии Софокла.

АФИНЫ: ИХ ПОДЪЕМ И ПАДЕНИЕ.

КНИГА III.

ОТ БИТВЫ ПРИ МАРАФОНЕ ДО СРАЖЕНИЙ ПРИ ПЛАТЕЕ И МИКАЛЕ, 490 Г. ДО Н. Э. - 479 Г. ДО Н. Э. С. 479.

ГЛАВА I.

Характер и популярность Мильтиада. Морская экспедиция. Осада Пароса. Поведение Мильтиада. Обвинение и приговор. Смерть.

I. История редко бывает больше, чем биография великих людей. Через череду отдельных людей мы прослеживаем характер и судьбу наций. Народ ускользает от нас, как возвышенная, но неосязаемая абстракция, и голос могущественной Агоры доносится до нас только через посредство ее представителей в потомстве. Чем демократичнее государство, тем более распространено это делегирование своей истории немногим; ведь прерогатива демократий - давать широчайшую конкуренцию и самое острое возбуждение индивидуальному гению: а истинный дух демократии дремлет или не действует, когда мы не находим никого, вознесенного на интеллектуальный трон над остальными. Рассматривая характеры людей, сосредоточивших на себе наш обзор нации, мы обязаны тщательно различать их качества и поступки: ведь редко случается, чтобы их слава в жизни не сопровождалась столь же яркими поражениями - за популярностью сегодняшнего дня не следовали гонения завтрашнего: И в этих превратностях к нашей справедливости взывают не меньше, чем к нашей жалости, и нас призывают, как судей, решить серьезное и торжественное дело между молчанием ушедшего народа и красноречием нетленных имен.

Мы уже заметили в характере Мильтиада тот проницательный и расчетливый темперамент, который присущ большинству людей, чьим уделом была борьба за шаткую власть в окружении грозных врагов. Мы видели, что его глубокий и интригующий ум не сопровождался какими-либо жесткими или высокими принципами; И если вождь Херсонеса с юности был поставлен в опасное и стесненное положение, всегда стремился к верховной власти, а в своих беспокойных и бурных владениях был удален от общественного мнения свободных государств Греции, то вполне естественно, что его политический кодекс был смягчен зловещим честолюбием, а гражданин Афин руководствовался мотивами, едва ли более бескорыстными, чем те, что двигали тираном Херсонеса. Правитель одного района может быть героем, но вряд ли может быть патриотом другого. Долгое влияние лет и обычаев, неосознанное почтение к мнению тех, кого наша молодежь приучена почитать, может лишь укротить предприимчивый и хваткий ум, который предпочитает цели общественной пользы, а не индивидуальные замыслы: влияние такого рода никогда не действовало на взгляды и умственные способности героя Марафона. Привыкший наслаждаться абсолютным командованием, он казался неспособным к обязанностям гражданского подчинения; и обычай жизни побуждал его к стремлению к власти [1]. Справедливо рассмотрев эти черты его характера, мы увидим мало удивительного в последующих поражениях Мильтиада и найдем дополнительные причины для народной подозрительности, которую он вызывал.

II. Но после победы при Марафоне власть Мильтиада достигла своего апогея. Он всегда пользовался симпатией афинян, которую его манеры, а также таланты способствовали его завоеванию. Приветливый и обходительный, он никого не обделял своим присутствием, а только что одержанный триумф настолько увеличил его популярность, что все его предложения пользовались самым безоговорочным доверием.

Помимо победы при Марафоне, Мильтиад, во время своей тирании в Херсонесе, вызвал недовольство и усилил господство афинян. В очень отдаленные времена в Аттике поселилось грубое племя, по всем данным, принадлежащее к обширной и разнообразной пеласгической семье, но по сути чуждое коренным пеласгам, населявшим афинскую землю, и никогда не объединявшееся с ними. Они помогали афинянам в строительстве стены их цитадели, которая своей характерной каменной кладкой подтвердила общую традицию пеласгов. Поселившись затем возле Гиметта, они отказались смешиваться с общим населением - между столь близкими соседями, естественно, начались ссоры. Поселенцы были изгнаны и обосновались на островах Лемнос и Имброс - пиратская и дикая орда. Они затаили древнюю обиду на афинян и в один из своих походов высадились в Аттике, унеся с

собой несколько женщин, праздновавших праздник Дианы. Этих пленниц они подвергали своим объятиям и в конце концов истребляли вместе с потомством, появившимся в результате совокупления. "Лемнийские ужасы" стали пословицей - гнев богов проявился в проклятии всеобщего бесплодия, а преступные пеласги получили от оракула повеление исправить ужасную травму, которую они нанесли афинянам. Последних не удовлетворило никакое искупление, кроме сдачи островов, занятых преступниками. Предание передает ответ пеласгов на столь суровое требование: "Когда один из ваших кораблей в один день и при северном ветре проплывет к нам, мы выполним его".

Прошло время, обида осталась незамеченной, а память осталась - когда Мильтиад (тогда еще в Херсонесе) за один день и при северном ветре прошел от Эльноса до Пеласгийских островов, отомстил за своих соотечественников и присоединил Лемнос и Имброс к афинскому владычеству. Воспоминание об этом подвиге с самого начала привязало Мильтиада к афинянам, и со времен Марафонского поля он объединил в себе два самых сильных притязания на народное доверие - он был избавителем от недавних опасностей и мстителем за наследственные обиды.

Вождь херсонеситов не замедлил воспользоваться преимуществом своего положения. Он пообещал афинянам более выгодное, хотя и менее славное предприятие, чем борьба с персами, и потребовал флот из семидесяти кораблей с людьми и деньгами для экспедиции, из которой, по его заверениям, он непременно вернется с добычей и сокровищами. Он не указал места, против которых должна была быть направлена экспедиция; но так велика была вера в его честность и удачу, что афиняне удовлетворили его требование. Приготовив все необходимое, Мильтиад отплыл. Приняв на себя общее право наказывать те острова, которые встали на сторону персов, он направился к Паросу, который предоставил трирему для вооружения Датиса. Но под предлогом национальной мести Мильтиад, как говорят, искал повода для эгоистического возмущения. Во время его тирании в Херсонесе один из парийцев, по имени Лисагор, пытался навредить ему в персидском правительстве, и теперь вождь обрушил на остров возмездие, причитающееся отдельному человеку.

Таков рассказ Геродота - рассказ, действительно, не противоречащий мстительным страстям, все еще свойственным жителям западного климата, но, конечно, мало соответствующий расчетливому и политическому характеру Мильтиада: ведь люди отступают назад в карьере честолюбия, когда мстят за прошлые обиды врагу, который больше не грозен.

Мильтиад высадился на острове, энергично осадил главный город и потребовал от жителей штраф в сто талантов. Осажденные отказались от условий и день и ночь трудились над укреплением города для обороны. Тем не менее Мильтиаду удалось перекрыть все поставки, и город уже готов был сдаться, как вдруг вождь поджег возведенные им укрепления, увел свой флот и вернулся в Афины не только без обещанных сокровищ, но и с позорным уменьшением уже приобретенной славы. Наиболее вероятной причиной столь необычного поведения [2] было то, что по какой-то случайности загорелась роща на континенте - пламя, видимое одинаково осаждающим и осажденным, было истолковано обоими одинаково: каждая сторона приняла его за сигнал персидского флота - одну отговорили от сдачи, а другую запугали, чтобы она не продолжала осаду. Дополнительной причиной отступления стала тяжелая рана в ногу, полученная Мильтиадом то ли во время атаки, то ли в результате несчастного случая, когда он со святотатственным суеверием пытался обратиться к inferнальным божествам на земле, посвященной Церере.

III. Мы можем легко представить себе изумление и негодование, с которыми, после стольких обещаний с одной стороны и столь безграничного доверия с другой, афиняне встретили возвращение этой бесплодной экспедиции. Несомненно, лукавые и двусмысленные стороны характера Мильтиада, долгое время остававшиеся в тени его блестящих качеств, теперь проявились с большей очевидностью. Ксантипп, афинский аристократ, глава великой аристократической фракции Алкмеонидов, которая, враждебно относясь и к тирану, и к демагогу, не терпела ни хозяина государства, ни героя в народе, подверг его капитальному доносу. Мильтиада обвинили в том, что он принял взятку от персов [3], которая побудила его оставить осаду Пароса в тот момент, когда успех был гарантирован.

Несчастный вождь из-за раны не смог выступить в суде в свою защиту - его принесли в суд на кушетке, а его брат, Тисагор, вел его защиту. Через своего защитника Мильтиад, похоже, не смог ни решительно опровергнуть обвинения в государственной измене, ни удовлетворительно объяснить мотивы, побудившие его поднять осаду. Его слава была его защитой, а главным ответом Ксантиппу были "Марафон и Лемнос". Преступление, в котором его обвиняли, носило смертный характер, но, несмотря на ранг обвинителя и волнение его аудитории, народ отказался вынести смертный приговор столь прославленному человеку. Они признали его виновным, это правда, но заменили смертную казнь штрафом в пятьдесят талантов. Прежде чем штраф был уплачен, Мильтиад скончался от смертельной раны. Впоследствии штраф был выплачен его сыном, Кимоном. Так закончилась жизнь, полная приключений и превратностей.

Суд над Мильтиадом часто цитируется в доказательство неблагодарности и непостоянства афинского народа. Ни одно обвинение не было выдвинуто более бесцеремонно. Его обвинил в смертном преступлении не народ, а могущественный вельможа. Знатный потребовал его смерти - похоже, доказал обвинение - закон, налагавший смерть, был полностью на его стороне, и "благосклонность народа, - прямо говорит Геродот, - спасла ему жизнь". [4] Если принять во внимание все обстоятельства дела - уязвленное народное тщеславие, разочарование возбужденных ожиданий, необъяснимое поведение самого Мильтиада, а затем увидеть его наказание, после осуждения, которое повлекло за собой смерть, только в виде обычного денежного штрафа [5], мы не можем не признать, что афинский народ, даже подтверждая величие закона, который во всех цивилизованных сообществах должен судить преступления без уважения к личности, не был в данном случае ни забыт о заслугах, ни суров к проступкам своих великих людей.

ГЛАВА II.

Афинская трагедия: происхождение, театр, Фриних, Эсхил. - Анализ трагедий Эсхила.

I. От меланхоличной судьбы Мильтиада мы переходим к теме, не менее связанной с этим важным периодом в истории Афин. Перерыв в отдыхе, последовавший за Марафонской битвой, позволяет нам сделать паузу и обратить внимание на интеллектуальное состояние, в котором афиняне оказались после тирании Писистрата и его сыновей.

Мы уже отмечали более близкое знакомство с поэмами Гомера, которое стало результатом трудов и примера Писистрата. Это событие (а это было именно событие) в сочетании с другими причинами - основанием публичной библиотеки, возведением общественных зданий и устройством общественных садов - с очевидной внезапностью породило среди восприимчивого и живого населения всеобщее воспитание вкуса. Граждане собирались вместе в часы отдыха [6], ведя урбанистический и светский образ жизни под портиками и в

садах, прививать который было политикой изящного и благосклонного тирана; а дремавший доселе гений быстрой ионийской расы, пробудившись к литературным и интеллектуальным предметам, создал аудиторию еще до того, как нашел свое выражение в поэте. Изящная женственность Гиппарха способствовала воспитанию вкуса народа - ведь пример великих нигде так не действует на толпу, как в развитии искусств. Меценатство, возможно, и не порождает поэтов, но умножает критиков. Анакреон и Симонид, введенные в афинскую среду Гиппархом и пользовавшиеся его дружбой, несомненно, во многом способствовали тому влиянию, которое начала оказывать поэзия. Своеобразная сладость этих поэтов гармонично заразила гений первого из афинских драматургов, чьи произведения, увы, утрачены, хотя свидетельства об их характере сохранились. Примерно в то же время афиняне обязательно должны были ближе познакомиться с разнообразными богатствами лирических поэтов Ионии и островов. Таким образом, получилось, что их образцы в поэзии были двух видов - эпические и лирические; и в естественной связи искусств следующим шагом было создание вида поэзии, который должен был попытаться объединить эти два вида. К счастью, в это время Афины обладали человеком истинного гения, чье внимание ранние обстоятельства направили на грубый и примитивный порядок гистрионной декламации: Фриних, поэт, был учеником Фесписа, мима: ему принадлежит честь, что из элементов самого широкого фарса он задумал первые грандиозные комбинации трагической драмы.

II. С незапамятных времен - возможно, с тех самых пор, когда в роще был алтарь, а воды давали тростник для пастушеской трубы, - поэзия и музыка были посвящены поклонению богам Греции. В назначенный сезон праздника каждому божеству пели дифирамбы, перечисляли его традиционные достижения. Одно из последних божеств, привнесенных в Грецию, - мистический и загадочный Дионис, или Вакх, - получило всенародное и восторженное поклонение, естественно, причитающееся богу виноградаря и "Развязывателю тягостных забот". Его праздник, отмечаемый в самый радостный из сельскохозяйственных сезонов [7], был связан с самыми волнующими ассоциациями. Дифирамбы, или дикие и ликующие песни, поначалу вневременные, отмечали триумфы бога. Постепенно грубый гимн разросся до подготовленных и искусных мер, исполняемых хором, который танцевал, кружась вокруг алтаря; и дифирамб приобрел возвышенный и торжественный характер, соответствующий святости жертвоприношения и эмблематическому величию бога. В то же время другая группа (связанная с фаллической процессией, которая, как бы непристойна она ни была внешне, по своему происхождению обозначала лишь символ плодородия, а по философии - какое-то чуждое восточное верование [8]) в более живых и домашних тонах призывала благословение блудливого и веселого божества. Эти церемониальные песни получили беспутное и дикое дополнение, поскольку, возможно, для того, чтобы более точно представить и олицетворить пестрый марш Liber Pater, певцы хора позаимствовали у козла, выращивающего виноград, которого они приносили в жертву, шкуры и рога, которые обеспечивали веселую мимику сатира и фавна. Под лицензией этой маскировки песни становились все более непристойными и гротескными, а муммеры соревновались друг с другом в получении аплодисментов сельской публики дикой буффонадой и необузданным шутовством. Будь то приз победителю или объект жертвоприношения, козел (tragos по-гречески) был достаточно важным персонажем, чтобы дать выставке домашнее название "ТРАГЕДИЯ" или "КОЗЛИНЫЙ СОНГ", которому впоследствии суждено было возвыситься благодаря ассоциации с самыми гордыми усилиями человеческого гения. А пока ДИТИРАМБ, еще среди дорийских племен, сохранял огонь и достоинство своего наследственного характера, пока в Сикионе он величественно и скорбно возвышался в память об Адрасте, аргивском герое, пока в Коринфе, под полированным правлением Периандра, Арион придавал античному гимну новый характер и более научную музыку [9], - постепенно в Аттике он уступил место привычному и

фантастическому юмору сатиров, иногда сокращенному, чтобы дать больше возможностей для их представлений, иногда зараженному их бурлеском. Тем не менее, читатель заметит, что трагедия, или козлиная песнь, состояла из двух частей - во-первых, представления мумий, и, во-вторых, дифирамбического хора, двигавшегося по кругу вокруг алтаря Вакха. В целом представляется наиболее вероятным, хотя и вызывает ожесточенные споры и большую неопределенность, что не только эта праздничная церемония, но и ее древнее название трагедия, или козлодрание, уже давно были знакомы в Аттике [10], когда около 535 г. до н.э., во время третьей тирании. 535 г., во время третьей тирании Писистрата, искусный и изобретательный уроженец Икарии, аттической деревни, в которой с особой тщательностью праздновались элевтерийские, или вакхические, обряды, превзошел всех конкурентов в демонстрации этих деревенских развлечений. Он разбавлял монотонные любезности сатирического хора, вводя, обычно от своего лица, гистрионного сказителя, который с возвышенного помоста и с живой жестикуляцией, свойственной до сих пор популярным рассказчикам романсов на Неаполитанском молу или в базарах Востока, развлекал публику какой-нибудь мифологической легендой. Было настолько очевидно, что во время этого выступления хор оставался ненужным и лишним, что следующее усовершенствование было столь же естественным само по себе, сколь и важным по своим последствиям. Оно заключалось в том, чтобы заставить хор помогать рассказчику случайными вопросами или замечаниями.

Сами хоры были усовершенствованы в своем профессиональном искусстве Фесписом. Он изобрел танцы, которые на протяжении веков сохраняли свою популярность на сцене, и, как говорят, придал гистрионную маскировку своему чтецу - сначала путем нанесения пигментов на лицо, а затем путем изготовления грубой льняной маски.

III. Эти усовершенствования, главным образом механические, составляют границу достижений Фесписа. Он много сделал для создания сцены, но мало - для создания трагедии, в правильном понимании этого слова. Его представления по-прежнему носили смешной и домашний характер и были больше похожи на комические, чем на трагические. В том, что составляет суть торжественной афинской драмы - ее величественный сюжет, ее гигантские образы, ее расточительная и пышная поэзия, - Феспис ни в коей мере не был изобретателем. Но Фриних, ученик Фесписа, был поэтом; он видел, хотя, возможно, смутно и несовершенно, новый путь, открывшийся перед искусством, и можно сказать, что он вдохнул бессмертный дух в простые механические формы, когда ввел поэзию во всплески хора и монолог актера. Что еще сделал Фриних, точно неизвестно. Развитый сюжет, введение регулярного диалога с участием второго актера, помпа и обстоятельства - симметрия и кульминация драмы - не относятся к его ранним работам; а великие художественные усовершенствования, которые подняли простое происшествие до сложной структуры изображенного повествования и ужасной катастрофы, приписываются не Фриниху, а Эсхилу. Если поздние произведения Фриниха и утратили эти достоинства, то лишь потому, что Эсхил стал тогда его соперником и уловил небесный свет новой звезды, которой суждено было затмить его. Но все главное для афинской трагедии было сделано, когда Фриних отнял ее у сатира и отдал под защиту муз, когда, оставив юмор деревенского фарса, когда он выбрал торжественный сюжет из серьезных легенд самой яркой из всех мифологий, когда он вдохнул в привычные меры хора величие и сладость лирической оды, когда, одним словом, не взяв у Фесписа ничего, кроме сцены и исполнителей, он позаимствовал свою историю у Гомера, а свою мелодию у Анакреона. Мы не должны, однако, полагать, что вульгарные рассказы об афинской драме вводят нас в заблуждение, что состязание за козла и шутовство Фесписа были ее подлинным происхождением; родившись из эпоса и лирической песни,

Гомер придал ей характер, а лирикам - язык. Феспис и его предшественники лишь подсказали форму, в которую должна была облечься новорожденная поэзия.

IV. Таким образом, при Фринихе феспийская драма переросла в поэзию, достойную оказывать влияние на поэтическое подражание, когда молодой человек из знатной семьи и возвышенного гения, ставший, возможно, более вдумчивым и глубоким благодаря культивированию мистической философии [11], которая недавно вышла из первобытных школ ионийской мудрости, привнес в восходящее искусство объединенное достоинство звания, философии и гения. Эсхил, сын Эвфориона, родившийся в Элевсисе в 525 году до н. э., рано насытил свой пылкий и возвышенный от природы дух яркой поэзией Гомера. Еще в детстве, вероятно, в то время, когда Фриних впервые возвысил феспийскую драму, он, как говорят, был вдохновлен сном и желанием преуспеть в драматическом искусстве. Но в Гомере он не нашел провидческого откровения, которое уверило бы его в тех целях, величественных и неразвитых, которые актер и хор могли бы стать инструментами для осуществления. Когда идея сценического представления стала привычной, эпосы Гомера подсказали истинную природу драмы. Великая черта этого поэта - индивидуальность. Боги и люди имеют свои отдельные, несомненные атрибуты и отличия, они ведут диалог, действуют в соответствии с поставленной целью. Выведите Гомера на сцену, введите двух актеров вместо рассказчика, и драма сразу же станет реальностью. Если Фриних с самого начала заимствовал свой сюжет у Гомера, то Эсхил, обладавший более творческим гением и более вдумчивым умом, увидел, что в жизненной силе гомеровского духа - единстве гомеровских замыслов - кроется еще более богатая мина. Гомер, пожалуй, не был его единственным, хотя и направляющим вдохновением. Знатное происхождение Эсхила, несомненно, дало ему те преимущества общего знакомства с поэзией остальной Греции, которые образование, полученное в династии Писистратидов, естественно, дало бы хорошо воспитанному человеку. Мы видели, что дифирамб, низведенный в Аттике до уровня феспийского хора, в дорийских государствах уже был посвящен возвышенным темам и обогащен искусством; и Симонид, чьи элегии, отличающиеся сладостью, могли вдохновить "амброзиального" Фриниха, возможно, дал суровой душе Эсхила, как и его ученику Пиндару, образец более возвышенной музыки в своих дифирамбических одах.

V. В возрасте двадцати пяти лет сын Эвфориона создал свою первую трагедию. Судя по всему, она была поставлена в год после появления Аристагора в Афинах - в тот самый богатый событиями и важный год, когда афиняне зажгли пламя персидской войны на фоне пылающей столицы Сард. У него было два конкурента - Пратинас и Херилус. Последний, правда, предшествовал Фриниху, но лишь в бурлесках грубой феспийской сцены; пример Фриниха обратил его внимание на новый вид драмы, но без какого-либо выдающегося таланта к ее культивированию. Пратинас, современник Эсхила, недолго пытался соперничать со своим могущественным соперником в его собственной линии [12]. Обратившись к старому хору сатиров, он привел его безмерные буффонады к регулярной и систематической форме; сохранив мифологическую сказку, он превратил ее в артистический бурлеск. Это изобретение, восхищавшее толпу, поскольку оно приспособляло древнее развлечение к новому и более критическому вкусу, стало настолько популярным, что его обычно связывали с более серьезной трагедией; когда последняя становилась торжественным и великолепным зрелищем, поэт представлял трилогию (или три трагедии) своей могущественной аудитории, а сатирическое изобретение Пратинаса завершало все и отвечало цели нашего современного фарса [13]. Из этого класса греческой драмы сохранился лишь один образец - "Циклоп" Еврипида. Вероятно, не только гений Эсхила, но и его рождение позволили ему с большей легкостью сделать внушительные и дорогостоящие дополнения к экспозиции, которых требовала природа поэзии - поскольку,

пока эти усовершенствования быстро продвигались, поэтическая слава Эсхила все еще оставалась некоронованной. И только на пятнадцатый год после первой выставки самый возвышенный из греческих поэтов получил чашу из плюща, которая сменила козла и быка в качестве приза на трагических состязаниях. В течение нескольких лет регулярная сцена, соответствующие декорации и костюмы, механические изобретения и сложные сценические механизмы придали соответствующую иллюзию представлению богов и людей. К монологу Фриниха Эсхил добавил второго актера [14]; он сократил хоры, связал их с основным сюжетом и, что важнее всего, свел к простым, но систематическим правилам ход и развитие поэмы, которая уже не ставила своей главной целью усладить слух или отвлечь фантазию, а неслась своим могучим и неодолимым маршем, чтобы осадить страсть за страстью и распространить свою империю на всю душу.

На смену странствующему помосту пришел регулярный театр из дерева - театр из дерева с великолепным зданием, которое, как говорят, вмещало не менее тридцати тысяч зрителей [15]. Театральные состязания стали предметом национального и всеобщего интереса. Эти состязания происходили трижды в год, на трех разных праздниках Вакха [16]. Но именно на великих Дионисиях, проходивших в конце марта - начале апреля, происходили главные трагические состязания. В этот период, по мере того как афинская драма становилась все более знаменитой, а сами Афины - все более известными, город наполнялся посетителями не только со всех концов Греции, но и почти из всех стран, где была известна греческая цивилизация. Государство взяло театр под свою защиту, как торжественное и священное учреждение. Народ так стремился полностью посвятить славу зрелищ афинскому имени, что во время великих Дионисий ни одному иностранцу, даже метеку (или иноплеменнику), не разрешалось танцевать в хорах. Главный архонт председательствовал на представлениях; ему же поручался выбор кандидатов на приз. Избранные получали по жребию трех актеров [17] и хор, расходы на который брало на себя государство и возлагало на одного из главных лиц каждого племени, называемого хорагом. Так, однажды Фемистокл был хорагом в трагедии Фриниха. Огромный театр, заполненный тысячами зрителей, ярус за ярусом, скамья за скамьей, был открыт небу и с покатою холма, на котором он располагался, был виден и суше, и морю. Актер апострофировал не мимический пастораль, а широкие просторы самой природы - живое солнце, горный воздух, широкие и зримые Эгеиды. Все было соразмерно гигантским масштабам театра и могучему кругу зрителей. Форма искусственно увеличивалась и подчеркивалась, маски изысканной красоты являли зрителям идеальные образы их скульптурных богов и героев, а (скорее всего) механические изобретения разносили тональность голоса по различным ярусам театра. Представления проходили в открытый день, а ограниченная продолжительность пьес позволяла сыграть, вероятно, не менее десяти или двенадцати до захода солнца. Священность их происхождения и мифологический характер сюжетов придавали этим зрелищам, открывавшимся церемониальным жертвоприношением, религиозную торжественность. Драматические представления, по крайней мере в течение значительного периода, не были, как у нас, заезженными из-за постоянного повторения. Они были столь же редки в своей повторяемости, сколь впечатляющи в своем эффекте; ни одна драма, будь то трагическая или комическая, получившая приз, не допускалась к повторному показу. Особое исключение было сделано в пользу Эсхила, а затем распространено на Софокла и Еврипида. Общее правило неизбежно стимулировало новые и постоянные усилия и, возможно, стало главной причиной почти чудесной плодовитости афинских драматургов.

VI. На нижних скамьях полукруга сидели архонты и магистраты, сенаторы и жрецы; в стороне, но на столь же почетных местах, взоры зрителей время от времени привлекали прославленные чужестранцы, которых слава их поэтов и их города привела на Дионисии

афинян. Юноши и девушки [18] имели свои отдельные отделения; остальные зрители располагались по своим племенам, а верхние галереи были заполнены разношерстным и нетерпеливым народом.

В оркестре (пространство, оставленное полукруглыми скамьями, с крыльями, простирающимися вправо и влево перед сценой) небольшой квадратный помост служил алтарем, к которому перемещались хоровые танцы, все еще сохранявшие атрибуты своей древней святости. Корифей, или предводитель хора, участвовал в диалоге как представитель остальных, а иногда даже несколько человек из числа хора возбуждали восклицания страстью произведения. Но главной обязанностью хора было разнообразить диалог гимнами и причитаниями под музыку флейт, а в танцах, гораздо более искусных, чем ныне существующие, они изображали своими движениями эмоции, о которых пели [19], - таким образом, как бы приводя в гармонию действия и поэзию языка. Архитектурные украшения из камня, изображающие дворец с тремя входами, центральный из которых предназначался для королевских особ, а остальные - для подчиненных, обычно служили для сцены. Но иногда, когда сюжет требовал другой местности, сцены, нарисованные с величайшим искусством и затратами, легко заменялись; не обошлось и без современных приспособлений для искусственной молнии и грома - облаков для богов, разнообразных изобретений для внезапного появления демонических агентов, как сверху, так и снизу, - и всех тех случайных и эффективных приспособлений, которые механизм предоставляет гению.

VII. Таким образом, представив перед собой внешний характер афинской драмы, огромную аудиторию, бескрышный и огромный театр, самих актеров, увеличенных искусством до обычных человеческих пропорций, торжественные и священные сюжеты, из которых черпались ее форма и дух, мы обращаемся к Эсхилу и сразу же видим подходящего создателя ее великих и идеальных олицетворений. Я уже говорил, что Гомер был его оригиналом; но наступил более интеллектуальный век, чем век греческого эпоса, и с Эсхилом философия перешла в поэзию. Мрачная доктрина фатальности придавала повествованию о событиях свой суровый и ужасный интерес - люди стали изображаться не просто как самодеятельные и своевольные смертные, а как проводники неизбежной и невидимой судьбы - сами боги перестали быть богами Гомера, входящими в сферу человеческих действий по мелким мотивам и для индивидуальных целей - черпая свое величие не из роли, которую они исполняют, а из описаний поэта; они предстают теперь как оракулы или вершители судеб, они - визитеры из другого мира, страшные и зловещие из-за предупреждений, которые они передают. Гомер - создатель материальной поэзии, Эсхил - интеллектуальной. Телесные и животные страдания Титана в эпическом аду возвышаются в трагедии до портрета нравственной стойкости, противостоящей физическим мукам. Прометей Эсхила - это дух бога, презрительно подчиняющийся несчастьям человека. Читая это удивительное представление, которому по чистой и устойчивой возвышенности, возможно, нет равных в мировой литературе, мы полностью теряем из виду веселое эллинское поклонение; и все же напрасно ученые пытаются проследить его смутную и таинственную метафизику до какой-нибудь старой символической религии Востока. Скорее всего, какая бы теологическая система ни вырисовывалась, она была скорее гигантской концепцией самого поэта, чем несовершенным возрождением какого-либо забытого верования или поэтической маскировкой какой-либо существующей философии. Однако, как бы то ни было, несомненно, что в этом величественном изображении бесстрашного врага Юпитера, наказанного только за его благодеяния человеку и привлекающего все наши симпатии своим мужеством и благожелательностью, передано неверие или пренебрежение

к вероучению народа - подозрение, от которого Эсхил не был свободен в суждениях своих современников, и которое ни в коей мере не противоречит доктринам Пифагора.

VIII. Сюжет басни таков: два огромных демона, Сила и Мощь, в сопровождении Вулкана появляются на отдаленной равнине земли - незаселенной пустыне. Там, на стерильной и возвышенной скале у самого моря, Вулкан приковывает Прометея - "в награду за его склонность быть нежным к человечеству". Дата этой гибели отнесена далеко назад, на самую раннюю зарю времен, и Юпитер только начал свое правление. Пока Вулкан связывает его, Прометей не произносит ни звука - только Вулкан, виновник его наказания, жалуется. И только когда страшная задача выполнена, а служители Юпитера удалились, "бог, не знающий гнева богов", произносит свой великий апостроф: "О воздух божественный!

"О воздух божественный! О вы, быстрокрылые ветры!

О вы, истоки рек, и вы, волны,

Что ямочки на старом Океане, как его улыбки...

Мать всего - о Земля! И ты, шар,

Всевидающая, Солнца, смотри и свидетельствуй.

Что я, бог, от суровых богов терплю.

* * * * *

Когда же кончится моя участь? Кончится! Для меня

Будущее не скрывает загадок, и никто не может

Прийти неподготовленным! Мне подобает храбриться

То, что должно быть: ибо что может отклонить

Темный ход мрачной Необходимости?"

Пока он произносит эту речь, воздух наполняется ароматами и слабо колыхнется от шелеста приближающихся крыльев. Дочери Океана, пробудившиеся из своих гротов внизу, пришли утешить Титана. Они высказывают множество претензий к династии Иова. Прометей утешает себя предсказанием, что в будущем олимпийцам потребуются его услуги и что, пока он сам не освободится из рабства, он никогда не откроет своему тирану опасность, грозящую его царству; ведь побежденный здесь описывается как представитель более могущественной расы, чем победитель, и ему открыты тайны будущего, которые Юпитеру закрыты. Триумф Юпитера - это победа грубой силы над знанием.

Затем Прометей рассказывает, как благодаря его советам Юпитер получил свой скипетр, а древний Сатурн и его сторонники были низвергнуты в бездну Тартара - , как он один вмешался в дела Юпитера, чтобы предотвратить истребление рода человеческого (которым пренебрег и осудил только небесный царь) - как он передал им огонь, семя всех искусств, и променял в их груди страшное знание будущего на заманчивые льстивые надежды, за что и был наказан.

В это время появляется сам Океан: он безуспешно пытается склонить титана к покорности Юпитеру. Великий дух Прометея и его забота о других прекрасно переданы в его ответах утешителю, которого он предупреждает не навлекать на себя гнев тирана сочувствием к страждущим. Снова оставшись наедине с Океанидами, последние разразились новыми песнями жалости.

"Широкая земля эхом отзывается,
Величественным и древним был твой павший род,
Широкая земля отворачивается от тебя!
Из святой азиатской обители,
Обиды божества, слезы смертных,
Они оплакивают колхидскую землю,
Девы и дочери-воительницы,
И далекий скифский отряд,
Вокруг широких Меотийских вод,
И те, кто держит на Кавказе свою башню,
Аравии воинственный цветок
И хриплые крики средь острых рядов колючих копий.

Одного я видел с такими же муками растерзанным.
Равный богу; в адамантиновых цепях
Вечно и вечно
Титан Атлас, сокрушенный, поддерживает
Могучую массу могучих небес,
И реветь катаракта,
В такт стонам титана,
И глубина, принимающая их, стонет;
И из сводов, под которыми земля,
Черный Аид громом раздается;
А из фонтанов белоснежных рек текут
Мелодичные печали, плачущие его горем".

В своем ответе Прометей еще более подробно описывает блага, которыми он наделил людей, - он присваивает себе их возвышение до интеллекта и разума [20]. Далее он мрачно рассуждает о власти Необходимости, ведомой "триформными судьбами и незабвенными фуриями", которые, как он утверждает, властвуют над самим Юпитером. Он заявляет, что Юпитеру не избежать гибели: "Его судьба, - спрашивают дочери Океана, - не в том ли, чтобы вечно царствовать?" - "Этого вы не узнаете", - отвечает пророк, - "и от сохранения этой тайны зависит моя будущая свобода".

Ответная реплика хора необычайно красива, и с пафосом, не свойственным Эсхилу, они противопоставляют свое нынешнее скорбное напряжение тому, которое они изливали

"В какой раз тишина, нарушенная вначале,
Вокруг бань и над ложем.
К которой, завоеванной многими нежными словами любви,
И воспетой музыкой восторга,
Нашу океанскую сестру, светлую
Гесиона, вела!"

В конце этой хоровой песни появляется Ио, совершающая свое мистическое паломничество [21]. Безысходность и отчаяние Ио прекрасно контрастируют с суровым духом Прометея. Ее вступление дает начало тем родовым и традиционным аллюзиям, к которым так привязаны греки. Предсказывая ее судьбу, Прометей вводит много красивой описательной поэзии и

вспоминает о роде аргивских царей. После ухода Ио Прометей вновь бросает вызов Юпитеру и сурово пророчествует, что сын Сатурна будет "изгнан из царства своего, забытый царь". В разгар этих странных обличений прибывает Меркурий, которому Юпитер поручил узнать о природе той опасности, которую предсказывает ему Прометей. Титан с горечью и надменностью отвергает угрозы и предостережения вестника и возвеличивает, что каковы бы ни были его мучения, он, по крайней мере, бессмертен - страдать, но не умирать. Наконец Меркурий отплывает, угроза Юпитера выполнена, наказание свершилось, и среди бури и землетрясения и камень, и узник низвергаются молниями бога в бездонную пропасть.

"Земля вздымается и с грохотом проносится мимо,
Раздаются раскаты грома, набирающего силу!
И яростный огонь сияет; и вдоль
скал вихри песчаные крутятся,
Подгоняемые ураганом, и все ветры
Всех ветров, каждый из которых мчится вперед.
Встречаясь в дикости ужасной войны,
Темные потоки смешались с проносящимися небесами.
Он идет, идет! На меня он мчится - буря,
Стремительный натиск бога-громовержца;
О, величие земли, моя торжественная мать!
И ты, что сквозь вселенскую пустоту
Окружаешь сладостным светом, все благословляя; ЗЕМЛЯ И ЭФИР,
Тебя я призываю, чтобы ты знал, что я страдаю".

IX. Такова развязка этой непревзойденной драмы, изложенная несколько излишне пространно, чтобы показать читателю, насколько сильно философия, пробудившаяся в эпоху Солона, действует теперь на поэтические творения. Не то чтобы Эсхил, подобно Еврипиду, занимался дидактическими предложениями и прорицательскими афоризмами. Он справедливо считал, что подобная педантичность чужда трагическому гению [22]. Его философия - в духе, а не в дикции его произведений - в обширных концепциях, а не в лаконичных сентенциях. Он не проповедует, но вдохновляет. Прометей" - возможно, величайшая нравственная поэма в мире - строгая и возвышенно-интеллектуальная и, среди своих более мрачных и менее осязаемых аллегорий, представляющая нам превосходство бессмертного существа над всеми смертными страданиями. Рассматриваемая просто как поэзия, концепция Титана Эсхила не имеет аналогов, кроме как в "Изверге" Мильтона. Но, возможно, изображение доброжелательного духа, страдающего, но не проклятого, покоренного, но не покорившегося силе, которая старше, мудрее и возвышеннее его, все же более возвышенно, чем изображение злого демона, корчащегося под карой, заслуженно понесенной от непреодолимого Бога. Один из них глубоко морален - одновременно и более морален, и более трагичен, потому что страдания не заслужены, и поэтому вызов вызывает у нас как сочувствие, так и благоговение; другой же - лишь картина праведной гибели, которую несет отчаявшаяся, но упрямая воля; он не возбуждает в нас мужества и запрещает одновременно восхищаться и жалеть.

X. Я не собираюсь подробно знакомить читателя с другими трагедиями Эсхила; нам оставлено семь, чтобы дать самые яркие примеры того, что современная или древняя литература может представить в качестве истинной теории СУБЛИМАЦИИ, а именно: возвышение воображения с помощью страстей для достижения нравственной цели.

Ничто не может быть более величественным и впечатляющим, чем начало "Агамемнона" с одиноким сторожем на башне, который в течение десяти долгих лет по ночам следил за огнями маяка, возвещающего о падении Илиона, и теперь, наконец, видит, как они разгораются. Описание, которое Клитемнестра дает движению этих огней-маяков из Трои в Аргос, по своей живописной живости является одним из самых знаменитых в Эсхиле. Следующие строки донесут до широкого читателя весьма неадекватное отражение, хотя и неверный пересказ этого великолепного отрывка [23]. Клитемнестра объявляет хору о взятии Трои. Хор, наполовину недоверчивый, спрашивает, какой гонец передал ему эту весть. Клитемнестра отвечает:...

"Отблеск - отблеск - с высоты Иды,
Посылаемый богом огня, он явился;
От часового к часовому перескакивал свет,
Как всадник, скачущий в пламени!
Он пронесся по изумленному небу;
И факел этой пылающей славы
Старый Лемнос ввысь устремился,
на своем священном мысе,
И послал его, радостный знак,
На Афон, гору божественного Иова.
Дико вздымался он с острова,
Так что мощь странствующего света
Пронеслась над спиной сверкающей рапы!
Все дальше и дальше он мчится,
Пока дозорные, стерегущие Мациста, не увидели, как он вспыхнул, словно пылающий
огонь.
Увидели, как он вспыхнул, словно пылающее солнце!
Спит ли Мацистус
На своем отвесном склоне?
Нет! Стремительный и красный огонь взметнулся ввысь.
Он вспыхивает вдали, на пути потока
дикого Эврипа, стремительный луч!
Он светит на высоту Мессапиона,
И питают его дыханием увядшие верески.
Но он не может остаться!
И вдаль, вдаль
Он мчится в своей свежей силе.
Безмолвно и скоро,
Как расширившаяся луна,
Он проходит в блеске, Асопус зеленый, [24]
И вспыхивает на Ситероне сером.
Просыпается стражник от лучей сигнала,
И он с холма срывается, пылая все шире,
На огненной славе скачет...
Одинокое озеро твое, Горгопис, засияло...
К горе Мегары он прилетел;
Они снова кормят его,
И струится впредь
Гигантская борода пламени!
Утесы, что мрачно спускаются

Над водами Сароническими хмурятся,
Мимо них проносится стремительный поток,
И огромные скалы сверкают в лучах прилива,
С могучим маршем и яростной силой
Он настиг соседнюю башню Арахны.
А потом на аргивской крыше отдохнул,
Огня Иды сын, давно ушедший от нас.
Яркий предвестник славы и радости!
Так первый и последний с равной честью увенчаны,
В торжественных пирах ратный факел кружит.
А это мои глашатаи! Это мой знак мира!
Пока мы дышим, владыки-победители Греции,
Идут в суровом грохоте по залам Трои!" [25]

В одном из ранних хоров, где вводится эпизодический намек на похищение Елены, встречается один из тех мягких пассажей, которые так редки у Эсхила, и не менее изысканны, чем редки. Хор предполагает, что менестрели Менелая таким образом оплакивают потерю Елены:...

"И да здравствуют залы, и да здравствуют вожди,
И ложе невесты!
А мы ее шаги - ведь когда-то она любила
Повелителя, чьей любви она избежала!
Где же он, бесчестье еще не знавший,
Он сидит и не думает, что его Елена улетела,
Без слез и голоса на месте;
Все покинуты, но он не чувствует этого!
Ах, как скоро он жив, чтобы тосковать и скорбеть.
За океан унесенный
Начнет одинокий король!
И мысли наполнят комнату потерянного,
И сквозь дворцовый мрак
Пройдет призрачная тварь. [26]
Ее статуи встречаются, вставая кругом,
Свинцовый взгляд безжизненных глаз.
Куда делась их древняя красота?
Зачем ненавидеть взглядом дышащий камень?
Увы, позорная грязь
Смахнула Венеру с лица!
И виденья в скорбной ночи
Обманут сердце ложным восторгом,
ложный и меланхоличный;
Ибо нет печальней радости на свете,
Чем то, что ночью сон принес,
Желанное и святое.
Быстро от одиночества
Видение и благословение скользят,
Не успели они промелькнуть, как их уже встретили,
Бледные, бескровные, мечты, взлетающие

На крыльях невидимых и нежных,
Потерянные странники, скользящие по дорогам сна".

Но главный ужас этой трагедии - во введении Кассандры, которая сопровождает Агамемнона и которая в самый час его возвращения, среди пышности и радости, с которыми встречают "царя людей", охвачена пророческим вдохновением и выкрикивает те зловещие предупреждения, которым суждено быть услышанными впустую. Именно она напоминает хору и содрогающимся зрителям, что это дом давно погибших Атридов, в который вернулся их потомок - "этот человеческий убогий дом, этот кровавый пол, это жилище, отвратительное для небес, виновное в стольких ужасах против самых священных уз"; гибель еще висит над нерушимым порогом; проклятие переходит из поколения в поколение; Агамемнон - жертва своих предков.

Вспомнив о бесчеловечном пире, устроенном Атреем для Тиестеса из его собственных убитых детей, она начинает с растерзанных призраков на пороге:

"Посмотрите на этих младенцев, скрючившихся на полу,
Как призрачные сны, бледные младенцы, погибшие
От родственных рук".

Постепенно ее бред становится все яснее и яснее, пока, наконец, она не учуяла "кровавую бойню внутри"; пар поднимается в ее ноздри, как из чертога - ее собственная судьба, которую она предвидит, начинает одолевать ее - ее настроение смягчается, и она входит во дворец, который должен стать ее могилой, с мыслями, в которых неистовый ужас уступил место торжественной и патетической покорности:

"Увы смертным! Какова их сила и гордость?
Маленькая тень сметает их с лица земли!
А если они страдают - что ж, роковой час
Наступает, как влажная губка,
и стирает ее; *думаю, что эта последняя участь
Затрагивает меня больше всего... Что ж! Это жалко!*" [27]

Едва пророчица удалилась, как мы слышим за сценой стоны убитого царя, дворец открывается, и Клитемнестра стоит, суровая и возвышенная, у мертвого тела своего повелителя. Критики слишком много внимания уделяют характеру Клитемнестры - именно характер Кассандры является шедевром трагедии.

XI. История, охватывающая три пьесы (образующие полную трилогию), продолжается в начале "Хоэфоров", где Орест оплакивает гробницу отца. Если Клитемнестра дала возможность потенциальным критикам сравнить ее с леди Макбет не иначе как по той причине, что одна убила своего мужа, а другая уговорила мужа убить кого-то другого, то Орест с большей справедливостью может быть назван греческим Гамлетом; но хотя сам характер Ореста не столь сложен и глубок, как у Гамлета, а пьеса не столь полна философских красот, как современная трагедия, в ней есть отрывки не менее патетические и более суровые и ужасающе возвышенные. Смутный ужас, который в начале пьесы подготавливает нас к катастрофе: сон Клитемнестры о том, как змея лежала в пеленках, как младенец, и она положила ее себе на грудь, и та пустила кровь; краткий и торжественный ответ Ореста: "Человеку видения не приходят".

"Видения человека никогда не приходят к нему напрасно".

как мстящий отцеубийца прерывает сон, чтобы (как в Макбете) предсказание вдохновило на поступок, который оно предрекает; бесстрашное решение Клитемнестры, когда она слышит в мрачных словах своего слуги, что "мертвые убивают живых" (то есть что мечом Ореста Агамемнон отомщен Эгисту), призывает к оружию, царственная до последнего, желая только

"Знать, кто будет победителем или побежденным".

Так как это кризис нынешнего ужаса;"

внезапный переход от свирепости к нежности, когда врывается Орест, и, думая только о своем виновном возлюбленном, она кричит,

"Ах, нет тебя больше, любимый Эгисф!"

угрожающий шаг сына, мягкий апостроф матери, обнажающей свое лоно...

"Держи и почитай эту грудь, на которой так часто
Твоя юная щека прильнула - колыбель твоего сна,
And fountain of thy being;"

Отшатывание Ореста, протест Пилада, вновь вспыхнувшая страсть мстителя, внезапное воспоминание о своем сне, который убийца едва успевает произнести, как Орест убеждается в его исполнении, преследует и убивает ее рядом с прелюбодеем; все эти отрывки полны такой благородной поэзии, что я не думаю, что параллельные ситуации в "Гамлете" могут сравниться с ними по выдержанности и торжественному величию. Но самое возвышенное усилие воображения - в заключении. Пока Орест еще оправдывает поступок, отомстивший за отца, в его голову постепенно закрадываются странные и путанные мысли. Их не видят никакие глаза, кроме его собственных - вот они, "Горгоны, в одеяньях соболиных, их глаза роняют ненавистную кровь!". Медленно размножаясь, они приближаются, все еще невидимые, но уже к своей жертве - "разъяренным адским псам его матери". Он летит, свежая кровь еще капает с его рук. Эта катастрофа - внезапное явление фурий, в идеальном виде являющихся одному только отцеубийце, - кажется мне более значительной по замыслу, чем сверхъестественные действия в "Гамлете". Видимый призрак менее ужасен, чем невидимые фурии.

Сюжет продолжается в третьей части трилогии ("Эвмениды"), и, кроме самого Эсхила, ни одна трагедия не представляет столь поразительного начала - столь ужасного и столь живописного. Это храм Аполлона в Дельфах. Жрица после короткого воззвания входит в священное здание, но внезапно возвращается. "Человек, - говорит она, - лежит на мраморном сиденье, мольба к богу - его окровавленные руки держат меч и длинную ветвь оливы. А вокруг него спит дивный и жуткий отряд, не женщин, но существ, похожих на женщин, но при этом чудовищных; гарпии они кажутся, но не являются ими; в черных одеждах и без крыльев, и дыхание их громко и зловеще, и глаза их капают ядом, и одежда их не подходит ни для святилища бога, ни для жилища людей. Никогда не видел я (говорит пифия) народа, возрадившего такую расу". Ободренный Аполлоном, Орест бежит, пока страшные сестры еще спят; и вот уже в храме мы видим фурий, рассеявшихся вокруг, а бледная и возвышенная фигура, призрак Клитемнестры, скользя по сцене, пробуждает агентов ее мести. Они вскрикивают, пробуждаясь: "Сейте, сейте, сейте". Они оплакивают уход своей жертвы, они вступают в перепалку с Аполлоном, который изгоняет их из своего

храма. Сцена меняется; Орест в Афинах, он отстаивает свою правоту перед храмом Минервы. Теперь в состязании участвуют боги; Аполлон и фурии - заступники, Паллас - судья, ареопагиты - судьи. Палласа отдает свой голос в пользу Ореста - жребий равный - и его отпускают; фурии, поначалу разгневанные, успокаиваются Минервой и, приглашенные поселиться в Афинах, осыпают землю благословениями. Священная, но радостная процессия венчает все действие. Таким образом, завершение трилогии жизнерадостно, хотя каждая из двух предыдущих частей трагична; поэт искусно посвящает поэму чести своих родных Афин и почтенного Ареопага. Если рассматривать все три произведения как одно гармоничное и единое представление, в целом не такое длинное, как одна пьеса Шекспира, то по величию мысли, по возвышенности замысла и по устойчивой силе исполнения их, конечно, не превзойдет ни одна поэма в литературе; и, наблюдая их простую, но компактную симметрию в целом, мы не будем справедливо подписываться под теми, кто отказывает Эсхилу в мастерстве художника, наделяя его способностями поэта.

Изобретательный Шлегель приписывает этим трагедиям символические толкования, но, на мой взгляд, весьма неудачно. Эти четыре трагедии - "Прометей", "Агамемнон", "Хозфоры" и "Эвмениды" - по своему величию неизмеримо превосходят остальные три.

XII. Из этих последних "Семь против Фив" - лучшая. Тема была особенно интересна для Греции; война Семи - самая ранняя запись о лиге между греческими князьями и о предприятии, осуществляемом с регулярным и систематическим планом. Катастрофа двух братьев, павших от руки друг друга, ужасна и трагична и относится к числу самых национальных греческих легенд. Яростный и боевой дух поэта-воина пронизывает всю пьесу; его описания оживлены рвением и страстью битвы; хор фиванских дев рисует в самых ярких красках стремительный бег враждебных воинств - скачки всадников - стук их копыт, "грохочущих, как поток, бьющий по склонам скал"; Мы слышим скрип тяжелых машин, пронзительный свист копьев, "безумствующий в воздухе", ливни камней, сыплющихся на крепостные стены, удары по могучим воротам, грохот в городе, вопли насильников, крики младенцев, "задушенных бурлящей кровью". Сам Гомер никогда не накапливал более ярких образов ужаса. Описание Тидея имеет особый гомеровский характер.

"Три теневых гребня - честь его шлема,
Дико размахивают руками, и пронзительно звучит с его пряжки широкий
Медный колокол звонит в ужас. На щите
Он несет свой надменный знак - начертанный звездами
Сверкающий в небе, а посередине
Сверкает царственная Луна - Око Ночи.
Яростный в славе своего оружия, его голос
Ревет у берегов реки; и пьян войной
Он рвется, как дикий конь, когда труба
И на врага мчится, как дикий скакун".

Гордый, бесстрашный и воинственный дух Этеокла, задуманный и нарисованный с немислимой силой, прекрасно характеризуется в его ответе на приведенное выше описание:

"У человека нет доспехов, у войны нет оружия,
перед которыми может трепетать это сердце; никакие приспособления
Ни боевые знамена не могут нанести
Раны, которые они грозят; гребни и звон колоколов

Без копья беззубы, и ночь,
начертала на твоей пряжке небесные звезды,
Пророчит, быть может, его гибель; И если темная смерть
закрывает его глаза, то это лишь зловещие знаки
Черной ночи, что ждет его".

Описание каждого воина, стоящего у каждых ворот, полностью соответствует гению Гомера и заканчивается описанием Полиника, брата осажденного героя, которому, услышав его имя, Этеокл сам решает противостоять. Поначалу он раздражается восклицаниями, свидетельствующими о трепете и борьбе отвратительной натуры; перед ним мелькают предчувствия собственной гибели, он чувствует, что проклятия его предка созревают, что последняя буря еще не разразилась над домом Эдипа. Внезапно он сдерживает порыв, почувствовав присутствие хора. Он переходит к рассуждениям с самим собой, используя процесс мышления, который Шекспир не смог бы превзойти. Он вызывает в памяти образ этого брата, ненавистного и несправедливого с младенчества до отрочества, с юности до молодости, убеждает себя, что справедливость будет поправа, если этот враг восторжествует, и спешит к своей страшной решимости.

"Я встречу с этим воином; кто может похвастаться
Правом равным моему? Вождь против вождя...
Враг против врага! И брат против брата.
Что, хо! Мои шкуры, мое копье, мои доспехи
Против этой бури камней! Моя позиция выбрана".

Этеокл и его брат погибают в противоестественной борьбе, и трагедия заканчивается постановлением сенаторов похоронить Этеокла с подобающими почестями и смелым решением Антигоны (сестры погибшего) бросить вызов постановлению, запрещающему похоронить Полиника.

"Ибо могуча память чрева.
Из которого мы вышли - несчастная мать!"

Тот же дух, которым проникнуты "Семь против Фив", виден и в "Персах", которые, скорее живописные, чем драматические, представляют собой трагедию, возвращенную к дифирамбической оде. Она изображает поражение Ксеркса и содержит одно из самых ценных исторических описаний в строках, посвященных битве при Саламине. Речь Атоссы (матери Ксеркса), в которой она перечисляет подношения тени Дария, изысканно красива.

"Чары, успокаивающие мертвых:
Белое молоко и прозрачный мед, чисто вытопленный
Дикой пчелой - мастером цветов;
Жидкий помет девственного фонтана,
И эта светлая жидкость от горной матери
Рожденная свежей - радость освященной временем лозы;
Пахучий плод бледно-зеленой оливы, чьи листья
Живут вечно, и эти цветы в венке,
Улыбающиеся младенцы блудной земли".

Не меньше поэзии и в обращении хора к тени Дария, которая медленно поднимается по мере завершения песни. Но цель, с которой монарх возвращается на землю, едва ли достаточна, чтобы оправдать его появление, и, кажется, не соответствует той власти над нашим благоговением и ужасом, которой обычно повелевает поэт. Дарий выслушивает рассказ о поражении своего сына, предостерегает персов от вмешательства в дела афинян, велит матери утешить сына, призывает хор (который пренебрегает его советом) предаться веселью, хотя и в горе, "ибо мертвым богатство не приносит пользы", и возвращается к своему покою, который кажется очень неоправданно нарушенным.

Повесть "Подданные", которая, по правдоподобию предположению Шлегеля, была промежуточным произведением трилогии, примечательна прежде всего как доказательство разносторонности поэта. Весь ужас исчез со сцены; язык мягок по сравнению с обычной дикцией Эсхила; действие мирное, а сюжет предельно прост - всего лишь защита, которую дочери Данае получают при дворе Пеласага от преследования сыновей Египта. Героини пьесы, данаиды, составляют хор, и это придает всей пьесе, в большей степени, чем у персов, характер лирики, а не трагедии. Мораль пьесы примитивна и домашняя, и, кажется, сводится к внушению гостеприимства к чужестранцам и неприкосновенной святости святилища. Я не знаю ни одного отрывка в "Супплиантах", который бы сравнился по поэтичности с более яркими стихами "Персов" или "Семеро против Фив".

XIII. Были предприняты попытки донести до современного читателя более привычное представление об Эсхиле с помощью сравнений с современными поэтами. Один критик сравнивает его с Данте, другой - с Мильтоном, но он не похож ни на того, ни на другого. Ни один современный язык не может передать представление о чудесной силе его дикции, ни один современный поэт - о суровой возвышенности его концепций. Французские трагики могут дать слабый отблеск Еврипида или даже Софокла, но никто из них не осмелился вторгнуться на священную территорию отца трагической драмы. Он не поддается никакому подражанию. Его гений настолько близок к грани напыщенности, что приблизиться к его возвышенному - значит броситься в нелепое". [28]

В дошедших до нас пьесах Эсхил ни разу не обрисовывает любовь, за исключением пары выражений, касающихся страсти Клитемнестры к Эгисту [29]. Это было символом нового состояния общества, когда Еврипид создал "Федру" и "Медю". Его сюжеты разработаны по самым простым и немногочисленным позициям. Но у него, очевидно, была своя теория искусства, и он тщательно изучал те сценические эффекты, которые казались ему наиболее яркими и впечатляющими. Так, в бурлескном состязании между Эсхилом и Еврипидом в комедии "Лягушки" первого порицают не за грубое пренебрежение, а за слишком тщательное культивирование театрального ремесла - например, за то, что он вводит своих главных героев, Ниобу и Ахилла [30], со скрытыми лицами и хранит долгое и упорное молчание, чтобы этим напряжением обострить ожидание зрителей. Эсхил, в сущности, вопреки общепринятой критике, был таким же серьезным и вдумчивым художником, как и сам Софокл. Правда, в этом была разница: один изобретал искусство, другой его совершенствовал.

Но первое требует столь же тщательного изучения, как и последнее; и те, кто говорит о диком и необученном гении Эсхила, не мудрее тех критиков, которые применяют фразу "родные лесные ноты" к совершенной философии "Гамлета", анатомической правильности "Отелло", тонкой симметрии "Бури". Что касается языка Эсхила, то древние критики вместе с современными осуждают натянутость его метафор и преувеличение образов; однако мне они

кажутся необходимой частью его гения и производимого им эффекта. Но ничто не может быть более неудовлетворительным и неубедительным, чем теория Шлегеля, согласно которой такие метафоры и образы, такая грубая смелость и неравномерный огонь являются характерными чертами литературы, находящейся в зачаточном состоянии. Напротив, как мы уже видели, Фриних, предшественник Эсхила, отличался такой же сладостью и гармонией, как Эсхил - величием и стремительным оживлением. В наше время на смену холодной классической школе пришла школа, полная недостатков, которые красноречивый, но поверхностный немец приписал бы младенчеству литературы. Дикция Эсхила была отличием его самого, а не его эпохи; если она требует извинений, давайте не будем искать их в ложных притворствах; если бы он писал после Еврипида, его дикция была бы столь же поразительной, а метафоры столь же возвышенными. Его гений был из тех, что в любую эпоху могут сформировать эпоху, а не из тех, что эпоха обязательно формирует. Он мог бы обогатить свою музыку звуками дорийской лиры, но ему нужен был только один поэт, живший до него. Остальным греческим драматургам требовался Эсхил, а Эсхилу - только Гомер.

Поэт, действительно, является творцом не только образов, но и людей, не одной расы идей и характеров, а огромного и бесконечного потомства, рассеянного по всей земле.

Происхождение каких замечательных произведений, в каких далеких краях, в какое разное время, можно проследить, шаг за шагом, от влияния к влиянию, пока мы не придем к Гомеру! Такова жизненная сила гения. Истинный духовный трансмигрант, он проходит через все формы, теряя индивидуальность, но не жизнь, и подобен Великому Интеллекту, который является душой материи, выходя из одной формы только для того, чтобы одушевить другую.

ГЛАВА III.

Аристид.- Его характер и положение.- Возвышение Фемистокла.- Аристид подвергается остракизму.- Остракизм рассмотрен.- Влияние Фемистокла возрастает.- Серебряные рудники Лавриона.- Их продукт применен Фемистоклом для увеличения флота.- Новое направление, данное национальному характеру.

I. В то время как прогресс драмы и гений Эсхила способствовали росту славы Афин, на поверхности ее внешних дел появились два соперничающих и главных действующих лица, таланты и замыслы которых были настолько противоположны, что вскоре стало очевидно, что триумф одного может быть только в поражении другого. До битвы при Марафоне Аристид добился очень большого влияния в Афинах. Его происхождение было знатным, связи - богатыми, состояние - умеренным. Он был одним из первых последователей и почитателей Клисфена, основателя народных институтов в Афинах после изгнания Писистратидов, но разделял пристрастия многих народных вождей и, выступая против посягательств тирании, поддерживал власть аристократии. Система Ликурга отвечала его суровому и негибкому нраву. Его честность была республиканской, а возвышенность духа - патрицианской. Он обладал всей чистотой, бескорыстием и пылкостью патриота - у него не было ни податливости, ни страсти демагога; напротив, он, кажется, чувствовал в себе много того высокодуховного презрения к управлению народом, которое свойственно великим умам, сознающим, что они служат народу. Его манеры были строгими, и он скорее советовал, чем убеждал людей в своих целях. Он не проводил извилистой политики, а шел прямо к своей цели, преодолевая, а не подрывая препятствия на своем пути. Его репутация правдивого и честного человека была общеизвестна, и когда на сцене произносили строки из Эсхила, подразумевая, что "быть, а не казаться, его мудрость", глаза зрителей сразу же обращались к Аристиду. Его суровость касалась только принципов - к людям он не был суров. Гордясь своей беспристрастностью в отношениях между друзьями и врагами, он выступал в защиту

тех, кого законы обязывали его преследовать; и когда однажды, в качестве арбитра между двумя частными лицами, одна из сторон заявила, что ее противник нанес Аристиду множество обид, он благородно упрекнул его: "Не говори мне, - сказал он, - об обидах, нанесенных мне, но тебе. Я решаю твое дело, а не свое". Можно предположить, что, обладая этими необычными и возвышенными добродетелями, он не стремился предотвратить раны, которые они наносили самолюбию других, и что качества превосходного ума проявлялись с надменностью духа. Он стал защитником аристократической партии и перед битвой при Марафоне занимал должность государственного казначея. Плутарх утверждает, что в этом качестве он подвергся обвинению со стороны Фемистокла, и даже намекает, что сам Фемистокл был его предшественником на этом почетном посту [31]. Однако молодость Фемистокла опровергает это утверждение; и хотя его беспокойный и честолюбивый нрав уже привел его к активной жизни, и он мог объединиться с другими, более влиятельными, против Аристида, едва ли можно предположить, что, не обладая никакими преимуществами рождения, он достиг большой власти или выдающегося положения, пока не завоевал внезапное и народное одобрение своей галантностью при Марафоне.

II. Фемистокл был незаконнорожденным, согласно афинским предрассудкам, поскольку его мать была иностранкой. Его отец, хотя и был связан со священническим и высокородным домом Ликомедов, сам не был Евпатридом. Молодой Фемистокл обладал многими из тех качеств, которые нередко воспитывает в деятельных и буйных умах двусмысленное состояние незаконнорожденности - наглость, показное поведение, желание блистать и непобедимое стремление возвыситься. Согласно популярной легенде, он рано начал общаться с начальством и в это время проявлял искусство и обращение, которые впоследствии отличали его. На встрече всех незаконнорожденных юношей, собравшихся на борцовском ринге в Синосарге, посвященном Гераклу, он уговорил некоторых молодых вельмож сопровождать его, чтобы спутать различия между законными и незаконнорожденными. С самого начала его нрав был смелым, беспокойным и порывистым. Он не обращал внимания ни на тонкости школьного образования, ни на изысканность искусств, но еще в детстве посвятил себя изучению политики и искусства управления. Он избегал спорта и занятий своих школьных товарищей и сочинял декларации, предметом которых были обвинения или защита кого-нибудь из его юных друзей. Его склонности предсказывали его будущую карьеру, а его учитель был склонен говорить, "что он родился, чтобы стать благословением или проклятием для содружества". За его странным и ранним детством последовала дикая и развратная юность. Он жил в крайностях, чередуя самые вольные удовольствия [32] и самые смелые амбиции. Преждевременно вступив в общественную жизнь, он то ли по своему беспокойному нраву, то ли по своим политическим принципам вступал в борьбу с людьми самого высокого ранга. Бесстрашному и азартному, ему было все равно, на кого нападать и что предпринимать; и, каково бы ни было его поведение до Марафонской битвы, народные взгляды, которых он придерживался, не могли не привести его после этого события в постоянную оппозицию к Аристиду, чемпиону Ареопага.

Эта великолепная победа, положившая начало его карьере, обострила его амбиции. Громкая слава Мильтиада, еще не осознавшего обратного, внушала ему возвышенную зависть. Кажется, с этого времени он оставил свои юношеские излишества. Он воздерживался от привычных занятий и удовольствий, предавался уединенным и абстрактным размышлениям, проводил целые ночи в наблюдениях. Его друзья удивлялись такой перемене и спрашивали о ее причинах. "Трофеи Мильтиада", - отвечал он, - "не дают мне спать". От этих раздумий, свойственных большинству мужчин в промежутке между неровной юностью и устремленной ввысь зрелостью, он вскоре, кажется, пробудился с твердыми целями и расширенными

взглядами. Как только он вышел из неизвестности своего рождения, его успех был быстрым, поскольку он обладал всеми качествами, которые народ требовал от лидера - не только талантами и мужеством, но и приветливостью и обращением. Он был приятным и любезным собеседником, запоминал имена самых скромных граждан, а его разносторонность позволяла ему быть всем для всех. Не обладая возвышенным духом и прекрасным умом Перикла, не имея блудливых, но женоподобных граций Алкивиада, не имея в своем интеллектуальном составе ни одной афинской поэзии, он все же обладал большой силой убеждения, готовым талантом к делу и гением интриги. Но его ум, если и был грубее, чем у любого из его преемников, все же был, пожалуй, более мужественным и решительным; ничто не отвлекало его от цели, ничто не останавливало его честолюбие. Его цели были велики, и он связывал возвышение своей страны со своими более эгоистичными целями, но он был беспринципен в отношении средств. Жадный до славы, он не был восприимчив к чести. Кажется, он скорее не понимал, чем понимал, но пренебрегал пределами, которые принцип устанавливает для действий. Удивительно дальновидный, он, как никто другой из его современников, обладал пророческой наукой о делах: терпеливый, бдительный и глубокий, он всегда был энергичен, потому что всегда был готов.

Таким был соперник Аристиды и таким был восходящий лидер народной партии в Афинах.

III. История умалчивает о том, какое участие принимал Аристид в импичменте Мильтиада, но нет оснований полагать, что он выступал против мер партии Алкмеонидов, с которой он действовал и которая, по-видимому, получила верх после смерти Мильтиада. В год, следующий за битвой при Марафоне, мы видим Аристиду в выдающемся сане архонта. На этом посту он стал известен под именем Справедливого. Его влияние, официальное положение, сила партии, которая его поддерживала, вскоре сделали его главным авторитетом в Афинах. Судейские суды опустели, каждый тяжущийся обращался к его арбитражу - его управление властью обеспечило ему почти монополию на нее. Однако против него активно выступали Фемистокл и народная фракция, возглавляемая этим честолюбивым соперником.

Постепенно различные причины, главной из которых было его собственное высокое положение, привели к снижению авторитета Аристиды; даже среди своих сторонников он терял позиции, отчасти из-за ревности магистратов, чей авторитет он вытеснил, а отчасти, несомненно, из-за максимы, более опасной для лидера, чем любая другая, которую он может принять, а именно беспристрастности между друзьями и врагами при назначении на должности. Аристид учитывал не политические взгляды, а абстрактный характер или таланты кандидатов. У Фемистокла, напротив, любимой поговоркой было: "Боги не допускают, чтобы я был у власти, а мои друзья не были причастны к моему успеху". Тенденция первой политики заключается в недовольстве друзей, в то время как она редко, если вообще когда-либо, примиряет врагов; она также не столь возвышенна, как может показаться на первый взгляд; ведь если мы отстаиваем превосходство одного набора принципов над другим, мы ослабляем общественную добродетель, когда даем равное вознаграждение принципам, которые мы осуждаем, и принципам, которые мы одобряем. Мы создаем впечатление, что соревнование было только войной имен, и пренебрегаем гармонией, которая должна нерушимо существовать между мнениями, которые государство должно одобрять, и почестями, которые государство может оказывать. Тот, кто беспристрастен в отношении личностей, должен согласиться с тем, чтобы казаться холодным в отношении принципов. Таким образом, чем более возвышенной и выдающейся казалась власть Аристиды, тем более полым и ненадежным был ее фундамент. Для его собственной партии она была непродуктивной, для народа - неконституционной. Необычайные почести, которые он

приобрел, его монополия в магистратуре, его антинародные взгляды не могли не вызывать страха у народа, столь ревниво относящегося к своим свободам. По их мнению, он постепенно приближался к суверенитету государства, но не с помощью стражи и военной силы, а с помощью более опасных посягательств гражданской власти. Наступил момент для нападения. Фемистокл наконец-то мог рассчитывать на шанс критического эксперимента, а Аристид подвергся испытанию остракизмом.

IV. Метод остракизма был таков: каждый гражданин писал на раковине или куске разбитой глиняной посуды имя человека, которого он хотел изгнать. Магистраты подсчитывали раковины, и если их количество достигало шести тысяч (что составляло весьма значительную часть свободного населения, но меньше этого количества не делало остракизм недействительным), их сортировали, а человека, чье имя было обнаружено на большем количестве раковин, ссылали на десять лет с полным разрешением пользоваться своими поместьями. Этот приговор был тем, что воздавал почести и причинял страдания, и не содержал никаких других обвинений, кроме тех, что он был слишком могущественным или слишком амбициозным для гражданина свободного государства. Известна история о том, как во время голосования к Аристиду подошел невежественный мещанин, которого он не знал, и попросил его записать имя Аристида.

"Он когда-нибудь причинял тебе вред?" - спросил великий человек.

"Нет, - ответил клоун, - я не знаю его даже в лицо; но мне досадно слышать, как его повсюду называют "справедливым"".

Аристид ничего не ответил - он написал на раковине свое имя и вернул ее просвещенному избирателю. Это история, которой придается большее значение, чем положено. И все же, возможно, мы сможем по-новому прочесть ответ честного мещанина и поверить, что он выражал не столько зависть к добродетели, сколько страх перед репутацией. Аристид принял приговор об изгнании (483 г. до н. э.) с привычным достоинством. Его последние слова, произнесенные при отъезде из родного города, были характерны для его великодушной и возвышенной натуры. "Пусть афинский народ, - сказал он, - никогда не узнает дня, который заставит его вспомнить об Аристиде!" Это желание, к счастью и для изгнанника, и для народа, не исполнилось. Этот день, столь патриотически ненавидимый, вскоре наступил, славный в равной степени для Афин и Аристида, и возмещение ущерба и триумф свободы обрели общую дату.

Необычный институт остракизма часто приводится в доказательство неблагодарности республики и непостоянства народа; но он обязан своим происхождением не республиканским беспорядкам, а деспотическим посягательствам - не народу, а тирану. Если мы рассмотрим все греческие государства, то обнаружим, что тирания обычно устанавливалась каким-нибудь способным и хитрым гражданином, который, примыкая либо к аристократической, либо, что чаще, к народной партии, внезапно возносился к верховной власти вместе с подъемом фракции, которую он поддерживал. Утверждая свою славу благодаря народным добродетелям, он часто мог поддерживать свой трон моральным авторитетом, более опасным, чем одиозная защита военных наемников: отсюда неизбежно возникала ревность среди свободных государств к лицам, чье возвышение становилось таким, что оправдывало неоправданные амбиции; и отсюда, в течение долгого периода, пока свобода была еще нежной и ненадежной, (почти) необходимость остракизма.

Аристотель, который осуждает эту практику, тем не менее допускает, что в некоторых государствах она была абсолютно необходима; он считает, что зло, которое она призвана предотвратить, "можно было бы предусмотреть в более ранние эпохи существования

содружества, предохраняясь от возвышения одного человека до опасной степени власти; но когда привычки и законы нации сформировались таким образом, что предотвратить возвышение невозможно, тогда нужно предохраняться от его последствий": и в другой части своей "Политики" он замечает, "что даже в республиках, где люди рассматриваются не в соответствии с их богатством, а по достоинству, где граждане любят свободу и имеют оружие и доблесть, чтобы защищать ее; все же, если выдающиеся достоинства одного человека или одной семьи полностью затмят заслуги всего сообщества, у вас есть только два выбора - остракизм или трон."

Если мы сетуем на эту предосторожность, то должны признать ее причину. Остракизм был порождением эксцессов тирана, а не народного принципа. Безвкусное и напускное лицемерие Писистрата продолжало наносить вред еще долго после его смерти, а остракизм Аристиды был необходимым следствием захвата цитадели. Такое зло имеет произвольная власть, что она порождает несправедливость в противоположных принципах в противовес несправедливости своей собственной; так угнетение наших соотечественников-католиков на протяжении веков было результатом жестокостей и преследований папского престола. Мы помнили об опасности и прибегали к жестким мерам предосторожности. Чтобы уберечься от повторной тирании мнений, мы осудили, и, возможно, без достаточных оснований, не одного человека, а целую секту, на моральный остракизм. Древние времена не столь противоположны нынешним, и безопасность государства может оправдать, как в республике, так и в монархии, тысячу актов абстрактной несправедливости. Но изгнание Аристиды имеет особые оправдания в критических обстоятельствах того времени. Память о Писистрате была еще свежа, его сын только что погиб во время покушения на его страну, семья все еще жила, и ей все еще угрожали: республика была еще в зачаточном состоянии - враждебная аристократия в ее стенах, могущественный враг, все еще грозный снаружи. Примечательно, что по мере укрепления республики и роста народной власти обычай остракизма отходил на второй план. Демократическая партия никогда не была так сильна, как в то время, когда она была окончательно упразднена. Именно незащищенность власти, будь то народ или король, порождает подозрения. Привыкнув к свободе, народ становится менее жестким и более просвещенным в том, что касается мер предосторожности.

V. Аристид говорил, что "если бы афиняне желали процветания своим делам, им следовало бы бросить Фемистокла и себя в баратрум". Но в данный момент судьба довольствовалась одной жертвой, а вторую приберегла для последующего жертвоприношения. Освободившись от присутствия соперника, который постоянно мешал его карьере, Фемистокл нашел широкий простор для своего гения. Он был не из тех, кто не справляется с положением, которое достается им дорогой ценой. Теофраст говорит, что при вступлении в общественную жизнь он обладал всего тремя талантами; но этот счет не согласуется с экстравагантностью его ранней карьеры, а тем более с расходами, которым неизбежно подвергается человек, пытающийся возглавить партию, во всех популярных государствах. Скорее всего, поэтому другие говорят о нем, что он унаследовал солидное состояние и не гнушался использовать любой случай, чтобы увеличить его, будь то за счет открытого вознаграждения или косвенных привилегий государственной должности. Но, стремясь к богатству как к средству, а не цели, он хватался за него одной рукой, чтобы расточать другой. Его щедрость ослепляла, а манеры соблазняли людей, но он пользовался приобретенной властью с предусмотрительностью и патриотизмом. С первого же отступления персидских войск он увидел, что опасность приостановлена, а не устранена. Но афиняне, которые разделяли общую греческую ошибку и всегда слишком много думали о ближайших и слишком мало об отдаленных опасностях, вообразили, что Марафон положил конец великому состязанию между Азией и Европой. Они забыли о флотах Персии, но все еще

боялись галер Эгины. Олигархия этого соперничающего государства была политическим врагом афинского демоса; союзника персов боялся завоеватель, и все интересы, военные и торговые, способствовали питанию страстной и ревнивой ненависти, которая существовала к соседу, слишком близкому, чтобы забыть, слишком воинственному, чтобы презирать. Вдумчивый и глубокий политик Фемистокл решил использовать эти народные настроения в своих целях; убеждая желающую публику в необходимости сделать соответствующие приготовления против Эгины, тогдашней владычицы морей, он предложил построить флот, приспособленный в равной степени для сопротивления персам и для открытия нового владычества афинян.

Для достижения этой цели он призвал на помощь один из самых ценных источников ее силы, которым природа одарила Афины.

VI. Вокруг древнего Торика, по дороге из современной Керратии к Сунийскому мысу, груды камней указывают путешественнику, что он находится по соседству с некогда знаменитыми серебряными рудниками Лауриона; он проходит через сосны и леса, замечает изрезанные следы колес, которые две тысячи лет не стерли с почвы, обнаруживает древние шахты рудников, останавливается перед фундаментом большой круглой башни и обширными остатками крепостей, укреплявших соседний город [33]. Немного дальше, все еще проходя среди шахтных валов и бугров скории, он видит на мысе Колонна четырнадцать сохранившихся колонн храма Минервы Сунии. В этой стране, за которой до сих пор сохранилось старое название [34], находится главная причина славы и поражений Афин, победы при Саламине и экспедиции в Сицилию.

Судя по всему, серебряные рудники Лауриона разрабатывались с очень отдаленных времен - даже за пределами традиционной даты. Но, как хорошо и неоспоримо замечено, "нехватка серебра во времена Солона доказывает, что никакой систематический или искусственный процесс добычи не мог быть установлен в то время". [35] Вероятно, именно во время энергичного и политичного правления династии Писистрата были приняты эффективные средства для извлечения надлежащей выгоды из столь плодородного источника национального богатства. А когда впоследствии Афины, извлекая уроки из опыта своих тиранов, позволили гениям своего свободного народа управлять государством, возникла новая необходимость в богатстве против враждебности Спарты - новый импульс был дан общей промышленности и общественному предпринимательству. Соответственно, мы видим, что вскоре после битвы при Марафоне ежегодная прибыль рудников была огромной. Из исследований одного из тех выдающихся германцев [36], которые с такой кропотливой образованностью и тонкой проницательностью приложили руку к разъяснению древней истории, мы узнаем, что эти рудники всегда считались собственностью государства; паи в них продавались частным лицам как арендаторам на платных фермах, и эти владельцы, кроме того, ежегодно вносили в государственную казну сумму, составлявшую двадцать четвертую часть добычи. Таким образом, государство получало регулярный доход от рудников, складывающийся из купчих денег и резервной ренты. До сих пор эти доходы делились между всеми свободными гражданами, и сумма, выделяемая каждому, была весьма незначительной, когда Фемистокл в начале своей карьеры (еще до ostracism Аристиды) набрался смелости и предложил направить столь прибыльный для каждого человека фонд на общегосударственные цели - увеличение военного флота. Его предложением и оправданием стала вражда с эгинетянами. Но мы не можем отказать в восхищении пылкому и великодушному строю общественного духа, существовавшему в то время, когда узнаем, что именно народный лидер предложил и провел через народное собрание предложение, которое пошло на обнищание тех, кто поддерживал его партию и осуждал его предложение.

Привилегированные и сектантские круги никогда не соглашались на уступку материальных благ ради простого общественного блага. Но среди пороков народных собраний есть и искупительная добродетель - быть щедрым. Руководствуясь великим и неосознанным принципом эгоизма, демократия редко жалеет о жертвах, принесенных на благо государства.

Полученные таким образом деньги были направлены на увеличение морского флота до двухсот трирем - достижение, которое, вероятно, истощило доходы от шахт на несколько лет; и обычай, однажды нарушенный, продукция Лауриона, похоже, больше не тратилась на частных лиц. Для поддержания и увеличения нового флота был принят указ, либо в то время [37], либо несколько позже, который предписывал строить по двадцать трирем ежегодно.

VII. Строительство этих кораблей, само пожертвование граждан, общий интерес, который должен был быть связан с предприятием, которое было одновременно новым само по себе и в то же время отвечало страстям народа, который ежедневно видел с собственных высот враждебную скалу Эгины, "бельмо на глазу" Пирея, чем привычки людей, живущих на бесплодной земле, с трех сторон обращенной к морю, - все это помогало Фемистоклу в его главной политике - политике, целью которой было постепенное превращение афинян из земледельческого народа в морской. То, что вменялось ему в упрек, стало его самым гордым отличием: "Он первый отнял у своих соотечественников копье и щит и направил их к скамье и веслу".

ГЛАВА IV.

Приготовления Дария.- Восстание Египта.- Спор о престолонаследии.- Смерть Дария.- Краткий обзор главных событий и характерных черт его царствования.

I. Пока под руководством Фемистокла Афины тихо закладывали фундамент своего морского величия и постепенно наращивали влияние и славу, персидский монарх не забывал о сожжении Сард и поражении при Марафоне. Армии деспотической державы часто медленно собираются и трудно объединяются, и Дарий потратил три года на то, чтобы отправить эмиссаров в разные города и обеспечить транспорты, лошадей и фураж для нового вторжения.

Обширность его приготовлений, хотя и характерная для восточных войн, вероятно, была соразмерна целям более великим, чем те, о которых пишут греческие историки. Нет никаких оснований полагать, что он лелеял гигантский проект, который впоследствии вынашивал его сын, - проект не менее масштабный, чем присоединение Европы в качестве провинции к империи Востока. Но симптомы восстания в Египте, которое вскоре произошло, могли побудить его собрать внушительную силу под другими предлогами; И, не увлекаясь неистовой местью за отдаленную и ничтожную территорию Афин, Дарий не мог не понимать, что безопасность его ионийских, македонских и фракийских завоеваний, а также почтение, уже оказанное его скипетру греческими островами, заставляют искупить позор персидского оружия, и что чем ничтожнее враг, тем фатальнее, если пример сопротивления не будет наказан. Ионические берега - вход в Европу - стоили немалых усилий, и чем более отдаленными были провинции, которые предстояло покорить, тем более грандиозными, по всем правилам азиатского деспотизма, должны были казаться ресурсы государя. Ему требовалось огромное вооружение, не столько для того, чтобы сокрушить афинского врага, сколько для того, чтобы продемонстрировать во всей своей мощи гневное величие Персидской империи.

II. Но в то время как Азия была еще воодушевлена военными приготовлениями великого царя, Египет восстал против его власти, и в то же время покой Дария был нарушен, а его ум занят состязанием между его сыновьями за престолонаследие (486 г. до н. э.). Артабазан, старший в семье, рожденный первой женой до его возведения на престол, основывал свои притязания на признанных правах первородства; но Ксеркс, старший во второй семье от Атоссы, дочери великого Кира, выдвигал, с другой стороны, прямое происхождение от крови основателя персидской империи. Атосса, которая, по-видимому, унаследовала нечто от гения своего отца и, во всяком случае, пользовалась неограниченным влиянием на Дария, дала притязаниям своего сына более сильную поддержку, чем та, которую он мог извлечь из аргументов или обычаев. Интрига, вероятно, распространилась из дворца по всему чистому персидскому роду, который не мог не смотреть с почтением на потомка Кира, и не могло быть более популярного способа укрепить все недостатки титула Дария на корону, чем передача его скипетра сыну, в лице которого были объединены права новой династии и святость старой. Эти доводы возобладали над Дарием, чьим долгом было назначить себе преемника, и Ксеркс был объявлен его наследником. Пока спор еще не был решен, к персидскому двору прибыл Демарат, свергнутый и самоизгнанный царь Спарты. Он присоединился к делу и личности Ксеркса и, как говорят, даже снабдил молодого принца новыми аргументами, основанными на обычаях Спарты - утверждение, которое не следует полностью игнорировать, поскольку Демарат предстал перед судом в образе монарха, хотя и в нищете изгнанника, и его предложения попали на слух арбитра, готового ухватиться за любой предлог, чтобы оправдать решение, к которому он уже пришел.

Этот спор был прекращен, Дарий лично приготовился к походу против египетских мятежников, когда его смерть (485 г. до н. э.) передала в неопытные руки его наследника командование армиями и исполнение его замыслов.

Долгое правление Дария, продолжавшееся тридцать шесть лет, запомнилось значительными улучшениями в управлении империей, и в этом месте будет неуместным отступление, чтобы кратко и быстро просмотреть некоторые события и нововведения, которыми она отличалась.

III. Завоевания Кира привели к тому, что в качестве правящего народа в Медийскую империю был переселен род храбрых и выносливых, но простых и нецивилизованных воинов. Камбиз, о характере которого не осталось никаких однозначных свидетельств, поскольку свирепые и неистовые преступления, приписываемые ему [38], дошли до нас по каналам египетских жрецов, которых он преследовал, скорее всего, как политическую аристократию, чем как религиозную касту, мог лишь незначительно улучшить состояние народа или управление империей, поскольку его правление длилось всего семь лет и пять месяцев, в течение которых он был занят вторжением в Африку и покорением Египта. В конце правления ему угрожал необычный заговор. Медийские волхвы сговорились в его отсутствие возвести на трон медянина. Камбиз, под влиянием ревнивых и суеверных страхов, недавно предал смерти Смердиса, своего брата. Тайна была скрыта от народа и известна лишь немногим - в частности, магу, которому Камбиз поручил управление своим дворцом в Сузах, должность столь же важную, сколь и конфиденциальную. Этот человек задумал план удивительной, но не беспримерной дерзости. Его брат, однофамилец убитого царевича, походил на последнего и возрастом, и лицом. Этот брат, глава семейства, при общем попустительстве своей священнической касты, которая, естественно, желала восстановления Медийской династии, вдруг объявил себя истинным Смердисом, а самозванец, получив во владение дворец, заявил о своих притязаниях на власть. Согласие магов, равнодушие народа, отсутствие не только царя, но и цветка персидской расы, а главное - спокойное владение

императорским дворцом - все это послужило поводом к обману. [Посаженный на персидский трон, но скрывающий свою персону от глаз толпы в непроницаемой пышности восточного сераля, псевдо-Смердис имел дерзость послать среди глашатаев, возвестивших о его восшествии на престол, гонца к египетской армии, требуя от нее верности. Посланник нашел Камбиза в Экбатане в Сирии. Ни трусость, ни леность не были виной этого монарха; он вскочил на коня, намереваясь немедленно отправиться в Сузы, как вдруг ножны выпали из его меча, и он получил смертельную рану от обнаженного клинка. Камбиз не оставил после себя потомства, и самозванец, которого народ считал истинным сыном Кира, издавал из защищенной и благоговейной тишины своего дворца народные воззвания и благодетельные указы. Каким бы ни было его нынешнее мошенничество, какой бы ни была его предыдущая карьера, этот дерзкий медянин сумел сделать свое правление любимым и уважаемым. После смерти о нем сожалели все, кроме персов, которые не приняли бы добродетели бога в качестве оправдания узурпации медяков. Известный всей огромной империи только своей щедростью духа, отменой дани и повинностей, самозванец не допускал к себе никого, кто мог бы выведать тайну. Он никогда не покидал своего дворца - вельможи не приглашались на его пиры - женщины в его серале были отделены друг от друга - и только в глубокой темноте партнеры по его удовольствиям допускались к его постели. По словам Геродота, самозванство было впервые раскрыто следующим образом: маг, согласно царскому обычаю, присвоил себе жен Камбиза; одна из них была дочерью Отанеса, персидского вельможи, которого уединенные привычки мнимого царя вызывали подозрения. За какой-то проступок маг был лишен ушей по приказу Кира. Отанес сообщил об этом факте и своих подозрениях дочери, и в следующий раз, когда она причастилась на царском ложе, она воспользовалась случаем его сна, чтобы убедить себя в том, что государь Востока - заклеянный и преступный самозванец. Подозрения Отанеса подтвердились, и он вместе с шестью другими вельможами вступил в заговор, который в основном был обязан своим успехом решимости и энергии одного из них, по имени Дарий, занимавшего, по-видимому, весьма незначительное положение в царской гвардии, хотя и сына Гистаспеса, правителя провинции Персис, и принадлежавшего к самой чистой и возвышенной крови Персии. Заговорщики проникли во дворец, ничего не подозревая, убили встретившихся им евнухов и добрались до покоев, в которых сидел сам узурпатор со своим братом. Самозванцы, хотя и были плохо вооружены, защищались с доблестью; двое из заговорщиков были ранены, но мечей остальных хватило, чтобы довести дело до конца, и Дарий сам нанес смертельный удар одному из братьев.

Этот переворот сопровождался и был запятнан повальной резней волхвов. Персы, питавшие к этому мединскому племени обычную ненависть, которую завоеватели испытывают к самой мудрой и благородной части покоренного рода, также не стали довольствоваться кратковременной и единичной местью. Память о самозванстве и резне была надолго увековечена торжественным праздником, называемым "резней волхвов", или Магофонией, во время которого ни одному волхву не разрешалось появляться за границей.

В результате этого заговора престолонаследие персидского престола оказалось в руках семи вельмож: выбор пал на Дария, душу предприятия, который принадлежал тому древнему и княжескому дому Ахеменидов, в котором персы признавали род своих родовых царей. Но другие заговорщики боролись не только за то, чтобы сменить одного деспота на другого. Вместе с новой монархией возникла и новая олигархия. Отанес был даже освобожден от верности монарху, а его потомство отличалось такими исключительными почестями и привилегиями, что Геродот называет их единственной персидской семьей, сохранившей свободу. Остальные заговорщики, вероятно, составляли своего рода привилегированный совет, поскольку они претендовали на право доступа в любое время, без предупреждения, в

присутствие царя - привилегия, имеющая огромную ценность в восточных формах правления, - и их власть стала постоянной и прочной благодаря определенным ограничениям на брак [40], что позволило поддерживать постоянный союз между царской семьей и их собственной. В то время как шесть заговорщиков возвысились до олигархии, племя пасаргадов - самое благородное из тех, на которые делилась чистая персидская семья, - превратилось в аристократию, служившую офицерами в армии и украшавшую двор. Но хотя большая часть завоеванных медян находилась в подчиненном положении, тем более суровом, что персы были возмущены поздней узурпацией Медии, Дарий благоразумно примирил наиболее могущественных из этого великого класса своих подданных, назначив их на высокие должности, и из всех народов-придатков медяне заняли следующее место после персов.

IV. При Дарии персидская монархия достигла того великого кризиса в цивилизации государств, основанных завоевателями-кочевниками, когда после захвата богатых владений, строительства городов и создания поселений громоздкая и огромная империя делится на провинции, и сатрапское правительство отражает в каждом районе смешение деспотизма и раболепия, пышности и незащищенности императорского двора. Дарий, несомненно, использовал самые эффективные средства, чтобы укрепить свою власть и организовать свои ресурсы. Для лучшего сбора дани было создано двадцать провинций, управляемых двадцатью сатрапами. До сих пор не было определенного и регулярного налога, персидские цари довольствовались неохотными подарками или произвольными поборами. Теперь Дарий ввел ограниченный ежегодный налог, составлявший, по подсчетам Геродота, четырнадцать тысяч пятьсот шестьдесят талантов, собираемый частично с Африки, в основном с Азии [41]. Персы, как завоевательная и привилегированная раса, были исключены из общего обложения, но платили свой умеренный взнос под более мягким названием "вознаграждение". Колхидцы устанавливали свое собственное бремя, эфиопы, граничащие с Египтом, и жители священного города Нисса также вносили дань, в то время как Аравия предлагала дань своим ладаном, а Индия [42] - своим золотом. Империя Дария была тем надежнее, что ее конституционному духу противоречило нововведение во внутреннее устройство отдаленных провинций: они пользовались своими собственными национальными законами и институтами, даже сохраняли своих монархов, не отказываясь ни от чего, кроме своей независимости и дани. Обязанности сатрапов пока были только гражданскими и финансовыми: они отвечали за налоги, исполняли королевские указы. Внешне их учреждение было предназначено лишь для лучшего сбора доходов; но когда из среды знати на трон вззошел Дарий, он почувствовал преимущество создания подвластных княжеств, рассчитанных одновременно на устранение и содержание более могущественных и честолюбивых из его бывших равных. Кроме самого Дария, ни один монарх в известном мире не обладал таким владычеством и не наслаждался таким великолепием, как эти императорские наместники. Вавилон и Ассирия пали до одного - Медии не хватило еще одного - народ добавился к народу, а раса к расе, чтобы образовать провинцию, достойную назначения представителя великого царя. Его пышность и состояние были такими, как подобает наместнику монарха. Каждый день сатрапу Вавилона подносили меру серебра, превышающую аттический медимн [43]. Восемьсот жеребцов и шестнадцать тысяч кобыл были распределены между его конюшнями, а налог с четырех ассирийских городов должен был обеспечивать содержание его индийских собак.

Но при Дарии, по крайней мере, эти могущественные офицеры были обузданы и держались в страхе благодаря периодическим визитам самого царя или его уполномоченных; а широкая дорога от западного побережья до персидской столицы - трактуры, принимавшие гонцов, и курьеры, передававшие приказы царя, - приводила более отдаленные провинции в

состояние готовности к разведке и бдительному контролю. Эти последние усовершенствования были хорошо рассчитаны на то, чтобы ускорить застойное томление, привычное для разросшейся восточной империи. Правление Дария также не было отмечено культивированием более изящных искусств, поскольку к этому периоду можно отнести если не основание, то, по крайней мере, украшение и увеличение Персеполиса. Остатки дворца Чил-Менара, который современное суеверие приписывает архитектуре джиннов, его изящные колонны, мощная каменная кладка, террасы, мраморные бассейны, скульптурные узоры с безошибочными эмблемами магической веры, в достаточной степени свидетельствуют о том, что пастухи-солдаты Кира уже научились ценить и использовать самые изощренные искусства покоренных медяков.

В эту эпоху также была основана более регулярная военная система, введена система воинской повинности, а подчинение искусных моряков Финикии и великих морских городов азиатской Греции привнесло в персидскую войну новое оружие - многочисленный и опытный флот.

V. Царствование Дария также примечательно влиянием, которое греческие чужеземцы стали оказывать на персидский двор, и роковым и беспорядочным поступлением греческих наемников на персидскую службу. Нравы персов от природы были гостеприимными, а Дарий обладал не только приветливым нравом, но и пытливым умом. Греческий врач из Кротоны, сумевший избавить царя от последствий болезненного происшествия, которое не давало покоя египетским врачам, и считавшийся самым искусным из всех, кем располагал двор, естественно, стал важной персоной. Его репутация возросла после более сложного излечения Атоссы, дочери Кира, которая из объятий своего брата Камбиза и самозванца-мага перешла в царское брачное ложе. А лекарь, хотя и желал под каким-то предлогом вернуться в свою страну, возможно, сначала воспылил к персидскому царю недобрым желанием присоединить Грецию к своим владениям. Он отправил комиссию с самим врачом, чтобы доложить о делах Греции. В то время по империи было разбросано множество эллинских авантюристов, одни из которых служили Камбизу, другие перешли на сторону египтян. Их доблесть рекомендовала их доблестному народу, а необыкновенный гений интриги прижился на любой почве. Силосон, грек с острова Самос, брат Поликрата, тирана этого государства, который после беспримерной удачи и славы пал жертвой враждебного вероломства Орета, сатрапа Сард, побудил Дария послать Отана во главе персидского войска, чтобы вернуть ему княжество его убитого брата; А когда впоследствии, во время скифской экспедиции, Дарий стал очевидцем блестящей цивилизации Ионии, не только Греция стала для него предметом честолубия, но и греки - предметом его уважения. Он стремился, проявляя милосердие и мудрость, прикрепить их к своему трону и колонизировать свои территории подданными, ценными как своей конституционной храбростью, так и национальным умом. Мы также не можем удивляться тому уважению, которое Гиппий или Демарат находили в персидских советах, когда, в дополнение к общей репутации греков, они были наделены достоинством княжеского ранга - ведь из всех народов [44] персы больше всего почитали имя и атрибуты царя; и их восточные понятия не могли точно отличить законного монарха от греческого тирана.

VI. В это царствование, по мере того как империя концентрировалась, а из воинственного лагеря Кира и Камбиза возникал великолепный двор, благородные элементы чисто персидского характера смешивались с медийскими и ассирийскими. По мере того как персы отступали от нравов кочевников, они теряли отличительные черты народа-завоевателя. Воины превратились в придворных, дворец сжался до серала, евнухи и фавориты, царицы [45] и, прежде всего, царицы-матери, приобрели пагубное и невидимое влияние. И в то время

как греки в своих небольших государствах и при свободных правительствах продвигались к цивилизации, в которой роскошь лишь обостряла новые силы и создавала новые искусства, роскошная консервация деспотизма, разрушительного для конкуренции, и империи, слишком обширной для патриотизма, быстро разлагала и губила старую выносливую расу Кира [46], возможно, изначально равную грекам по уму, а во многих важных моментах значительно превосходившую их по моральным качествам. С религией менее оживленной и живописной, но более простой и возвышенной, отвергая веру в то, что боги имеют смертную природу, поклоняясь своему ВЕЛИКОМУ ОДНОМУ не в статуях или храмах, а на возвышенном алтаре на вершинах гор или через тех элементарных агентов, которые являются неидолопоклонническими представителями его благодеяний и власти [47]; Привыкшие в своем первобытном и не испорченном состоянии к мягким законам и ограниченной власти, приученные с детства к физической дисциплине и моральной честности, "натягивать лук и говорить правду", это галантное и великолепное племя было обречено на одно из самых ярких доказательств в истории, что ни таланты деспота, ни изначальные добродетели народа не могут долго противостоять неизбежному воздействию порочных политических конституций. Персидская слава пала не при Марафоне, не при Саламине и не при Платее. Она пала, когда персы стали подражать нравам завоеванных ими рабов. "Самые подражательные из всех людей, - говорит Геродот, - они всегда готовы перенять манеры чужеземцев. Они перенимают у медяков их одеяния, у египтян - их нагрудник". Счастье, если бы они ограничились одеянием и нагрудником, которые они переняли у презираемых ими народов! Счастье, если бы они не привнесли в свою благородную религию грубые прелюбодеяния мединских волхвов; если бы они не променяли свои мягкие законы и ограниченное правление на самое бездушное презрение к ценности жизни [48] и достоинству свободы. Вся чистая персидская раса, но особенно благородное племя пасаргадов, в результате завоевания столь обширного населения возвысилась до естественной аристократии страны. Но ценный принцип аристократической гордости, который является самым надежным ограничителем монархических посягательств, рассыпался в атмосфере деспотизма, который получал свои капризные сдержки или ужасное наказание только в темных недрах гарема. Сохраняя до последнего презрение ко всем, кто не принадлежал к персидскому племени; считая себя по-прежнему "прекраснейшими из людей", [49] этот народ, аристократия Востока, с высокомерием спартамца, с пороками гелота, быстро разлагался от всех своих национальных и древних добродетелей под сералем - властью янычар и блудниц, в которой, от первой до последней, слились меланхоличные судьбы восточного деспотизма.

VII. Хотя Дарий, по-видимому, обладал скорее жаждой завоеваний, чем военным гением, его правление запомнилось многими военными триумфами, одни из которых укрепили, другие расширили основы империи. Грозный мятеж в Вавилоне, который сопротивлялся осаде в течение двадцати одного месяца, был эффективно подавлен, и новое правительство сатрапов, которому помогали ежегодные визиты царя, похоже, сохранило от последующего оживления огромные остатки этой древней империи халдейских царей. Впоследствии экспедиция вдоль берегов Инда, впервые открытая одним из греков, которого Дарий взял к себе на службу, подчинила себе нагорья к северу от Инда и дала этой далекой реке новую границу персидского царства. Еще более важным, если бы удача его сына соответствовала его замыслам, было тревожное урегулирование, которое монарх Азии осуществил на европейском континенте, установив свой суверенитет во Фракии и Македонии, потребовав дань с островов и многих городов Греции, разрушив, с венцом падения Милета, независимость и растущую силу тех ионийских колоний, которые должны были установить на азиатских берегах постоянный барьер для вторжений восточных завоевателей. На фоне этих успехов потеря шести тысяч четырехсот человек в битве при Марафоне, меньшего

числа, чем Дарий сознательно пожертвовал в стратагеме при осаде Вавилона, показалась бы лишь незначительным противовесом в депешах его генералов, компенсированным, как это было, добычей и пленниками Эвбеи. Поселения во Фракии и Македонии, а также трепет, который вызывало огромное вооружение во всей этой части его владений, не были достаточной компенсацией за бедствия экспедиции, предпринятой лично Дарием против бродячих, свирепых и варварских монголов, и варварской монгольской расы, которая, известная нам под именем скифов, поклонялась своему богу войны под символом циммера, с возлияниями из человеческой крови - скрытых жителей негостеприимных и бесплодных местностей, расположенных между Дунаем и Доном.

VIII. Таким образом, наследие, перешедшее от Дария к Ксерксу, было плодом долгого и, в целом, мудрого и славного царствования. Новый государь Востока не нашел, подобно своему отцу, разрозненной и нерасчлененной империи, состоящей из стран, скорее завоеванных, чем покоренных, лишенных как регулярных доходов, так и местных органов управления; блуждающего лагеря, перемещающегося туда-сюда в пустыне несвязанных между собой народов. Ксеркс вззошел на трон среди великолепного двора, с Вавилоном, Экбатаной, Персеполем и Сузами в качестве своих дворцов. Покорные сатрапы соединяли самые отдаленные провинции с резиденцией империи. Богатства Азии регулярными потоками поступали в его казну. Если не считать восстания ослабевших египтян и презренной победы горстки людей на незначительном участке далекой Эгеиды, ни одна туча не опустилась на рассвет его правления. Еще не ощущались и не предвиделись опасности, которые могли в конечном итоге возникнуть из-за мудрости Дария, учредившего институт сатрапов, которые, не имея достаточной военной поддержки, были бы не в состоянии контролировать разношерстные народы, которыми они управляли, и, если бы их поддерживали, сами могли бы в любой час стать самыми грозными мятежниками. К престижу, который он унаследовал от славы своего отца, молодой царь добавил еще и более почтенное и священное достоинство в глазах персидской аристократии, а возможно, и всей империи, полученное по материнской линии от крови Кира. Никогда, по всей видимости, и, по здравому размышлению, при более благоприятных обстоятельствах принц Востока не переходил от роскоши серала к величию трона.

ГЛАВА V.

Ксеркс предпринимает экспедицию в Египет.- Он окончательно решается на вторжение в Грецию.- Обширные приготовления к завоеванию Европы.- Ксеркс прибывает в Сарды.- Отправляет посланников в греческие государства, требуя дани.- Мост через Геллеспонт.- Обзор персидского вооружения в Абидосе.- Ксеркс делает привал в Термах.

I. Вступив на восточный престол (485 г. до н. э.), Ксеркс нашел могучую армию, собранную его отцом, готовой к осуществлению его замыслов завоевания или мести. В величии этой армии, в молодости этого принца различные стороны видели инструмент интересов или амбиций. Мардоний, воинственный и предприимчивый, желал покорить Грецию и командовать персидскими войсками. А для знати Пасаргад экспедиция в Европу не могла не представлять ослепительную перспективу добычи и власти - сатрапии, еще не исчерпавшей сокровищ, гарнизонов и войск, удаленных от глаз монарха, и господства над столицей.

Наибольшее влияние на Ксеркса имели его дядя Артабан, двоюродный брат Мардоний и евнух по имени Натакас [50]. Интриги партии, выступавшей за вторжение в Европу, подкреплялись представлениями греческих изгнанников. Семья и сторонники Писистратидов обосновались в Сузах, и греческая тонкость и дух предприимчивости

поддерживали и подтверждали для этой беспринципной и способной фракции тот кредит, который они уже установили при персидском дворе. Ономакрит, афинский жрец, ранее изгнанный Гиппархом за подделку прорицаний, теперь был примирен с Писистратидами и проживал в Сузах. Представленный царю как прорицатель и пророк, он разжигал честолюбие Ксеркса искаженными пророчествами о завоеваниях и удаче, которые на этот раз не в интересах Писистратидов было разоблачать.

Примерно в тот же период Алеуады, фессалийские князья, чья политика, похоже, всегда заключалась в смертельной враждебности к греческим республикам, отправили послов к Ксерксу, приглашая его в Грецию и обещая помощь оружием и верность скипетру.

II. Из этих интриг Ксеркс вышел на втором году своего царствования и, как необходимое начало более обширных замыслов, лично предпринял экспедицию против восставших египтян. Этот народ не обладал ни военным искусством, ни конституционной выносливостью, но был вдохновлен самой преданной любовью к своей вере и своим институтам. Эта привязанность была для них тем же, чем для других является любовь к свободе: их было легко завоевать, но почти невозможно подчинить. По роковой случайности их история на протяжении веков была переплетена с историей Греции: опасности и враги были одни и те же. Древняя связь, которую апокрифическое предание зафиксировало между столь противоположными расами, казалась типичным пророчеством того, что реально существовало в исторические времена. И если раньше Греция получала от Египта что-то от цивилизации, то теперь она отплатила за этот дар мечами своих авантюристов; а самая храбрая и верная часть египетской армии состояла из греческих наемников. В то же время Египет разделил судьбу всех народов, которые доверяют слишком большую власть вспомогательным войскам. Греки защищали ее, но греки же замышляли против нее заговор. Авантюристы, от которых она черпала роковую силу, были тщеславны, лукавы и раздражительны. Грек, удаленный от влияния Греции, обычно терял все честное, все благородное в национальном характере; и с самым утонченным интеллектом он объединял политику, подобную политике итальянца в средние века, свирепую, неверную и развратную. Так, в то время как греческие вспомогательные войска под командованием Амасиса или, скорее, Псамменита до последнего сопротивлялись оружию Камбиса, Египет был предан именно греком (Фанесом). Возможно, если бы мы досконально изучили все тайные пружины восстания Египта и экспедиции Ксеркса, то нашли бы совпадение не только в датах между греческими и египетскими делами. Будь то в Мемфисе или в Сузах, удивительно видеть то поразительное влияние и превосходство, которое приобрел эллинский интеллект. В действительности это был отчаянный отказ Европы, который колебал советы, двигал армии и решал судьбу могущественных династий Востока.

III. Оружие Ксеркса торжествует в Египте (484 г. до н. э.), и он еще строже насаждает на этой злосчастной земле железный деспотизм, начатый Камбизом. Поручив управление Египтом своему брату Ахемени, персидский царь вернулся в Сузы и, окрыленный своей победой и все более и более поддаваясь влиянию честолюбивых советов Мардония, при полном стечении своих советников открыл обширный проект, который он задумал. Тщеславие греков заставило их слишком доверчиво предположить, что вторжение в Грецию было главной целью великого царя; напротив, она была наименьшей. Он рассматривал Грецию лишь как преддверие новой четверти земного шара. Не зная природы земель, которые он намеревался подчинить, и доверяя всем басням, которые придают пресловутое величие неизвестному, Ксеркс увидел в Европе "области, не уступающие Азии по протяженности и далеко превосходящие ее по плодородию". После покорения Греции на обоих континентах молодой монарх раскрыл своим советникам намерение захватить всю Европу, "пока само

небо не станет единственным пределом персидского царства, и солнце не будет светить ни на одну страну, смежную с его собственной". [51]

IV. Против этих планов, поддержанных Мардоном, выступил только Артабан, и доводы последнего, продиктованные благоразумием и опытом, произвели на царя значительное впечатление. Однако с этого времени на слабый ум, от решения которого теперь зависела роковая война между Азией и Европой, стали действовать новые средства суеверного ремесла и самозванства. Видения и предупреждения, угрозы и увещания преследовали его подушку и нарушали его сон, и все они были направлены к одной цели - вторжению в Грецию. Поскольку из Ктесия мы узнаем, что евнух Натакас был одним из паразитов, пользовавшихся наибольшим влиянием у Ксеркса, вполне вероятно, что столь важная персона в дворцовых интригах была, при явном попустительстве магов, орудием Мардона. И действительно, с этого периода политика Персии все больше и больше сосредотачивалась в темных кознях сераля. Таким образом, суеверие, лесть, честолюбие - все действовало на него, и нерешительность Ксеркса исчезла. Артабан сам убедился в целесообразности войны, и теперь царю и его советникам оставалось лишь привести приготовления в соответствие с масштабами предприятия. Четыре дополнительных года не были сочтены пустой задержкой в сборе армии и флота, предназначенных для завершения завоевания мира.

"И никогда, - говорит Геродот, - не было военной экспедиции, сравнимой с этой. Трудно было бы назвать хоть один народ Азии, который не сопровождал бы персидского царя, или хоть одну воду, кроме великих рек, которая не была бы истощена его вооружением". Подготовка к экспедиции длилась три года, чтобы предотвратить бедствия, которые раньше терпел персидский флот. Если бы успех экспедиции был соизмерим с величиим ее начала, возможно, она вошла бы в число самых возвышенных замыслов военного гения. Все ее планы носили масштабный и гигантский характер. Через перешеек, соединяющий Афонский мыс с фракийским континентом, был проложен канал - работа столь огромного труда, что она, кажется, почти оправдала скептицизм позднейших писателей [52], если бы не одновременные свидетельства Фукидида и Лисия, Платона, Геродота и Страбона.

Через реку Стримон также были переброшены мосты; забота о провизии была возложена на египтян и финикийцев, а запасы хранились на каждой станции, которая казалась наиболее приспособленной для снабжения.

V. Пока шли эти приготовления, великий царь во главе своих сухопутных войск отправился в Сарды. Миновав реку Галис и границы Лидии, он остановился в Келенах. Здесь его великолепно развлекал лидиец Пифий, считавшийся, наряду с самим царем, самым богатым из людей. Этот богатый подданный предложил молодому принцу в обеспечение войны все свои сокровища, составлявшие две тысячи талантов серебра, и четыре миллиона, не хватавших до семи тысяч, золотых статеров Дария [53]. "Моих хозяйств и моих рабов, - добавил он, - будет достаточно, чтобы содержать меня".

"Друг мой, - сказал царский гость, обладавший всей несвойственной принцам щедростью, - ты первый человек, с тех пор как я покинул Персию (480 г. до н. э.), который гостеприимно отнесся к моей армии и добровольно предложил мне помощь в войне. Прими мою дружбу; я принимаю тебя как хозяина; сохрани свои владения и позволь мне снабдить семью тысячами статеров, которых не хватает, чтобы дополнить четыре миллиона, которыми ты уже обладаешь". Человек, который дает из общественного имущества, редко превзойден в щедрости.

В конце концов Ксеркс прибыл в Сарды, а оттуда отправил глашатаев в Грецию (конец 481 года до н. э.), требуя дани с земли и воды. Афины и Спарта были единственными городами, которые не посетили его посланники.

VI. Пока Ксеркс отдыхал в Лидии, у священного прохода через Геллеспонт было завершено предприятие, едва ли менее грандиозное по замыслу, чем канал на Афоне. Здесь от берегов Азии до берегов Европы был построен мост из лодок, предназначенный для конвоя армии. Едва он был завершен, как внезапная буря разбросала суда и сделала труд напрасным. В народе говорят, что необузданная страсть пылкого деспота проявилась в этой разведке, когда он приказал наложить на Геллеспонт триста ударов плетью и пару оков - история, записанная Геродотом как достоверная, а современным скептикам более уместно считать ее басней.

Теперь новый мост строили новые мастера, чье мастерство было подточено судьбой их несчастных предшественников, которых Ксеркс приговорил к смерти. Эти зодчие завершили наконец строительство двух мостов для судов различных видов и размеров, закрепленных якорями большой длины и защищенных таким образом от влияния ветров, дующих с Эвксинского моря, с одной стороны, и южных и юго-восточных ветров - с другой. Тщательное описание этой работы, данное Геродотом, доказывает, что она не была неуклюжей или нехудожественной. Корабли, похоже, не столько образовывали мост, сколько служили опорами для поддержания его веса. Деревянные стропила, грубый брус и пласты земли были уложены поперек протянутых тросов, и все это было завершено ограждением с обеих сторон, чтобы лошади и грузовые животные не пугались вида открытого моря.

VII. И вот работа была закончена (480 г. до н. э.), зима прошла, и на заре возвращающейся весны Ксеркс повел свое войско из Сард в Абидос. Рассказывают, что когда толпа начала свой поход, солнце внезапно засияло, и на лицо неба опустилась кромешная тьма. С волхвами торжественно посоветовались, и они предсказали, что уход солнца, божества-покровителя греков, означает лишение небесного покровительства этого обреченного на гибель народа. Ответ удовлетворил царя.

Они понеслись - впереди везли багаж и огромную разношерстную толпу всех народов; позади, со значительным интервалом, шел цветок персидской армии - тысяча коней, тысяча копьеносцев, десять священных коней, называемых нисейскими, - повозка великого персидского бога, запряженная восемью белоснежными лошадьми, в которую не смел сесть ни один смертный. Вокруг Ксеркса стояли копьеносцы и конница, чье оружие сверкало золотом - десять тысяч пехотинцев, называемых "Бессмертными", из которых девять тысяч несли на концах копий гранаты из серебра, а тысяча - из золота. За ними следовали десять тысяч всадников, а далеко в тылу великолепную процессию замыкала могучая толпа общей армии.

Войска шли вдоль берегов Кайкуса, через равнины Фив, и, обойдя слева гору Иду, над чьим хриплым гребнем разразилась буря грома и молний, прибыли к золотому Скамандру, воды которого не выдержали натиска тысяч захватчиков. Здесь поэтично рассказывается о Ксерксе, что он взошел в цитадель Приама и с тревогой и тщательностью осматривал это место, пока волхвы варварского монарха возносили возлияния к гривам гомеровских героев.

VIII. Прибыв в Абидос, царь осмотрел свое войско. Высоко на возвышении, на сиденье из белого мрамора, он обозревал равнины, покрытые бесчисленными тысячами людей, и Геллеспонт, переполненный парусами и мачтами. Поначалу, глядя на это, повелитель Персии ощутил всю гордость и ликование, которые должно было внушать владычество над столькими судьбами. Но в самый разгар триумфа его посетила печальная и внезапная мысль,

и он разрыдался. "Я размышляю, - сказал он Артабану, - о преходящем пределе человеческой жизни. Я сострадаю этому огромному множеству людей - через сто лет кто из них останется живым человеком?" Артабан ответил, как философ, "что краткость жизни - не самое большое ее зло; что несчастья и болезни досаждают обладателям, и что смерть часто бывает счастливейшим прибежищем живых". [54]

На рассвете, пока армия еще ждала восхода солнца, на мосту жгли благовония и устилали его ветвями триумфального мирта. Когда солнце поднялось над востоком, Ксеркс вылил возлияние в море и, обращаясь к восходящему шару, воззвал к процветанию персидского оружия, пока оно не покорит всю Европу, вплоть до самых отдаленных ее концов. Затем, бросив чашу с персидским циммером в море, он дал сигнал армии начать поход. Семь дней и семь ночей ушло на переход этого огромного войска.

IX. Войдя таким образом в Европу, Ксеркс направился к Дориску (широкая равнина во Фракии, где стоял персидский гарнизон), где расположился и произвел регулярную нумерацию своих войск; флоты расположились в порядке вдоль соседнего побережья. Общая численность сухопутных войск, согласно Геродоту, составляла 1 700 000 человек. Более поздние авторы скептически относились к этому огромному числу, но без достаточных оснований для своего неверия. Здесь были солдаты многих народов: персы в туниках и чешуйчатых нагрудниках, шлемы с диадемами, стрелы и большой лук, который был их естественной гордостью и оружием; были и медяне, экипированные подобным образом; ассирийцы в варварских шлемах, льняных кирасах и с огромными дубинами, окованными железом; бактрийцы с луками из тростника и скифы-саки с их секирами и расписными гребнями. Здесь были и светлокожие индийцы, парфяне, хорасмийцы, согдийцы, гандарийцы и дадики. Были и каспийцы, одетые в жесткие шкуры, с луками и киметрами; великолепные туники сарангов и свободные струящиеся жилеты (или зиры) аравийцев. Видели негров аэтиопской Нубии с пальмовыми луками длиной в четыре локтя, стрелами, острыми как кремь, и одеждой, полученной от леопарда и льва; варварская орда, которая, по обычаю дикарей, покрывала свои тела гипсом и вермишелью, когда шла на войну; а прямоволосые азиаты-эфиопы носили такие же доспехи, как и индейцы, с которыми они граничили. За исключением того, что их шлемы были сделаны из кожи лошадиной головы [55], на которой вместо оперения была оставлена грива. Среди орды были ливийцы, пафлагонцы с шлемами из сети, каппадокийские сирийцы, фригийцы, армяне, лидийцы, экипированные так же, как греки, стримонские фракийцы, одетые в туники, под которыми были струящиеся одежды вроде арабской зиры или тартана, но разных цветов, и бушлаты из шкур оленей, вооруженные копьем и кинжалом; Фракийцы, тоже азиатские, в медных шлемах, украшенных ушами и рогами быка; жители островов Красного моря, вооруженные и похожие на медяков; маресы, колхи, мосхи и другие племена, перечислять которые утомительно, раздули и разнообразили силы Ксеркса.

Такова была пехота персидской армии, не считая десяти тысяч избранных персов, называемых Бессмертным отрядом [56], чьи доспехи сверкали обильным золотом и которые даже на войне отличались роскошными повозками для своих женщин, войсками сопровождающих, верблюдами и тягловыми животными.

Кроме них были персидская конница, кочевники-сагарты, носившие с собой петли, которыми они пытались опутать врага, мидийцы и индийские конники, у последних были также боевые колесницы, запряженные конями или дикими ослами; Бактрийцы и каспийцы, оснащенные одинаково; африканцы, сражавшиеся на колесницах; париканийцы; аравийцы с их быстрыми дромадерами, завершали силы кавалерии, которая насчитывала восемьдесят тысяч, не считая колесниц и верблюдов.

Военно-морской флот также был недостоин сухопутной армады. Число трирем составляло тысячу двести семь. Из них финикийцы и сирийцы из Палестины предоставили триста трирем, на которых были нагрудные пластины из льна, копьеметалки, баклеры без боссов и шлемы, сделанные почти так же, как у греков; двести судов предоставили египтяне, вооруженные огромными боевыми топорами и касками из сетей; Сто пятьдесят судов прибыли с Кипра и сто - из Киликии; те, кто укомплектовал первые, отличались по вооружению от греков только принятием туники и медийских митр, которые носили вожди; те, кто укомплектовал последние, имели по два копья и туники из шерсти. Памфилийцы, одетые, как греки, предоставили тридцать судов, а пятьдесят также были укомплектованы ликийцами с мантиями из козьих шкур и стрелами без оперения из тростника. На тридцати судах прибыли дорийцы из Азии, на семидесяти - карийцы, а на ста - покоренные ионийцы. Греческие острова между Кианами и мысами Триопиум и Суниум [57] предоставили семнадцать судов, а эолийцы - шестьдесят. Жители Геллеспонта (за исключением жителей Абидоса, которые остались защищать мосты) вместе с жителями Понта предоставили еще сто судов. На каждом судне находились отряды медян, персов и саков; лучшими мореплавателями были финикийцы, особенно жители Сидона. Главнокомандующими морскими силами были Ариабигнес (сын Дария), Прексаспес, Мегабаз (сын Мегабата) и Ахемен (брат Ксеркса и сатрап Египта).

Из пехоты полководцами были Мардоний, Тритантахмес, сын Артабана, и Смердонес (двоюродный брат Ксеркса), Майстес (его брат), Гергис и Мегабаз, сын того знаменитого Зопира, благодаря которому Дарий овладел Вавилоном.

Дарий овладел Вавилоном. [58]

Конницей командовали медяне Гармамитрес и Титхей; третий вождь, Фарнух, погиб от падения с лошади. Но нельзя не упомянуть имя героини, более мужественной, чем ее коллеги: Артемисия, вдова одного из карийских царей, предоставила пять кораблей (лучших во флоте рядом с сидонскими), которыми она командовала лично, прославившись как бесстрашной храбростью, так и необыкновенной мудростью.

Х. Таковы были силы, которые великий царь осмотрел, проехав по сухопутным войскам на своей колеснице, а по флоту - на сидонском судне, под золотым балдахином. После осмотра царь призвал к себе Демарата.

"Думаешь ли ты, - сказал он, - что греки осмелятся сопротивляться мне?"

"Сир, - ответил спартанец, - твое предложение о рабстве будет отвергнуто греками; и даже если бы остальные встали на твою сторону, Лакедемон все равно дал бы тебе сражение; вопрос не в том, в каком количестве; если бы в Спарте была всего тысяча человек, она бы выступила против тебя".

Продвигаясь вперед и насильно вербуя различные племена, через которые он проходил, истощая многие ручьи и опустошая население, обреченное развлекать его армию, Ксеркс прибыл в Аканф: Там он отпустил командиров своего флота, приказав им ждать его приказаний в Термах, небольшом городке, давшем название Термейскому заливу (к которому они и направились, давая по пути корабли и моряков), а после, овладев самими Термами, расположил свою армию на побережье, раскинув далеко и широко свое многотысячное войско от Терм и Мигдони до рек Лидии и Галиакмона.

ГЛАВА VI.

Поведение греков.- Оракул, относящийся к Саламину.- Творчество Фемистокла.- Истмийский конгресс.- Послания в Аргос, Крит, Корсиру и Сиракузы.- Их неуспех.- Фессалийцы отправляют посланников на перешеек.- Греки продвигаются к Темпе, но отступают.- Флот отправлен в Артемисию, а Фермопильский перевал занят. -Численность греческого флота. -Битва при Фермопилах.

I. Первые приготовления персов не произвели того эффекта, который можно было ожидать в греческих государствах. Далекие от объединения против общего врага, они по-прежнему лелеяли легкомысленную и необоснованную ревность друг к другу. Несколько государств с готовностью отправили персам символы своей верности, включая всю Беотию, за исключением только феспийцев и платейцев. Более робкие государства считали себя в безопасности от мести варвара; более решительные были потрясены. Слава мидийского оружия была общепризнанной, ведь, несмотря на Марафон, Греция еще не научилась презирать чужеземцев; а об огромной силе надвигающегося войска было достоверно известно от шпионов и дезертиров греческих государств, которые в изобилии находились в лагере варваров. Даже объединенный, весь флот Греции казался недостаточным для борьбы с таким врагом; и, разделенные между собой, некоторые государства были склонны скорее сдаться, чем сопротивляться [59]. "И здесь, - говорит отец истории, - я чувствую себя вынужденным утверждать мнение, каким бы обидным оно ни было для многих. Если бы афиняне, напуганные опасностью, оставили свою страну или подчинились персам, Ксеркс не встретил бы сопротивления на море. Лакедемоняне, покинутые своими союзниками, умерли бы с честью или уступили по необходимости, и вся Греция оказалась бы под персидским игом. Таким образом, афиняне стали освободителями Греции. Они оживляли пыл тех государств, которые еще оставались верны себе, и, наряду с богами, были истинными оракулами захватчиков. Даже дельфийские оракулы, как бы мрачны и зловещи они ни были, не поколебали их цели и не заставили отказаться от Греции". Когда даже сами божества казались сомнительными, Афины были непоколебимы. Посланцы, отправленные афинянами к дельфийскому оракулу, получили ответ, который привел их в ужас.

"Несчастные, - зывала жрица, - покиньте свои дома и городские валы и бегите на край земли. Огонь и острый Марс, подгоняющий сирийские колесницы, уничтожат их, башни будут низвергнуты, а храмы разрушены огнем. И вот теперь, даже , они стоят, обливаясь потом, а верхушки их домов черны от крови, и дрожат от пророческого трепета. Уходите и приготовьтесь к болезни!"

II. Ввергнутые этим ответом в глубочайшую скорбь, афиняне все же, облачившись в одежды и символы сторонников, повторили свое обращение. "Ответь нам, - говорили они, - о верховный бог, ответь нам более благосклонно, или мы не уйдем из твоего святилища, но останемся здесь до самой смерти".

Второй ответ казался менее суровым, чем первый: "Минерва не в силах умиротворить олимпийского Юпитера. Поэтому я снова говорю, и слова мои столь же непреклонны. Все остальное в пределах Кекропии и лона божественного Китаэрона падет и не выдержит. Лишь деревянная стена, которую Юпитер дарует Палласу, станет убежищем для ваших детей и вас самих. Не ждите ни конных, ни пеших, не задерживайте поход могучей армии - отступайте, даже если они сомкнутся над вами. О божественный Саламис, ты потеряешь женских сыновей, независимо от того, рассеет ли Церера свой урожай или соберет!"

III. Записав этот ответ, посланцы вернулись в Афины. Многочисленные и противоречивые попытки истолковать ответ были предприняты; одни считали, что под деревянной стеной подразумевалась цитадель, ранее окруженная деревянным частоколом. Другие утверждали, что загадочное выражение означает флот. Но затем заключительные слова привели их в недоумение. Апостроф к Саламину, похоже, означал разрушение и поражение. В этот момент Фемистокл показал себя достойным того положения, которого он достиг. Вероятно, он купил оракул, в котором нашел готовое и смелое решение. Он поддержал обращение к кораблям, но отрицал, что в апострофе к Саламину осуждается какое-либо зло для Афин. Если бы, - говорит он, - предсказание гибели и резни относилось к афинянам, разве Саламину назвали бы "божественной"? Разве ее не назвали бы скорее "несчастной", если бы греки были обречены на гибель вблизи этого острова? Оракул угрожает не афинянам, а врагу. Давайте же подготовимся к морскому сражению с варваром. Наши корабли - это наши деревянные стены".

Это толкование, как более обнадеживающее, получило большее одобрение. Корабли, уже построенные на доходы от рудников Лавриона, теперь предназначались для безопасности Греции.

IV. Однако еще до прибытия персидских посланников [60], когда греки впервые осознали, что обширные приготовления Ксеркса грозят Греции скорой жертвой, в Коринфе собрался конгресс, который, возможно, вначале ограничивался пелопоннесскими государствами. Во главе этого конфедеративного совета обязательно стояла Спарта, которая была главным государством Пелопоннеса. Но в политике и дебатах, если не в вооружении, она, похоже, всегда встречала мощного соперника в Коринфе, дипломатия которого, богатого и либерального государства, часто противодействовала предложениям спартанских делегатов. На этот конгресс впоследствии прибыли посланники всех государств, отказавшихся от дани и повинностей персидскому царю. Учреждение этого эллинского совета, ставшего одной из причин спасения Греции, является доказательством политической несостоятельности старой Амфикифонийской лиги. Синедрион в Коринфе (точнее, в той коринфской деревне, которая выросла вокруг храма Нептуна и которую греческие писатели называют ИСТМУС) был настоящей исторической Амфикифонией Эллады.

На Истмийском конгрессе гений Фемистокла нашел более широкую сферу, чем до сих пор в шумных афинских кабаках. Из всех греческих делегатов этот проникательный государственный деятель добился наибольшего успеха в достижении главной цели конфедерации - устранении ревности и разногласий, которые до сих пор существовали между государствами, входившими в ее состав. В этом, возможно, самом сложном, но и самом важном деле Фемистоклу помогал тегеец по имени Хилей, который, хотя и редко появлялся на внешней сцене действий, похоже, был весьма искусен в сложной и запутанной политике того времени. Фемистокл, в руки которого Афинская республика в этот период вверила не столько свои интересы, сколько свои обиды, подал пример согласия, и Афины на некоторое время согласились на примирение и дружбу с ненавистной Эгиной. Все действия этого прославленного съезда отличались бдительным благоразумием и решительной энергией. Как только Ксеркс прибыл в Сарды, были отправлены эмиссары для наблюдения за передвижениями персидской армии, и в тот же период, а точнее, за некоторое время до этого [61], были отправлены послы на Коркиру, Крит, в Аргос и в Сиракузы, находившиеся тогда под властью Гелона. Этот человек, будучи высокородным и влиятельным гражданином Гелы на Сицилии, возвысился, отчасти благодаря военным талантам, а в основном благодаря глубокой и скрытной политике, до тирании Гелы и Сиракуз. Его способности были

поразительны, его власть велика; ни на одном греческом континенте не было государства, которое могло бы командовать силой и ресурсами, находившимися в распоряжении сиракузского принца.

Шпионы, посланные в Сарды, были обнаружены, схвачены и преданы смерти, если бы не вмешательство Ксеркса, который отпустил их, приказав провести вокруг своей армии, в надежде, что их возвращение после ужаса от такого зрелища больше, чем смерть, устроит и ужаснет их соотечественников.

Миссия в Аргос, который, будучи пелопоннесским городом, был одним из самых ранних, не увенчалась успехом. Это государство все еще страдало от истощения, наступившего после ужасной резни, учиненной спартанским царем Клеоменом, который сжег шесть тысяч аргивян в окрестностях святилища, куда они бежали. За этой роковой потерей последовали новые изменения в управлении, и подневольное население получило возможность захватить привилегии свободных. Таким образом, ненависть к Спарте, ослабленное войско, неурегулированное внутреннее управление - все это сговорилось сделать Аргос малопривлекательным для общего дела. Однако это государство не стало открыто отказываться от помощи, которую втайне решило не оказывать. Оно согласилось присоединиться к общей лиге на двух условиях: равная со спартанцами доля в командовании и тридцатилетнее перемирие с коварными и безжалостными соседями. Спартанцы предложили пойти на компромисс с первым условием, предоставив аргивскому царю не половину командования, а голос, равный голосу каждого из их собственных царей. Против второго условия они не возражали. Радуюсь предлогу отомстить спартанцам за собственную надменную дерзость, аргивяне сразу же отвергли это предложение и приказали спартанскому послу покинуть их территорию до захода солнца. Но Аргос, хотя и был главным городом Арголиды, не имел привычного влияния на другие города этого района, в которых привязанность к Греции была сильнее ревнивых опасений Спарты.

Посольство в Сицилию было не более успешным, чем в Аргос. Гело согласился предоставить союзникам значительные силы, но только при условии, что Сицилия получит верховное командование либо сухопутными войсками, на которые претендовала Спарта, либо морскими силами, на которые уже осмеливались претендовать Афины; предложение, на которое греки не могли согласиться, если только они не были готовы уступить ремеслу вспомогательного войска те свободы, которые они отстаивали против насилия врага. И спартанские, и афинские послы с одинаковым негодованием отвергли предложения Гелона, который, по сути, получил тиранию своего родного города, предварительно получив в командование геланскую конницу. Сиракузского принца мало задело яростное презрение послов. "Я вижу, что вам больше нужны войска, чем командиры", - остроумно заметил он. "Тогда возвращайтесь; скажите грекам, что этот год будет без весны". Ибо, как весна в году, Гело считал свою помощь Греции. Из Сицилии послы отправились на Корсиру. Здесь их развлекли лъстивыми обещаниями, но правители этого интригующего и раздорного государства снарядили флот из шестидесяти судов, расположились у Пилоса, у берегов Спарты, чтобы ждать развития событий, уверяя Ксеркса, с одной стороны, в своем нежелании выступить против него, а с другой - притворяясь перед греками, что только неблагоприятные ветры не позволили им принять участие в сражении при Саламине. Критяне были настроены не более благосклонно, чем коркирийцы; они нашли оправдание в дельфийском оракуле, и действительно, эта почтенная святыня, похоже, в равной степени отговаривала от сопротивления все государства, которые к ней обращались; хотя смелость афинян истолковала двусмысленную угрозу как благоприятное предзнаменование. Угрозы суеверий становятся лишь стимулом к мужеству, когда их истолковывают смельчаки.

V. И вот враждебное войско переправилось через Геллеспонт, и фессалийцы, понимая, что они - следующий объект нападения, отправили послов на конгресс на перешейке.

Фессалийские вожди по имени Алеуады, правда, пригласили Ксеркса вторгнуться в Грецию. Но именно потому, что это было приемлемо для вождей, прибытие великого царя вызывало страх у народа. С помощью персов алеуады рассчитывали расширить свою власть над собственной страной - амбиции, которым, как можно предположить, не будет сочувствовать народ, который они помогали подчинить. Таким образом, если для вождей Ксеркс был союзником, то для народа он оставался врагом.

Фессалийские посланники заявили о своей готовности помочь конфедератам в защите их родины, но при этом указали на неизбежность опасности для Фессалии и потребовали немедленного снабжения войсками. "Без этого, - говорили они, - мы не сможем оказать вам помощь, и наша неспособность помочь вам будет нашим оправданием, если мы позаботимся о собственной безопасности".

Воодушевленные этими призывами, конфедераты начали свои военные действия. Корпус пехоты перешел Еврип, вошел в Фессалию и расположился лагерем среди прелестей Темпской долины. Здесь к их числу, всего десять тысяч тяжеловооруженных воинов, присоединились фессалийские конники. Спартанцев возглавлял Эвэнет. Афинянами командовал Фемистокл. Однако армия недолго оставалась в лагере. Александр, царь Македонии, прислал конфиденциальный совет об отступлении и точное объяснение силы противника. Этот совет совпал с открытием, что есть еще один проход в Фессалию через горные районы Македонии, что подвергало их опасности быть взятыми в тыл. И, по правде говоря, именно через этот проход в конечном итоге и двинулась персидская армия. Поэтому греки разбили лагерь и вернулись к перешейку. Фессалийцы, покинутые таким образом, сразу же пошли на сотрудничество с захватчиком и стали одними из самых твердых союзников Ксеркса.

На Истмийском конгрессе было решено, что наиболее целесообразно защищать Фермопильский проход, как более близкий и узкий, чем Фессалийский. Флот они решили отправить в Артемизий, на побережье Гистиеотиса, место, достаточно близкое к Фермопилам, чтобы обеспечить удобное сообщение. Никогда, пожалуй, греки не проявляли большего военного мастерства, чем при выборе этих пунктов. Но один проход в этих горных районах позволял спуститься персидской армии из Фессалии, ограниченный с запада крутыми и недоступными скалами, простирающимися до горы Оета; с востока - отмелями и соседним морем. Это дефиле получило свое название Фермопилы, или Горячие ворота, от горячих источников, бьющих у подножия горы. В далекие времена пастухи-фокийцы укрепили это место от вторжения фессалийцев, и в середине прохода до сих пор сохранились обветшавшие остатки стены и ворот их древнего гарнизона; а чтобы сделать место еще более непроходимым, они запрудили болотами и топи, чтобы горячие источники опустошали равнину с фессалийской стороны, и трясина до сих пор остается дерновой и зыбкой. Местность по обе стороны Фермопил была так сжата, что впереди, у реки Феникс, и позади, у деревни Альпени, в то время было место только для одной колесницы. В таком проходе численность и конница медян были недоступны; в то время как на расстоянии около пятнадцати миль от Фермопил корабли греческого флота курсировали в узком море, у выступающих берегов Эвбеи, одинаково удачно занимая позицию, которая ослабляла численную силу и позволяла отступать.

Морской станцией овладели корабли союзников. Коринф прислал сорок, Мегара - двадцать, Эгина - восемнадцать, Сикион - двенадцать, Спарта - десять, эпидавры - восемь, эретрийцы - семь, троезенцы - пять, итирейцы и жители Сеоса - по два, а локрийцы Опунта - семь судов по пятьдесят весел. Всего этих кораблей (не считая пятидесятивесельных, поставленных локрийцами, и двух барк, добавленных к квоте, присланной жителями Сеоса) было сто двадцать четыре. Только афинские силы насчитывали больше судов, чем все остальные конфедераты, и предоставили сто двадцать семь трирем, частично укомплектованных платейцами, кроме того, двадцать судов одолжили халкидяне, которые оснастили и укомплектовали их. Афинским флотом командовал Фемистокл. Сухопутное войско при Фермопилах состояло в основном из пелопоннесцев; численность его была следующей: триста тяжеловооруженных спартанцев; пятьсот тегейцев; пятьсот мантинейцев; сто двадцать орхоменцев; тысяча из других государств Аркадии; двести из Флиуса; восемьдесят из Микен. Беотия предоставила семьсот феспийцев и четыреста фиванцев; последние были специально отобраны Леонидом, спартанским вождем, поскольку, по общему мнению, фиванцы были привязаны к мидийцам, и он хотел, таким образом, утвердить их в качестве друзей или узнать их как врагов. Хотя настроения фиванцев были враждебными, говорит Геродот, они прислали требуемую помощь. Кроме них, была тысяча фокийцев и отряд локрийцев-опунтцев, не названный Геродотом, но по-разному оцененный Диодором в тысячу, а Павсанием, скорее всего, не менее семи тысяч.

Главное командование, согласно притязаниям Спарты, было доверено Леониду, младшему брату неистового Клеомена [62] от другой матери и наследнику спартанского престола.

Есть люди, вся жизнь которых заключается в одном поступке. Леонид - самый выдающийся из них. Мы почти ничего не знаем о нем до последних дней его карьеры. Кажется, он родился лишь для того, чтобы показать, как велика слава храброй смерти. О его характере или гении, о его общих добродетелях и пороках, о его горестях и радостях биография едва ли может собрать хотя бы материал для предположений. Из неизвестного существования он перешел в вечное имя. И история посвящает свои самые гордые страницы тому, о ком у нее нет ничего, кроме эпитафии.

Как бы в противовес маленькому отряду под командованием Леонида, Геродот снова перечисляет персидское войско, разросшееся с момента отплытия из Дориска за счет многочисленных пожертвований, принудительных и добровольных. Он оценивает общее количество морских и сухопутных войск, увеличенное таким образом, в два миллиона шестьсот сорок одну тысячу шестьсот десять воинов, и столько же - численность обслуживающего персонала, пестрой толпы, следовавшей за вооружением; так что сын Дария провел, до сих пор без бедствий, в Сепии и Фермопилы пять миллионов двести восемьдесят три тысячи двести двадцать человеческих существ [63]. И из этого дивного скопления никто по величию и изяществу личности, говорит Геродот, не превзошел царского вождя. Но такие преимущества, как более высокий рост, персидские цари получали искусственным путем; из Ксенофонта мы узнаем, что они носили особый вид обуви, сконструированной таким образом, чтобы увеличивать их рост.

VI. Флот Ксеркса, двинувшись из Терм, добился частичного успеха на море: десять его судов, отправленных в Скиатос, захватили сторожевой корабль Троезена и принесли в жертву на носу грека по имени Леон; красота его лица принесла ему такое неприятное предпочтение. В их руки попало и эгинское судно, с экипажем которого они обращались как с рабами, за исключением одного героя, Пифея, который своей доблестью прославил даже врага; третье судно, принадлежавшее афинянам, было захвачено в устье Пенея; моряки, однако, предварительно высадились и, следовательно, спаслись. Маяки оповестили греческую

станцию в Артемизиуме об этих бедствиях, и флот на некоторое время отступил к Халкису, чтобы охранять Эврип. Но сильная буря у берегов Магнесии внезапно уничтожила не менее четырехсот варварских судов со значительным числом людей и большими сокровищами, и греческий флот вернулся в Артемизиум.

Здесь они вскоре захватили пятнадцать персидских кораблей, которые, приняв их за друзей, отплыли прямо в их середину. За этим исключением остальная часть варварского флота благополучно прибыла в Афеты.

VII. Между тем могучее сухопутное войско великого царя, пройдя через Фессалию и Ахайю, достигло наконец широких Трахинийских равнин, которые, простираясь вдоль берегов Фессалии на сорок миль в окружности и примыкая к Фермопильскому проливу, давали место для стоянки его армии.

Греки в Фермопилах встретили приближение Ксеркса с тревогой; они ожидали значительных подкреплений из конфедеративных государств, особенно из Спарты, которая решила направить все свои силы в поход, оставив лишь небольшой отряд для обороны столицы. Но карнейский праздник в честь великого дорийского Аполлона в Спарте задержал лакедемонян, а Олимпийские игры отвлекли остальных союзников, еще не ожидавших немедленного сражения.

Близость Ксеркса и отсутствие подкреплений, которых они ожидали, вызвали тревожный и озабоченный совет; Леонид отговорил конфедератов от отступления и разослал гонцов в различные государства, убеждая в необходимости поставок и указывая на безнадежность эффективного противостояния медянам с нынешними силами.

Тем временем Ксеркс, узнав, что под началом спартанца, потомка Геракла, собрался незначительный отряд, чтобы противостоять его продвижению, отправил шпиона разведать их численность и передвижения. Посланец смог осмотреть только тех, кто находился вне укрепления, а это, как оказалось, были спартанцы; он обнаружил, что эта необычная раса занимается гимнастическими упражнениями и укладывает свои длинные волосы для праздника битвы. Хотя они заметили шпиона, они позволили ему поглазеть на досуге, и он вернулся в целостности и сохранности к царю.

Сильно удивленный полученными сведениями, Ксеркс послал за Демаратом и, подробно рассказав ему об увиденном гонце, поинтересовался, что это может означать и может ли эта горстка людей, развлекающихся в дефиле, всерьез рассчитывать на сопротивление его оружию.

"Сир, - ответил спартанец, - они намерены оспаривать перевал, и то, что видел твой гонец, доказывает, что они готовятся к этому. У спартанцев есть обычай украшать свои волосы накануне любого опасного предприятия. Вы идете в атаку на цветок греческой доблести". Ксеркс, все еще не веря, что противостояние может быть серьезным, вежливо выждал четыре дня, чтобы дать врагу время на отступление; тем временем он отправил гонца к Леониду, требуя от него оружия. "Приди и возьми его!" - ответил спартанец.

VIII. На пятый день терпение Ксеркса истощилось, и он послал отряд медян и циссинцев [64] на перевал с приказом привести к нему живыми опрометчивых и упрямых защитников. Медяне и циссиане были отбиты со значительными потерями. Теперь "Бессмертному отряду" было приказано выступить вперед под командованием Гидарна. Но даже мастерство и

отвага этого воинственного отряда не принесли успеха: их численность была ограничена узостью прохода, а их короткое оружие очень плохо сочеталось с длинными копьями греков. Схватка возобновилась на второй день с той же удачей; потери персов были велики, хотя скудное число спартанцев также несколько уменьшилось.

В разгар недоумения, охватившего царские советы после этого поражения, в персидский лагерь прибыл некий Эфиальт, малиец. Окрыленный надеждой на большую награду, этот предатель потребовал и получил аудиенцию, на которой предложил провести медяков тайным путем через горы к перевалу. Предложение было с радостью принято, и Гидарнес с войсками под своим командованием отправился под руководством малийца. В вечерних сумерках отряд покинул лагерь и, пройдя всю ночь от реки Асоп, между горами Оэта с правой стороны и Трахинийскими хребтами с левой, на рассвете оказался на вершине холма, на котором расположилась тысяча фокийцев для защиты прохода, ибо он был небезызвестен спартанцам. В предрассветной тишине они пробирались сквозь густые заросли дуба, покрывавшие подъем, и скрывали блеск своего оружия; но из-за необычайной неподвижности воздуха шум, с которым они топтали листья [65], достиг ушей фокийцев. К ужасу и удивлению захватчиков, эта группа поднялась с земли, на которой спала, и поспешно взялась за оружие. Персы, хотя и не были готовы к встрече с врагом в этом месте, выступили в боевом порядке, и сильный натиск их стрел заставил фокийцев искать лучшее укрытие в горах, не представляя, что проход в дефиле, кроме их собственной гибели, является целью этого предприятия. Персы благоразумно воздержались от преследования, но, воспользовавшись открытым теперь для них путем, быстро спустились с противоположной стороны горы.

IX. Тем временем в греческом лагере действовали мрачные и суеверные страхи. Накануне прорицатель (Мегистий) осмотрел внутренности и предсказал, что утром защитников Фермопил ожидает смерть; а в ту роковую ночь к Леониду присоединился кумаец, дезертировавший из персидского лагеря, и сообщил ему о предательстве Эфиальта. Рано утром их опасения подтвердили дозорные, выставленные на горах, которые при приближении варваров скрылись в дефиле.

Поспешно был собран совет; одни были за то, чтобы остаться, другие - за бегство. Совет закончился постановлением о всеобщем отступлении, вероятно, с согласия, а может быть, и по случаю, Леонида, который довольствовался монополией на славу и смерть. Законы спартанцев запрещали им бежать от любого врага, каким бы многочисленным он ни был, и Леонид не решился ослушаться их. Возможно, его решение укрепил оракул из Дельф, столь почитаемый дорийцами, который предвещал либо падение Спарты, либо принесение в жертву спартанского царя из крови Геракла. Для людей, чьим счастьем была слава, жизнь не знала соблазна, равного такой смерти!

X. Леонид и его соотечественники решили удержать поле боя. Только феспийцы добровольно остались, чтобы принять участие в его судьбе; но он задержал и подозрительных фиванцев, скорее как заложников, чем как помощников. Остальные конфедераты поспешно ушли через горы в свои родные города. Леонид хотел бы прогнать прорицателя, но Мегистий настаивал на своем праве остаться; он довольствовался тем, что отослал своего единственного сына, сопровождавшего экспедицию. Даже суровый дух Леонида, как говорят, уступил голосу природы, и он приказал двум своим приближенным вернуться в Спарту и сообщить о положении дел. "Ты предписываешь нам обязанности гонимых, а не воинов", - ответили воины, пристегивая щиты и занимая свои посты вместе с остальными.

Если бы история могла проникнуть из событий в сердца агентов, было бы интересно даже предположить, что чувствовала эта преданная группа, ожидавшая приближения верной смерти в этом одиноком дефиле. Их энтузиазм и тот жесткий спартанский дух, который сделал все узлы подчиненными повиновению закону, все волнение, приуроченное к битве, все удовольствие, притупленное предвкушением славы, вероятно, сделали часы, предшествующие смерти, самыми завидными в их жизни. Они могли бы ликовать в том же возвышающем фанатизме, который впоследствии отличал последователей Магомета, и видеть тот открывающийся рай в бессмертии внизу, который мусульманин предвкушал наверху.

XI. Рано утром того ужасного дня Ксеркс совершил торжественное возлияние своим богам, а в середине дня, когда Гидарнес, как можно предположить, находился в тылу врага, войска варваров начали свой марш. Леонид и его отряд вышли за пределы своих укреплений, в более широкую часть дефиле. Перед яростью своего отчаяния персы пали в огромном количестве; многие из них были сброшены в море, другие растерзаны и раздавлены напором собственной численности.

Когда копья греков раздробились на части, они прибегли к мечам, и битва стала рукопашной: сражаясь, Леонид пал, окруженный в смерти многими из своей дружины, отличавшимися различными достоинствами и славой. Два сводных брата Ксеркса, смешавшись в первых рядах, боролись за тело спартанского царя и погибли от греческого меча.

Недолго спартанцы отбивались от толпы персов, которых, если доблесть не могла побудить их к действию, бичевали плетями их вожди, и извлекли тело Леонида из пресса; и вот, свернув с прохода, Гидарн со своим отрядом спустился к месту битвы. Сцена изменилась, спартанцы отступили, все еще неустрашимые, или, скорее, еще более отчаянные по мере приближения смерти, в самый узкий проход, и, расположившись на выступе пролива, погибли, сражаясь, даже после того, как их оружие было сломано, руками и зубами - скорее раздавленные под их числом, чем убитые мечами врагов - *"non victi sed vincendo fatigati"*. [67]

XII. Двум спартанцам из трехсот, Эвриту и Аристодему, ввиду сильного расстройства глаз, было разрешено поселиться в Альпени; но Эврит, услышав о состязании, был выведен своим гелиотом в поле и погиб вместе со своими соотечественниками. Остался один Аристодем, который по возвращении в Спарту был заклеен позором, но впоследствии искупил свое имя в битве при Платее. [68]

Фиванцы, видя победу персов, сложили оружие и, за исключением нескольких человек, убитых при их приближении не как враги, а как сторонники, были помилованы Ксерксом.

Сам царь пришел посмотреть на мертвых, и особенно на труп Леонида. Он приказал отрубить голову этому герою и повесить его тело на кресте [69], что было скорее проявлением внезапной страсти, чем обычного варварства. Ведь из всех народов персы больше всего почитали доблесть даже в своих врагах.

XIII. Нравственное чувство человечества, которое относит пример самопожертвования к числу самых благородных уроков, которыми можно исправить нашу природу, справедливо увековечило память Леонида. Невозможно поставить под сомнение добродетель этого человека, но мы можем справедливо оспаривать мудрость системы, которую он украшал. Мы можем сомневаться в том, что на самом деле его смерть послужила его стране настолько, насколько могла бы послужить его жизнь. Отличие Фермопил в том, что их герои погибли, повинувшись законам; отличие Марафона в том, что его герои жили, чтобы победить захватчика

и сохранить свою страну. И в доказательство этого отличия мы видим, что впоследствии, в Платее, из всех союзных греков спартанцы больше всего боялись завоевателей Фермопил; афиняне меньше всего боялись беглецов Марафона.

XIV. Впоследствии на холме, куда окончательно удалились спартанцы и феспийцы, амфикионы воздвигли каменного льва в честь Леонида, а спустя много лет кости этого героя были перевезены в Спарту, и вокруг его могилы ежегодно проводились игры, на которых разрешалось участвовать только спартамцам. Отдельные памятники грекам вообще и тем тремстам, которые отказались отступать, были воздвигнуты Амфикионами в Фермопилах. Потомство долгое время восхищалось надписями, которые они несли; надпись спартамцев стала известной своей возвышенной лаконичностью.

"Иди, чужеземец, - гласила она, - и скажи спартамцам, что мы подчинились закону и лежим здесь!"

По личной дружбе поэта Симонида был воздвигнут памятник прорицателю Мегистию, в котором к его чести было сказано следующее,

"Что судьбу, которую он предвидел, он остался храбрым".

Такова история битвы при Фермопилах (480 г. до н. э.). [70]

ГЛАВА VII.

Совет Демарата Ксерксу. Фемистокл. Действия у Артемизиума. Греки отступают. Персы вторгаются в Дельфы и получают отпор с большими потерями. Афиняне без помощи союзников оставляют Афины и отправляются в Саламин. Нерешительная и эгоистичная политика пелопоннесцев.- Ловкость и твердость Фемистокла.- Битва при Саламине.- Андрос и Карыст осаждены греками.- Анекдоты о Фемистокле.- Почести, возданные ему в Спарте.- Ксеркс возвращается в Азию.- Олинф и Потидея осаждены Артабазом.- Афиняне возвращаются домой.- Остракизм Аристида отменен.

I. После Фермопильской победы Демарат посоветовал персидскому монарху направить отряд из трехсот судов к лаконскому побережью и захватить остров Китера, о котором один спартамец однажды (предвидя, как легко в будущем этот пост можно будет превратить в команду над лаконской столицей) сказал: "Для Спарты было бы лучше, если бы он был затоплен в море". Глубокий опыт Демарата в эгоистичной и исключительной политике своих соотечественников заставил его утверждать, что в этом случае страх Спарты за себя не позволит ей объединить силы с остальной Грецией и сделает последнюю более легкой добычей для захватчика.

Этот совет, к счастью для греков, был отменен Ахеменом.

Тем временем греческий флот, собравшийся у Артемизиума, был взбудоражен различными советами. Видя огромное количество варварских кораблей, собранных в Апхете, и все побережье вокруг, кишущее враждебными войсками, греки обсуждали необходимость отступления.

Флотом командовал спартамец Эврибиад. Хотя Афины располагали силами, равными всем остальным союзникам вместе взятым, и могли по праву претендовать на командование, но ревность конфедератов, давно привыкших уступать притязаниям Спарты и не желавших признавать новое превосходство другого государства, побудила афинян с готовностью отказаться от своих притязаний. И в первую очередь это касалось Фемистокла. "Ему, -

говорит Плутарх, - Греция обязана не только своим сохранением, но и тем, что афиняне превзошли своих врагов в доблести, а союзников - в умеренности". Но если фортуна дала Эврибиаду номинальное командование, то гений заставил Фемистокла фактически занять главенствующее положение. Этот необыкновенный человек был, прежде всего, приспособлен к своему времени, и, соответствуя его потребностям, он распоряжался его судьбами. Его вина в черствости моральных чувств и беспринципность в отношении целесообразности особенно помогали ему в управлении людьми. Он умел взывать к самым благородным страстям, умел заводить самые низменные. Там, где он не мог возвыситься, он развращал, где не мог убедить, он запугивал, где не мог запугать, он подкупал. [71]

Когда намерение отступить стало общеизвестным, жители северного побережья Эвбеи (у которого стоял афинский флот) умоляли Эврибиада дать им время хотя бы для того, чтобы уберечь своих рабов и детей от мести варваров. Не добившись от него успеха, они обратились к Фемистоклу. За тридцать талантов афинянин обещал остаться в Артемизиуме и рискнуть в случае битвы. Обладая этой суммой, он склонил на свою сторону крепкого спартанца, подарив ему пять талантов, а Адиманту Коринфскому, самому упорному в отступлении, тайно послал три [72]. Остальное он оставил для собственных нужд; от своих соратников он отличался тем, что получил гораздо большую долю дара, чем они; что они были подкуплены, чтобы быть храбрыми, а он был вознагражден за то, что подкупил их. Чистоплотный государственный деятель не может не испытывать некоторого презрения и сожаления, когда видит, что самые благородные поступки сочетаются с самыми ничтожными мотивами. Но как в древние времена, так и в наши дни, паутина человеческих дел соткана из смешанной пряжи, и личности, спасающие нации, не всегда являются наиболее приемлемыми для моралиста. Доля Фемистокла в этом деле, однако, не так сильно порочит его, как спартанца Эврибиада. Нельзя не заметить, что ни одна система, противоречащая человеческой природе, не способна противостоять реальному искушению. Спартанский закон запрещал стремление к богатству, и сами спартанцы гораздо легче поддавались жажде скупости, чем роскошные афиняне. Так, уроженец города Зелеи в Малой Азии пытался развратить пелопоннесские города персидским золотом: не спартанцы, а афиняне объявили этого человека позорным и вывели его жизнь из-под действия греческого закона. С благородной гордостью Демосфен рассказывает об этом указе. "Золото, - говорит он, - было привезено в Пелопоннес, а не в Афины. Но наши предки распространили свою заботу не только на свой город, но и на всю Грецию". [Аристид формируется благодаря уважению к честности, к которой общество тщетно стремится, Демарат, Эврибиад и, как мы увидим, Павсаний - благодаря законам, которые, исключая влияние страстей, делают их соблазны новыми, а последствия - непреодолимыми.

II. Греки продолжали оставаться на Эвбее, а персы, желая столкнуться со столь незначительным противником, отправили двести отборных судов с приказом проложить кружной путь за Скиатос и таким образом, незамеченными, напасть на греческий тыл, а по согласованному сигналу остальные наступать на фронт.

Однако один из дезертиров Сциоса бежал из Афет и сообщил грекам о плане персов. После этого было решено в полночь выступить против той части флота, которая была направлена вокруг Эвбеи. Но с наступлением сумерек они, по-видимому, изменили или отложили этот план и сразу же направились к главному корпусу флота, возможно, не столько с намерением дать регулярное сражение, сколько для того, чтобы попытаться провести отдельные стычки, в которых можно было бы проверить свою храбрость и мастерство. Персы, пораженные увлеченностью своих противников, выстроили свой флот в порядке и сумели окружить греческие корабли.

Ночь, однако, разлучила враждующих, но только после того, как греки захватили тридцать варварских судов; первый корабль был захвачен афинянином. Победа, однако, несмотря на такое преимущество, так и осталась нерешенной, когда греки вернулись в Артемизиум, а персы - в Афеты.

III. Но ночью над морем разразилась одна из тех внезапных и сильных бурь, которые нередки в летнюю пору в Греции. Персы в Афетах с паническим ужасом услышали раскаты грома, раздававшиеся над вершиной горы Пелион; тела погибших и обломки кораблей, плававшие вокруг весел, опутывали их весла в бурном и тяжелом море. Но гибель, которую персы предвидели для себя в Афетах, на самом деле постигла ту часть варварского флота, которая совершила обход Эвбеи. Удаленные от суши, подверженные всей ярости бури, не знающие своего курса, в темноте ночи они были разбиты на куски о страшные скалы, называемые "Лощинами", и ни одна галера не избежала всеобщего уничтожения.

Таким образом, флот варваров оказался равным флоту греков. Подкрепившись на следующий день пятьюдесятью тремя кораблями из Афин, греки вечером выступили против той части вражеского флота, которой владели киликийцы. Они потерпели полное поражение и с радостью вернулись в Артемизиум.

До сих пор эти стычки, происходившие летними вечерами, чтобы, воспользовавшись наступлением темноты, прекратить их до того, как будут понесены непоправимые потери, были, по-видимому, скорее ради военной практики - рыцарских вылазок, чем реальных и обдуманных столкновений. Но на третий день персы, нетерпеливые к завоеваниям, продвинулись к Артемизиуму. Эти морские столкновения происходили точно в те же дни, что и конфликты при Фермопилах; цель у всех была одна и та же - завоевание одним морского дефиле, другим - сухопутного входа в Грецию. Эврип был Фермопилами океана.

IV. Греки остались на своей позиции и там встретили удар; битва была суровой и равной; персы сражались с большой доблестью и стойкостью, и хотя потери с их стороны были самыми большими, многие греческие суда также погибли. Они разошлись по взаимному согласию, ни одна из сил не осталась победителем. Из персидского флота больше всего отличились египтяне, из греческого - афиняне, а из последних никто не сравнился в доблести с Клиниасом; его корабль был укомплектован за его собственный счет. Он был отцом того самого Алкивиада, впоследствии столь знаменитого.

Пока греки отдыхали в Артемизиуме, подсчитывая число убитых, и среди обломков своих кораблей они узнали о судьбе Леонида. [74] Это решило их предыдущие консультации о политике отступления, и они покинули Еврип в ровном и выверенном порядке, коринфяне первыми, а афиняне замыкали тыл. Таким образом, персы остались хозяевами морского и сухопутного входа в Грецию.

Но даже в отступлении деятельный дух Фемистокла был устремлен к целесообразности. Было более чем подозрительно, что значительная часть ионийцев, находящихся сейчас на службе у Ксеркса, тайно дружит с греками. Поэтому Фемистокл на самом быстром из афинских кораблей отправился к одному из прибрежных водоемов и выгравировал на скалах такие слова, которые ионийцы прочли на следующий день.

"Люди Ионии, сражаясь против своих предков и помогая поработить Грецию, вы поступаете недостойно. Переходите к нам, а если это невозможно, то хотя бы выйдите из борьбы и уговорите карийцев сделать то же самое. Если же ни отделение, ни восстание невозможно, то, по крайней мере, когда мы приступим к действиям, не выступайте против нас. Помните,

что мы происходим от одного общего рода и что именно из-за вас мы впервые вызвали вражду персов".

Под этим увещанием скрывалось более тонкое намерение, чем то, которое было более очевидным. Ведь если оно не смогло соблазнить ионийцев, то могло заставить Ксеркса усомниться в их союзе.

Когда персы узнали, что греки оставили свой пост, весь их флот овладел перевалом, овладел соседним городом Гистией и, захватив часть острова Эвбея, добился покорности жителей.

Теперь Ксеркс прибегнул к несколько неуклюжему, но очень часто применяемому приему. Двадцать тысяч его людей пали при Фермопилах: из них он похоронил девятнадцать тысяч, а остальных оставил без погребения, публично пригласив всех желающих осмотреть место сражения. Поскольку значительное число гелотов присоединилось к своим спартанским владыкам и погибло вместе с ними, то число тел убитых достигло четырех тысяч [75], в то время как персов было всего тысяча. Это был практический деспотический бюллетень.

V. Из всей соседней области только фокийцы остались верны греческому делу: теперь их территорию по приказу их наследственных врагов, фессалийцев, захватили персы, разрушая города и храмы и совершая по пути все ужасы насилия и грабежа. Прибыв в Панопею, основная часть варварской армии двинулась через Беотию в сторону Афин, великого объекта мести, а отдельный отряд был отправлен в Дельфы с целью разграбления огромных богатств, накопленных в этом знаменитом храме, о которых, как говорят, Ксеркс был осведомлен лучше, чем о сокровищах, оставленных им в собственном дворце, что, возможно, не совсем характерно.

Но мудрое и хитрое жречество Дельф слишком долго привыкало успешно обманывать человечество, чтобы потерять надежду или самообладание при приближении даже такого грозного врага. Когда встревоженные жители Дельф прибежали к оракулу, требуя совета и желая знать, что делать со священными сокровищами, жрица серьезно ответила, что "бог может сам позаботиться о своем имуществе, а единственное дело граждан - обеспечивать себя"; жреческий ответ подразумевал, что бог считает сокровищами свое имущество, а не паству. Одни были уверены, что их защитит божество, другие же могли сами себя обеспечить.

Граждане не замедлили последовать этому совету; они немедленно вывезли своих жен и детей в Ахайю, в то время как мужчины и взрослые бежали - одни в Амфиссу, другие в скалистые углубления Парнаса или в ту огромную и просторную пещеру у основания горы Корик, посвященную Музам и наделившую эти прекрасные божества поэтическим эпитетом Корициды. Шестьдесят человек с главным жрецом остались охранять священный город.

VI. Но суеверие может обойтись и без цифр. Как раз в тот момент, когда варвары приблизились к храму, прорицатель увидел, что священное оружие, до сих пор хранившееся в неприкосновенности в святилище, выдвинулось вперед. И это чудо стало предвестником других, более активных. Когда враги продвигались в тишине опустевшего города и, несомненно, под впечатлением собственного благоговения (ведь не могло же персидское войско не испытывать почтения к храму Солнца!), как раз у святилища Минервы Пронеи, воздвигнутого перед великим храмом, внезапно над их головами раздался гром, и два огромных обломка скалы (отделившиеся от высоты того Парнаса, в недрах которого скрывались как смертные, так и боги) с сильным треском покатались вниз по склону горы и уничтожили многих из толпы персов. В это же время из храма воинственной богини раздался громкий боевой клич, словно призыв к оружию. Смущенные, потрясенные, охваченные

паникой от этих сверхъестественных чудес, варвары обратились в бегство, а дельфийцы, уже подготовленные и вооруженные, выбежали из пещер и гор и, бросившись на захватчиков, рассеяли их с великой резней. Те, кому удалось спастись, бежали к войску в Беотию. Таким образом, сокровища Дельф были чудесным образом сохранены не только от разграбления персами, но и от посягательств самих дельфийцев, которые в первую очередь стремились получить разрешение на хранение сокровищ в безопасном месте. Никто лучше жрецов не знал, что сокровища всегда уменьшаются, когда переходят из одних рук в другие.

VII. Греческий флот бросил якорь в Саламине по просьбе афинян, которым тем более хотелось немедленно обдумать положение дел, что персидская армия приближалась к их границам, и они узнали, что корыстные воины Пелопоннеса, согласно своей обычной политике, вместо того чтобы помочь афинянам и Греции в целом походом в Беотию, заняты только укреплением перешейка или обеспечением собственной безопасности.

Не сумев привлечь конфедератов к защите Аттики, афиняне попросили остальных морских союзников остаться в Саламине, а сами поспешили вернуться в Афины.

Вернувшись домой, они оказались в положении, которое их щедрая доблесть мало чем заслужила. Хотя они отправили в Артемизиум главного защитника общего дела, теперь, когда буря обрушилась на них самих, никто не выступил на их стороне. Они были одновременно возмущены и обескуражены всеобщим дезертирством. [Как можно было в одиночку и без посторонней помощи противостоять толпе персов? Могли ли они рассчитывать на то, что удача Марафона будет постоянно возобновляться? Остаться в Афинах означало гибель, а покинуть их казалось им нечестием. Они также не могли с надеждой ожидать победы, оставив памятники своих предков и храмы своих богов. [77]

Только Фемистокл мог определить поведение своих соотечественников в этой дилемме. Неисчерпаемы были ресурсы гения, простиравшегося от самых возвышенных дерзаний до самых замысловатых ремесел. Понимая, что единственным шансом на безопасность является оставление города и что самым сильным препятствием на пути к этой альтернативе была суеверная привязанность к БОМЖу, которую так остро ощущали древние, он прибегнул к контрсуеверию, когда разум не выдержал. В храме цитадели находилась змея, посвященная Минерве и считавшаяся покровительницей этого места. Еда, предназначенная для змеи, была внезапно обнаружена непоглощенной, сама змея исчезла, и по предложению Фемистокла жрецы объявили, что богиня покинула город и предложила себя в качестве проводника к морям. Затем, среди всеобщего возбуждения, Фемистокл повторил свою версию дельфийского оракула. Тогда корабли были переосмыслены как деревянные стены, и Саламис снова провозгласили "божественным". Народный пыл пробудился, убеждения Фемистокла возобладали, даже женщины громко заявили о своей готовности покинуть Афины ради афинян, и было принято официальное решение оставить город на попечение Минервы, а гражданам спасать себя, своих женщин, детей и рабов по своему усмотрению. Большинство из них укрылось в Троезене, где их щедро поддерживали за государственный счет, некоторые - в Эгине, другие отправились в Саламис.

Трогательное и жалкое зрелище представляла собой высадка афинян на острове Саламин. Разлученные с детьми, женами (которые были отправлены в более отдаленные безопасные места), оставив свои дома и алтари, цитадель Минервы, памятники Марафона, они отправились на место состязания (480 г. до н. э.), опасное и ненадежное, и уже не на месте своей любимой и отцовской земли. Их горе усугублялось необходимостью оставить многих, чей преклонный возраст делал их еще более почтенными, но в то же время не позволял их увезти. Даже бессловесные животные возбуждали в людях все нежные домашние

ассоциации, выбегая на берег и выражая своими криками сожаление о руках, которые их кормили: одна из них, собака, принадлежавшая Ксантиппу, отцу Перикла, как говорят, последовала за кораблями и поплыла в Саламис, чтобы умереть, измученная трудом, на песках.

VIII. Флот собрался в Саламине; спартанцы предоставили всего шестнадцать судов, жители Эгины - тридцать быстроходных галер, хорошо оснащенных; афиняне - сто восемьдесят; весь флот, по словам Геродота, состоял из трехсот семидесяти восьми [78] кораблей, кроме того, было еще незначительное количество судов на пятьдесят весел.

Эврибиад по-прежнему сохранял за собой главное командование. Состоялся военный совет. Большую часть влиятельных союзников составляли пелопоннесцы, и, с одобрения спартанского вождя, было предложено отойти от Саламины и расположиться на перешейке вблизи сухопутных войск Пелопоннеса. Это вполне соответствовало заинтересованной политике пелопоннесских государств, и особенно Спарты; Атика считалась уже потерянной, и о судьбе этой территории они были не склонны задумываться. Пока шли дебаты, из Афин прибыл гонец с известием, что варвар, превратив в пепел союзные города Феспию и Платею в Беотии, вошел в Атику; Вскоре после этого они узнали, что (несмотря на отчаянное сопротивление горстки афинян, которые, одни из бедности, другие из суеверных предрассудков в пользу деревянной стены цитадели, долго держались, хотя и были буквально охвачены огнем от поджога своих баррикад) цитадель была взята, разграблена и сожжена, а остатки ее защитников преданы мечу.

IX. Совет охватило смятение; многие из вождей поспешно разбежались, поднялись на борт, подняли паруса и приготовились к отплытию. Те, кто остался в совете, решили, что вступать в морское сражение можно рискнуть только вблизи перешейка. С этим решением вожди ночью вернулись на свои корабли.

Удивительно, как часто в самых памятных событиях судьбу и славу народов решает душа одного человека. Когда Фемистокл удалился на свое судно, его разыскал Мнесифил, который, как говорят, рано и глубоко повлиял на ум Фемистокла и был одним из тех практичных, но вдумчивых государственных деятелей, которых вызвала к жизни трезвая философия Солона [79], чьи уроки науки управления послужили основой для риторических извращений позднейших софистов. Узнав о решении совета, Мнесифил убедительно представил его последствия. "Если союзники, - сказал он, - однажды оставят Саламин, вы навсегда лишитесь возможности сражаться за свою страну. Флот, несомненно, разделится, различные конфедераты вернутся домой, и Греция погибнет. Поэтому поспеши, пока еще не поздно, и постарайся убедить Эврибиада изменить свое решение и остаться".

Этот совет, полностью совпадающий с мнением Фемистокла, побудил вождя к новым усилиям. Он сразу же отправился к Эврибиаду и, благодаря необыкновенному владению умами других людей, которым он обладал, в конце концов одержал верх над спартанцем и, как ни поздно, убедил его вновь собраться с различными вождями.

X. На этом ночном совете споры стали громкими и жаркими. Когда Эврибиад объяснил свое изменение мнения и мотивы, побудившие его созвать вождей вместе, Фемистокл обратился к ним с длинной речью и с большим волнением. Коринфяне так явно были заинтересованы в том, чтобы место защиты находилось в окрестностях Коринфа, что мы не можем удивляться тому, что коринфский вождь Адимант с готовностью прервал афинянина. "Фемистокл, - сказал он, - те, кто на общественных играх встает раньше времени, оказываются побежденными".

"Верно", - ответил Фемистокл с восхитительной мягкостью и самообладанием, - "но те, кто остается позади, никогда не становятся коронованными".

Преследуя преимущество, которое всегда дает оратору умелое использование перерыва, афинянин обратился к Эврибиаду. Искусно скрыв свой тайный мотив - страх перед рассеянием союзников, которое, как он справедливо полагал, оскорбит их, не убедив, - он прибег к более популярным аргументам. "Сражаясь на перешейке, - сказал он, - вы сражаетесь в открытом море, где из-за наших более тяжелых судов и меньшей численности вам приходится бороться со всеми недостатками. Даже если мы добьемся успеха, вы все равно потеряете при отступлении Саламин, Мегару и Эгину. Вы хотели бы сохранить Пелопоннес, но помните, что, привлекая туда войну, вы привлекаете не только морские, но и сухопутные силы противника. Сражайтесь здесь, и мы получим неоценимое преимущество узкого моря - мы сохраним Саламин, убежище наших жен и детей - мы защитим Пелопоннес с такой же эффективностью, как если бы отправились на перешеек и привлекли туда варваров. Если мы одержим победу, враг не сможет ни продвинуться к перешейку, ни проникнуть за пределы Аттики. Их отступление неминуемо".

Оратора снова с такой же грубостью прервал Адимант. И Фемистокл, хорошо умевший сочетать силу с умеренностью, угрозу с убеждением, ответил с такой же язвительностью, но с необыкновенным достоинством и счастьем выражения.

"Тебе подобает, - презрительно сказал Адимант, ссылаясь на взятие Афин, - тебе подобает молчать и не советовать нам покинуть нашу страну; тебе, у которого больше нет страны, которую нужно защищать! Эврибиад может повлиять на Фемистокла только тогда, когда у Фемистокла снова будет город, который он будет представлять".

"Негодяй!" - сурово ответил Фемистокл, - "мы действительно оставили наши стены и дома, предпочитая свободу этим неодушевленным вещам, но знай, что афиняне по-прежнему владеют страной и городом, большим и более грозным, чем твой, хорошо снабженным запасами и людьми, которым никто из греков не сможет противостоять: наши корабли - это наша страна и наш город".

"Если, - добавил он, снова обращаясь к спартанскому вождю, - если ты останешься здесь, то потребуешь нашей вечной благодарности: лети, и ты - губитель Греции". В этой войне последний и единственный ресурс афинян - их флот: отвергни мои уговоры, и я предупреждаю тебя, что сейчас же мы возьмем на борт наши семьи и поплывем к тому Сирису на италийских берегах, который, как говорят, издревле принадлежал нам и в котором, если верить оракулу, мы должны были основать город. Лишившись нас, вы вспомните мои слова".

XI. Угроза Фемистокла - страх перед столь могущественной расой, не знающей покоя, возбужденной и ищущей нового поселения, и еще более непосредственный страх перед дезертирством цветка флота - в конце концов возобладали. Эврибиад объявил о своем согласии с мнением Фемистокла, и конфедераты, уставшие от препирательств, согласились рискнуть решить исход событий в Саламине.

XII. Овладев Афинами, персидский царь провел и свой военный совет. Его флот, плывший вверх по Еврипу, бросил якорь в аттическом заливе Фалерум; его армия расположилась лагерем на равнинах вокруг или в стенах Афин. Потери, которые понесло его вооружение, уже были восполнены новыми подкреплениями из малийцев, дорийцев, локрийцев, бактрийцев, карийцев, андрийцев, тенедийцев и жителей различных островов. "Чем дальше", - говорит Геродот, - "персы проникали в Грецию, тем большее число их

преследовало". Можно предположить, однако, что пестрые пожертвования праздной и хищной толпы или греков, вынужденных не любовью, а страхом, плохо снабжали Ксеркса преданными тысячами, многие из которых были его собственными доблестными персами, павшими при Фермопилах или погибшими в Эвбейских морях.

XIII. Мардоний и вожди в целом были за немедленное сражение. Лишь героиня Артемизия дала более благоразумный совет. Она сказала им, что если они будут медлить с морским сражением или отплывут в Пелопоннес [80], то греки, лишенные провизии и одолеваемые страхами, наверняка рассеются, разойдутся по своим домам и, разрозненные, станут легкой добычей его оружия.

Хотя Ксеркс, вопреки ожиданиям, встретил неблагоприятное мнение карийской принцессы комплиментами и похвалами, он все же принял совет большинства и, приписав неудачный успех при Артемизиуме своему отсутствию, решил лично наблюдать триумф своего оружия при Саламине.

Флот отправился к этому острову, сухопутные войска в ту же ночь двинулись к Пелопоннесу: там под командованием Клеомброта, брата Леонида, уже были собраны все силы пелопоннесских конфедератов. Они укрепили проход Сцирон, еще одни Фермопилы по своему характеру, и защитили перешеек стеной, над возведением которой вся армия трудилась днем и ночью; никакие материалы, достаточные для обороны, не были оставлены без внимания - дерево, камни, кирпичи, песок - все было пущено в ход. Здесь, расположившись лагерем, они не надеялись на Саламин - они считали, что последняя надежда Греции лежит только на них самих. [81]

XIV. В греческом флоте снова вспыхнули новые волнения, страх и раздоры. Все, кто был заинтересован в безопасности Пелопоннеса, вновь жаловались на решение Эврибиада, говорили об абсурдности пребывания в Саламине для борьбы за уже завоеванную территорию, а лидеры Эгины, Мегары и Афин остались в меньшинстве в совете.

Оказавшись в меньшинстве по сравнению с пелопоннесскими союзниками, Фемистокл, как говорят, задумался о хитрости, не противоречащей его интриганскому и лукавому характеру. Уединившись от еще не законченных дебатов и вызвав к себе самого доверенного гонца [82], он тайно отправил его к вражескому флоту с таким посланием: "Афинский вождь, искренне привязанный к царю и желающий видеть греков покоренными его власти, посылает меня к тебе наедине. Греческий флот охватило смятение; они готовятся к бегству; не упустите возможность одержать великолепную победу. Разделенные между собой, греки не в состоянии противостоять тебе; и ты увидишь, как, наступая на них, те, кто за тебя, и те, кто против тебя, враждуют друг с другом".

Персидский адмирал был достаточно осведомлен о вероломстве и изменах многих греков, чтобы поверить в доставленное ему послание; но ему вряд ли требовались такие сведения для подтверждения уже принятого решения. В полночь варвары перешли большим отрядом к небольшому острову Пситалея, расположенному между Саламином и континентом, и, заняв все узкое море до аттического порта Мунихия, под покровом темноты расположили свои корабли так, чтобы окружить греков и отрезать им возможность отступления.

XV. Не подозревая о передвижениях врага, среди вождей в Саламине все еще продолжались споры, когда Фемистокл был вызван ночью на совет, на который он вернулся, отправив своего гонца к варварам. Вызвавшим его человеком был Аристид. Шел третий год его изгнания, приговор которого, очевидно, еще не был отменен, иначе не таким образом, ночью и в качестве вора, именитый и высокородный Аристид присоединился бы к своим

соотечественникам. Он прибыл из Эгины в открытой лодке, под покровом ночи прошел сквозь строй персидских кораблей и прибыл в Саламин, чтобы сообщить грекам, что они уже окружены.

"В любое время, - сказал Аристид, - нам следовало бы забыть о наших частных разногласиях, а в это время особенно; спорим только о том, кто больше послужит своей стране. Напрасно пелопоннесцы советуют отступить; мы окружены, и отступление невозможно".

Фемистокл радостно приветствовал новоприбывшего и убедил его войти в совет и ознакомить вождей с тем, что ему известно. Его сведения, принятые с сомнением, были вскоре подтверждены триремой тенийцев, которая дезертировала к ним, и теперь они всерьез задумались о неизбежном сражении.

XVI. На рассвете все было готово. Собравшись на берегу, Фемистокл обратился к войскам с речью, а когда он закончил, был отдан приказ отплывать.

Осенью 480 года до н. э., две тысячи триста шестнадцать лет назад, состоялась битва при Саламине.

На троне из драгоценных металлов, установленном на одном из выступов горы Эгалеос, восседал царственный Ксеркс, чтобы наблюдать за ходом сражения. В лучах восходящего солнца на берегах Элевсинского залива стояли его войска, чтобы перехватить беглецов, и разношерстная и пестрая толпа тех, кто был скорее зрителем, чем участником сражения. [83]

Но не таков был облик врага, как ожидали персидские вожди; греки не выдали ни смятения, ни ужаса, которые приписывал им посланец Фемистокла. Как только дневное светило показало их персам, они завели громкий и боевой хор паэны - "скалы Саламины ответили эхом на крик", и, по выражению одного из солдат того времени [84], "труба воспламенила их своим звоном".

Как только греки начали движение, варварские корабли стремительно пошли вперед. Но Фемистокл задержал пыл греков до того момента, когда в море поднялся резкий ветер, вызвавший сильное волнение в канале, что было особенно вредно для громоздких кораблей персов, но не для легких, низких и компактных судов греков. Способ атаки в древних флотах заключался в том, что нос судна, укрепленный длинными выступающими клювами из латуни, обрушивался на борта противника, и это, поскольку вздутие моря заставляло персидские галеры неуклюже поворачиваться, было вполне по силам проворным кораблям греков.

К тому времени, когда поднялся ожидаемый ветер, сражение началось. Персидский адмирал [85] направил свои маневры главным образом против Фемистокла, ибо на него, как на самого опытного и знаменитого из греческих вождей, были обращены взоры противника. Со своего корабля, необычайно возвышенного, как крепость [86], он пускал дротики и стрелы, пока одна из афинских трирем, которой командовал Аминий, не отбилась от остальных и не обрушилась на него носом. Корабли встретились, и, скрепив их медными клювами, служившими для захвата, Ариабигн галантно взошел на борт греческого судна, но был мгновенно убит вражескими пиками и сброшен в море [87]. Первым на корабль сел афинянин Ликомед. Греки держались в проливе, персы не могли сразу привести в боевую готовность все свое вооружение и входили в узкий проход только отрядами; тяжесть моря и громоздкость их высоких судов часто приводили в большее замешательство их самих, чем противника, гонимого и сталкивающегося один с другим. Афинянам, занимавшим правое крыло, противостояли финикийцы, спартанцам, находившимся слева, - ионийцы. Первых галантно поддерживали эгинетяне, которые, будучи давно опытными в морской войне,

затмили даже своих новых соперников - афинян. Финикийская линия была прорвана. Греки продолжали побеждать, сохраняя строжайшую дисциплину и идеальный порядок. Море покрылось обломками судов и телами погибших, а слева ионийцы уступили место той части союзных войск, которой командовали спартанцы: одни сражались с великой доблестью, другие переходили на сторону греческих союзников. Тем временем, когда персы отступили, а море стало более прозрачным, Аристид, до сих пор остававшийся на берегу, высадил афинян на острове Пситалея и обратил в меч стоявшую там персидскую стражу.

Ксеркс с горы, его бесчисленные тысячи с берега, издалека и бессильно наблюдали за смятением, резней, поражением сил на море. Озабоченные только отступлением, варвары отступили к Фалеруму и там, перехваченные эгинетянами, были зажаты ими в тылу, а афинянами во главе с Фемистоклом - впереди. В это время героиня Артемисия, преследуемая тем самым Аминием, чье судно первым вступило в схватку с персами и который из всех афинских капитанов в тот день был самым выдающимся, оказалась в крайней опасности. Против этой замечательной женщины были направлены особые усилия афинян: считая позором для себя иметь врага в лице женщины, они торжественно назначили за ее поимку большую награду. Преследуемая таким образом, Артемисия прибегла к неожиданной и необычной хитрости. Столкнувшись с кораблем персов, которым командовал калиндский принц, с которым она когда-то была в ссоре, она обрушилась на него и потопила - истинно женская хитрость: обмануть врага общества и удовлетворить личную ненависть. Афинянин, увидев, что преследуемое им судно напало на варвара, решил, что принял дружественное судно, возможно, дезертировавшее от персов, за вражеское, и немедленно стал искать новые объекты для нападения. Ксеркс наблюдал и восхищался доблестью Артемисии, но в суматохе решил, что она потопила вражеское судно. [88]

XVII. Битва продолжалась до вечерних сумерек, когда остатки варварского флота овладели портом Фалерум, и греки увидели вдоль Саламинского пролива не более чем обломки и трупы врага, свидетельствовавшие о его поражении.

XVIII. Когда наступило утро, греки ожидали возобновления боя; персидский флот был все еще многочислен, персидская армия все еще покрывала соседние берега, и, чтобы скрыть свою истинную цель, Ксеркс приказал соединить финикийские транспорты вместе, чтобы соединить Саламис с континентом. Но уже был издан приказ о немедленном отходе флота к Геллеспонту, а через несколько дней после этого и сама армия отступила в Беотию.

Саламинская победа была отмечена торжественными ликованиями, в которых принял участие юноша по имени Софокл, отличавшийся красотой своей фигуры, мастерством игры на лире и танца, которому впоследствии суждено было разделить славу Эсхила, не только воина, но и поэта, отличившегося в битве и завещавшего нам самый подробный и живой рассказ о ее событиях.

Греческие завоеватели с негодованием наблюдали за отступлением врага; они не хотели, чтобы хоть один из тех, кто сжигал их очаги и алтари, избежал мести; они преследовали персидские корабли до Андроса, где, не доходя до них, бросили якорь и совещались. Фемистокл, как говорят, предложил, но не искренне, сразу же плыть к Геллеспонту и разрушить лодочный мост. Этот совет был отвергнут, и было решено не доводить до отчаяния столь страшного врага: "Лучше, - сказал один из вождей (Аристид или Эврибиад - это разные версии), - постройте другой мост, чтобы Ксеркс мог скорее покинуть Европу".

Фемистокл склонился к политике, для которой ему нужен был только предлог, и, следуя уже полученному намеку, как говорят, тайно послал к Ксерксу, сообщив, что союзники намерены плыть к Геллеспонту и разрушить мост, так что, если царь будет думать о своей

безопасности, он немедленно вернется в Азию, а Фемистокл найдет предлог, чтобы задержать преследование конфедератов.

Эта хитрость кажется естественной для интриганского характера Фемистокла; и, судя по совпадающим свидетельствам [89], мне кажется несомненным, что Фемистокл вел тайную переписку с Ксерксом и даже убедил этого монарха в своей благосклонности к нему. Но невозможно поверить вместе с Геродотом, что в то время у него было реальное желание примириться с персом, предвидя, что в будущем ему может понадобиться убежище при восточном дворе. Тогда, в зените своей популярности, столь острая прозорливость была не свойственна человеку. Он был из тех, для кого дух интриги - само по себе наслаждение, и в данном случае он действовал ради общего дела афинян, которым, при всех своих недостатках, он никогда не пренебрегал, а скорее объединял со своим собственным.

XIX. Отвлекаясь от мысли о преследовании персов, греческие союзники, окрыленные завоеваниями, все еще жаждали предпринимательства. Острова, вступившие в союз с Медией, были сильно недовольны конфедератами, и было предложено взыскать с них штраф в возмещение расходов на войну. Андрос был осажден, и эти островитяне первыми воспротивились требованию. Тогда они и дали тот памятный ответ, который во все времена может служить предупреждением для сильных, когда они давят на отчаявшихся.

"Я взял с собой, - сказал Фемистокл, - двух могущественных божеств - убеждение и силу".
Убеждение и Силу".

"А у нас, - ответили андрийцы, - два одинаково могущественных бога на нашей стороне - Бедность и Отчаяние".

В конце концов андрийские божества одержали победу, и осада была снята безрезультатно. Но от парийцев, карийцев и некоторых других островитян Фемистокл получил огромные суммы денег, неизвестные его коллегам, которые, как бы несправедливо их ни вымогали, не похоже, чтобы он использовал в основном для своей личной выгоды, а что более вероятно, для восстановления Афин. Возможно, он не без оснований полагал, что поскольку афиняне были главными страдальцами в войне и внесли наибольший вклад в ее ход, то и штрафы, взимаемые с отделившихся, причитаются не конфедератам в целом, а только афинянам. Предыдущее поведение союзников, с таким трудом удержавшихся от дезертирства из Афин, не заслуживало особой щедрости и, возможно, оправдывало возмездие эгоистичной политики. Однако уплата штрафа не уберегла Кариксу от нападения. Разорив его земли, греки вернулись в Саламин и разделили персидские трофеи. Первые плоды были посвящены богам, а самая лучшая добыча отправлена в Дельфы. И здесь можно привести один анекдот о Фемистокле, который доказывает, что какой бы ни была порой и в большие кризисы хваткая беспринципность его ума, он, по крайней мере, не был мелочным и пошлым скупердям. Увидев на телах умерших несколько золотых браслетов и цепей, он прошел мимо них и, обратившись к одному из своих друзей, сказал: "Возьми это себе, - сказал он, - ибо ты не Фемистокл". [90]

Подлость и скупость не были характерны для Фемистокла, хотя его обвиняли в этих пороках, поскольку он иногда занимался вымогательством. Он был обильным, показным и роскошным, превосходящим своих современников и не по средствам. Сами его пороки были в большом и роскошном масштабе; и если в его натуре было что-то от пирата, то в нем не было ничего от скупца. Когда ему пришлось выбирать между двумя претендентами на его дочь, он предпочел достойного кандидата богатому, желая, чтобы она скорее вышла замуж за человека без денег, чем за человека без денег". [91]

XX. Разделив добычу, союзники отправились на перешеек, согласно прекрасному древнему обычаю распределять награды между наиболее отличившимися. Вожди собрались в храме Нептуна. Право голоса было предоставлено нескольким вождям, которые должны были объявить, кого они считают первым по заслугам, а кого вторым. Каждый вождь написал свое имя в качестве кандидата на первое место, но подавляющее большинство голосов присудило второе место Фемистоклу. Таким образом, хотя каждый вождь имел только один голос в пользу первого звания, второе звание было безоговорочно присуждено афинянину.

XXI. Но даже завоевание не смогло унять ревность вождей конфедератов: они уклонились от решения вопроса, который не мог не быть благоприятным для афинян, и вернулись домой, так и не решив вопроса, который собрал их на перешейке. Но Фемистокл был не в том настроении, чтобы терпеливо сносить это мошенничество в отношении его чести. Не разделяя мелкой и жалкой зависти своих вождей, греки в целом громко восхваляли его мудрость и заслуги; воспользовавшись их энтузиазмом, Фемистокл отправился в Спарту, рассчитывая, что щедрость главного соперника компенсирует несправедливость многих. Его ожидания были небезосновательны - обычаи Спарты не допускали никаких поблажек спартанцам, и поэтому приз за доблесть они присудили своему Эврибиаду, а за мудрость или науку - Фемистоклу. Каждый из них был в равной степени удостоен оливкового венца. Забыв обо всех своих предрассудках, зависти и негостеприимном отношении к чужеземцам, этот народ воинов был ослеплен героем, чья храбрость сравнялась с их собственной. Они подарили ему самую красивую колесницу, какую только можно было найти в Спарте, и торжественно проводили его домой до самой Тегеи в сопровождении трехсот отборных спартанцев, которых называли "витязями" - единственный пример того, как спартанцы проводили человека из своего города. Говорят, что по возвращении в Афины Фемистокл получил упрек от Тимодема из Афидны, белбинита по происхождению [92] и непримиримого врага народа, по поводу его визита в Спарту: "Почести, которых ты удостоился, - сказал Тимодем, - воздаются из уважения не к тебе, а к Афинам".

"Друг мой, - отвечал остроумный вождь, - дело обстоит так. Если бы я был белбинитом, то не получил бы такого отличия в Спарте, как и ты, хотя ты родился афинянином!"

Пока греки были заняты этим, персидская армия отступила вместе с Мардонием в Фессалию. Здесь полководец отобрал и собрал силы, с которыми намеревался возобновить войну, оставив на службе прославленных Бессмертных. Всего, включая конницу, Геродот оценивает в триста тысяч человек.

Занятые таким образом, спартанцы перед отъездом Ксеркса из Фессалии под влиянием оракула отправили к Ксерксу гонца с требованием искупить вину за смерть Леонида.

"Да, - ответил царь, смеясь, - этот человек (указывая на Мардония) воздаст тебе по заслугам".

Оставив Мардония в Фессалии, где он намеревался перезимовать, Ксеркс поспешил домой. Шестьдесят тысяч персов под командованием Артабаза сопровождали царя только до прохода в Азию; и с этим незначительным отрядом, который под давлением голода опустошал на своем пути траву, а мор и дизентерия уменьшали его по мере продвижения, великий царь переправился через Геллеспонт, на котором лодочный мост уже был разрушен ветром и бурей. Более обильное снабжение провизией, чем то, которое они до сих пор испытывали, склонило армию к излишествах, жертвами которых стали многие. Остальные прибыли в Сарды вместе с Ксерксом, откуда он затем вернулся в свою более отдаленную столицу.

XXII. Жители Потидеи, расположенной на Палленском перешейке, и Олинфа, населенного боттианами, сомнительной и беспородной расой, которая могла похвастаться своим происхождением от тех афинян, которые в традиционные века были отправлены в качестве пленников-критян к Миносу, не успели узнать о рассеянии флота у Саламины и отступлении царя, как открыто восстали против варвара. Артабаз, вернувшись из Геллеспонта, осадил Олинф, расправился с жителями и заселил город халкидянами. Затем он расположился в Потидее, но страшное наводнение моря, сопровождавшееся нападениями осажденных, уничтожило большую часть несчастных захватчиков. Остатки были отведены Артабазом в Фессалию, чтобы присоединиться к армии Мардония. Персидский флот, отступив от Саламины, обойдя царя и его войска от Херсонеса до Абидоса, зазимовал в Куме, а в начале весны собрался на Самосе.

Тем временем афиняне вернулись в свой разобранный город и направили свое внимание на его ремонт и восстановление. Именно тогда, по всей вероятности, народ поспешил формальной и торжественной отменой приговора об ostracismе вознаградить заслуги Аристиды и восстановить в содружестве самого безупречного из его граждан. [93]

ГЛАВА VIII.

Посольство Александра Македонского в Афины - Результат его предложений - Афиняне отступают к Саламину - Мардоний занимает Афины. -Афиняне отправляют посланников в Спарту. -Павсаний сменяет Клеомброта на посту регента Спарты. -Битва при Платее. -Фивы осаждены афинянами. -Битва при Микале. -Осада Сестоса. -Завершение Персидской войны.

I. Рассветная весна и грозное появление Мардония, который со своими персидскими силами, правда, уменьшенными, но все еще могущественными, опустился на их границы, пробудили у греков чувство опасности. Их армия еще не была собрана, но флот, состоящий из ста десяти судов, под командованием Леотихида, царя Спарты, и Ксантиппа из Афин, лежал у Эгины. Стоя на якоре, к флотоводцам пришли некие хианцы, которые, будучи уличенными в заговоре против жизни Страттиса, тирана, навязанного Хиосу персами, бежали в Эгину. Они объявили, что вся Иония созрела для восстания, и своими заявлениями побудили греков продвинуться до священного Делоса.

Дальше они не осмеливались идти, не зная ни местности, ни сил противника. Самос казался им не менее далеким, чем Геркулесовы столбы, и взаимный страх удерживал пространство между персидским и греческим флотом от продвижения каждого из них. Но Мардоний начал медленно выходить из зимней летаргии. Под влиянием фиванского оракула, как думали греки, возможно, слишком легкомысленно, персидский полководец отправил в Афины не менее выдающегося посла, чем Александр, царь Македонии. Этот принц, связанный с персами союзными узами (ведь его сестра вышла замуж за перса Бубареса, сына Мегабаза), считался посланником, способным примирить афинян, пока он служил их врагу. И теперь целью Мардония было примирить врага, которого он не смог победить. Зная о доблести афинян, Мардоний верил, что если ему удастся отделить это государство от конфедерации и убедить афинян объединить свое оружие с его собственным, то остальная Греция станет легким завоеванием. На суше он уже считал себя уверенным в удаче, а на море какой греческий флот, лишившись цветка своих сил, сможет ему противостоять?

II. Царь Македонский прибыл в Афины; но, сознавая ревнивый и тревожный страх, который известие о посольстве из Персии могло возбудить среди конфедератов, афиняне отложили

предоставление ему требуемой аудиенции до тех пор, пока у них не будет времени послать за депутатами от Спарты и получить их для присутствия на собрании.

Тогда Александр Македонский обратился к афинянам.

"Афиняне, - сказал он, - Мардоний через меня сообщает вам о поручении царя: "Какие бы обиды, - говорит он, - афиняне мне ни нанесли, я их прощаю. Верни им их страну - пусть присоединят к ней любые другие территории, которые они пожелают, - позволь им свободно пользоваться своими законами. Если они пойдут на союз со мной, восстановите храмы, которые я сжег".

Затем Александр стал подробно рассказывать о последствиях этой благоприятной миссии, представлять мощь персов и настаивать на необходимости союза. "Пусть мои предложения подействуют на тебя, - заключил он, - ибо только тебе одному из всех греков царь простит грехи, желая заключить с тобой союз".

Когда Александр закончил, спартанские посланники через своего вождя обратились не к македонцам, а к афинянам: "Мы были уполномочены спартанцами просить вас не принимать никаких мер, наносящих ущерб Греции, и не принимать никаких условий от варваров. Это, само по себе незаконное, было бы, прежде всего, недостойно и неблагородно с вашей стороны; с вами связано происхождение войны, которая сейчас относится ко всей Греции. Непостижимо, если бы афиняне, некогда даровавшие свободу многим, теперь стали виновниками рабства Греции. Мы сочувствуем вашему плачевному состоянию - вы два года лишены плодов своей земли, ваши дома разрушены, а ваши судьбы разорены. Мы, спартанцы, и другие союзники, примем ваших женщин и всех, кто может оказаться беспомощным на войне, пока она длится. Пусть вас не трогает македонец, сглаживающий послания Мардония. Это свойственно ему; сам тиран, он будет помогать тирану в его делах. Но вы не станете слушать его, если вы мудры и знаете, что вера и истина не в варварах".

III. Ответ афинян спартанцам и персам, суть которого, несомненно, достоверно передана нам Геродотом, может быть отнесен к числу самых нетленных свидетельств об этом высокодуховном и великодушном народе.

"Мы не невежды, - гласил ответ, продиктованный и, вероятно, произнесенный Аристидом [94], - что могущество медян во много раз превосходит наше собственное. Мы не нуждались в этом показном предостережении. И все же ради сохранения свободы мы будем сопротивляться этой силе, как только сможем. Перестань убеждать нас заключить союз с варваром. Отнеси Мардонию этот ответ афинян: "Пока это солнце, - и оратор указал на сферу [95], - будет держаться тех курсов, которые оно держит сейчас, до тех пор мы будем отказываться от всякой дружбы с Ксерксом, до тех пор, уповая на помощь наших богов и героев, чьи святыни и алтари он сжег, мы будем бороться с ним в битвах и мстить. А ты остерегайся, как бы снова не сделать афинянам таких предложений; не под предлогом выгоды для нас, не побуждай нас к бесчестию; ибо мы не хотели бы, неблагодарные к тебе, нашему гостю и другу, чтобы какое-нибудь зло постигло тебя от гнева афинян".

"Вам, спартанцы! Может быть, согласно человеческой природе, вы должны бояться нашего союза с варварами, но вы постыдно боитесь его, зная, каким духом мы одушевлены и действуем. Золото не имеет такого количества, земля не имеет такой территории, какой бы прекрасной она ни была, которая могла бы склонить афинян к тому, чтобы принять условия Медеи о порабощении Греции. Если бы мы захотели, то многие и могущественные запреты: прежде всего, сожженные и разрушенные храмы, побуждающие нас не к союзу, а к мести. Далее, весь род Греции имеет одно кровное родство и один язык, и общими являются его

нравы, его алтари и его боги, которые, правда, если афиняне были предателями. И наконец, если вы не знали этого раньше, усвойте, что, пока хоть один афинянин остается в живых, Афины не вступают в союз с Ксерксом".

"Мы благодарим тебя за твою заботу о нас - за твои предложения защитить наши семьи, пострадавшие и обнищавшие. Однако мы будем переносить наши несчастья так, как можем - и не станем обузой для вас. Будьте добры отправить свои войска на поле боя. Пусть не будет никаких задержек. Варвар настигнет нас, когда узнает, что мы отвергли его предложения. Прежде чем он отправится в Аттику, давайте встретим его в Беотии".

IV. Получив такой ответ от афинян, спартанские послы вернулись домой, и вскоре после этого Мардоний быстрыми маршами повел свою армию к Аттике; везде, где он проходил, его войска пополнялись новыми отрядами. Фессалийские князья, отнюдь не раскаиваясь в союзе с Мардоном, разжигали его пыл.

Прибыв в Беотию, фиванцы попытались убедить персидского полководца расположиться лагерем на этой территории и не рисковать сражением, а попытаться с помощью подкупа самых влиятельных людей в каждом городе отколоть конфедератов от существующего союза. Гордость, честолюбие и желание еще раз отомстить Ксерксу за Афины помешали Мардонию прислушаться к этому совету. Он отправился в Аттику и нашел ее совершенно пустынной. Ему сообщили, что жители находятся либо в Саламине, либо с флотом. Он направился в Афины (479 г. до н. э.), столь же пустынные, и через десять месяцев после первого захвата Ксерксом этот город во второй раз был занят медяками.

Из Афин Мардоний отправил в Саламин греческого гонца, который повторил предложения Александра. Услышав эти предложения на совете, афиняне пришли в ярость. Один из советников по имени Лисидас, высказавшись в пользу этих условий, был немедленно забит камнями до смерти. Афинские женщины, охваченные той же страстью, что и мужчины, подвергли той же участи его жену и детей - одно из тех излишеств добродетели, которые становятся преступлениями, но для которых крайняя необходимость не может служить презренным оправданием. [96] Посол вернулся невредимым.

V. Бегство афинян в Саламин не было добровольным. Этот доблестный народ оставался в Аттике до тех пор, пока мог надеяться на помощь из Пелопоннеса; и только после отчаяния от бездействия своих союзников и появления персов в Беотии они удалились в Саламин.

Необычная и изолированная политика Спарты, которая ограничила и искалечила в угоду исключительно спартанцам все более щедрые и смелые принципы действий, никогда, пожалуй, не была столь одиозной, как в нынешнем безразличии к союзнику, который так благородно предпочел греческие свободы своей собственной безопасности. Весь Пелопоннес с безразличием наблюдал за оккупацией Аттики, а спартанцы были заняты завершением строительства укреплений на перешейке.

Афиняне отправили послов в Спарту, а также в Мегару и Платею. Эти послы выступили в высоком и укоризненном тоне.

Они рассказали о поведении афинян, отвергнувших предложения варваров, упрекнули спартанцев в вероломстве за нарушение соглашения о встрече с врагом в Беотии, выразили возмущение афинян нарушением этого договора, потребовали немедленного снабжения и указали на равнину возле Фрии, деревни в Аттике, как на подходящее поле для битвы.

Эфоры выслушали обращение, но со дня на день задержали ответ. Спартанцы, по словам Геродота, были заняты празднованием торжеств в честь Гиацинта и Аполлона, и эта

церемония могла бы послужить благовидным поводом для проволочек, согласно всем обычаям и формальностям спартанских нравов. Но, возможно, существует и другая, более серьезная причина задержки решения эфоров.

Когда строительство исетских укреплений было завершено, суеверие регента Клеомброта, руководившего их возведением, было встревожено затмением, и он отвел обратно в Спарту отряд, которым командовал в этом районе. Он вернулся, но умер, а его сын Павсаний стал регентом во время несовершеннолетия Плейстарха, малолетнего наследника Леонида [97]. Если погребальные торжества по случаю смерти регента были похожи на те, что полагались покойному царю, мы можем сразу объяснить задержку эфоров, поскольку десять дней, которые прошли без ответа послам, точно соответствуют по количеству десяти дням, отведенным на общественный траур. [98] Но какова бы ни была причина спартанской задержки - а жесткая закрытость этого олигархического правительства в более важных вопросах сохраняла мотивы и политику в тайне не только для современных народов, но и для современных исследователей, - сама задержка сильно раздражала афинских посланников: они даже пригрозили заключить договор с Мардонием и бросить Спарту на произвол судьбы, и в конце концов назначили день своего отъезда. Эфоры воспрянули духом. Среди депутатов от различных государств в Спарте находился Хилей из Тегеи, который был не менее полезен, чем Фемистокл, в управлении делами Греции на истмийском конгрессе. Этот способный и выдающийся аркадиец убедительно показал эфорам опасность утраты афинского союза и недостаточность сопротивления персам, которое могли бы оказать укрепления на перешейке. Эфоры выслушали и тут же стали действовать с той скрытностью и бдительностью, которая свойственна олигархиям. Той же ночью они в частном порядке отправили отряд из пяти тысяч спартанцев и тридцати пяти тысяч гелотов (по семь на каждого спартанца) под командованием Павсания.

На следующее утро эфоры спокойно ответили на гневные угрозы афинян, заявив, что их войска уже в походе и к этому времени находятся в Орестее, городе в Аркадии, примерно в восемнадцати милях от Спарты. Изумленные депутаты [99] поспешили догнать спартанцев, а эфоры, как бы искупая свою прошлую медлительность, дали им в сопровождение и дополнительное подкрепление пять тысяч тяжеловооруженных лаконцев или периеков.

VI. Вскоре Мардоний узнал от аргивян (которые, не желая присоединяться к греческому легиону, поддерживали тайные связи с персами) об отходе спартанских войск. До сих пор он воздерживался от каких-либо нападений на афинские земли и города, надеясь, что Афины еще могут заключить с ним мир. Теперь он поджег Афины, разрушил большую часть того, что еще оставалось от стен и храмов [100], и, сочтя почву Аттики плохо приспособленной для его конницы, а узость ее выходов - невыгодной в случае отступления, после короткого вторжения в Мегару отступил к Фивам и разбил свои палатки на берегу Асопа, протянувшегося от Эритреи до Платеи. Здесь его силы пополнились теми греками, которые были дружелюбны к его делу.

VII. Тем временем к спартанцам на перешейке присоединились остальные пелопоннесские союзники. Были совершены торжественные жертвоприношения, и, получив благоприятные предзнаменования от жертв, греческая армия двинулась дальше; присоединившись в Элевсисе к афинянам, она дошла до подножия Китарона и расположилась лагерем напротив персов, между армиями которых протекала река Асоп. Афинянами командовал Аристид во главе восьми тысяч пехотинцев; и пока армии находились в таком положении, опасный заговор был раскрыт и разгромлен этим умелым полководцем.

Бедствия войны - опустошение земель, сожжение домов - привели к сокращению состояния многих афинских вельмож. Вместе с их имуществом уменьшилось и их влияние. Нищета, недовольство и зависть к новым семьям, поднимавшимся в цене [101], побудили этих людей с упавшим состоянием составить заговор с целью упразднения народного правительства в Афинах, а при неудачной попытке - предать дело врагу.

Этот проект тайно распространился по лагерю и развратил людей; опасность стала неотвратимой. С одной стороны, нельзя было пренебрегать заговором, а с другой - в такой кризисной ситуации было бы опасно слишком узко просеивать замысел, в котором участвовали люди знатные и влиятельные. Аристид действовал с необыкновенным благоразумием. Он арестовал восемь лидеров. Из них он подверг судебному преследованию только двоих (которые сбежали во время процесса), а остальных отстранил от должности, обратившись к предстоящей битве как к великому трибуналу, который оправдает их и докажет их верность государству. [102]

VIII. Едва этот заговор был подавлен, как конница персов приступила к действиям. Во главе этой искусной и галантной конницы, которой до сих пор славятся восточные народы, ехал их вождь Масистий, облаченный в полные доспехи из золота, меди и железа и отличавшийся силой своей фигуры и великолепием убранства. Расположившись на отвесных склонах Китарона, греки были в полной безопасности от персидской конницы, за исключением лишь мегарян, которые в количестве трех тысяч расположились вдоль равнины и были со всех сторон атакованы этой проворной и бестелесной конницей. Придавленные таким образом, мегаряне послали к Павсанию за помощью. Спартанец увидел, что воздух потемнел от стрел, и понял, что его тяжеловооруженные воины плохо приспособлены для борьбы с конницей. Тщетно пытался он призвать окружающих к чести - все отказались от помощи мегарян, - когда Аристид, заставив афинян затмить спартанское рыцарство, взял на себя оборону. С тремя сотнями пехотинцев, смешанных с лучниками, Олимпиодор, один из самых умелых афинских офицеров, решительно двинулся на варваров.

Сам Масистий во главе своего войска направил своего нисейского скакуна на нового врага. Завязалась острая и упорная схватка, когда конь персидского полководца, будучи раненным, сбросил своего всадника, который не мог встать на ноги под тяжестью доспехов. Когда он лежал на земле, вокруг него толпились враги, плотные чешуйки доспехов защищали его от их оружия, пока в конце концов копье не пронзило мозг через отверстие в его козырьке. После упорной борьбы за его труп персы были отбиты обратно в лагерь, где смерть одного из них, уступавшего по авторитету и репутации только Мардонию, вызвала всеобщее сетование и ужас.

Тело Масистия, которое своими огромными размерами и прекрасными пропорциями вызывало восхищение победителей, осталось трофеем греков; его положили на помост и с триумфом пронесли сквозь ряды.

IX. После этой победы Павсаний направил свои войска вдоль основания Китарона в окрестности Платеи, которую он считал более удобным местом для расположения армии и снабжения водой. Там, у Гаргафийского фонтана [103], одного из источников Асопа (который разделяется на множество рек, носящих общее название), прославленного в песнях смертью баснословного Актеона, и недалеко от святилища старого платейского героя (Андрократа), греки были выстроены в регулярные подразделения, различные народы, одни на пологом склоне, другие вдоль равнины.

При распределении участков возник спор между афинянами и тегейцами. Последние претендовали на левое крыло по древнему и традиционному предписанию (правое было

единогласно отдано спартамцам) и в ходе спора заявили о своем наглом превосходстве над афинянами.

"Мы пришли сюда сражаться, - отвечали афиняне (или Аристид от их имени [104]), - а не спорить. Но поскольку тегейцы заявляют о своих древних и современных деяниях, нам подобает сохранять первенство над аркадянами".

Слегка коснувшись древности, о которой говорили тегейцы, и приведя в пример свои прежние деяния, афиняне настаивали главным образом на Марафоне; "Однако, - сказал в заключение их оратор, - пока мы сохраняем право на спорный пост, нам не подобает в этот кризисный момент спорить о месте битвы. Расположите нас, о спартамцы, там, где вам покажется лучше. Неважно, каково наше положение; мы будем отстаивать нашу честь и ваше дело. Приказывай, и мы повинемся".

Услышав этот великодушный ответ, спартамские вожди единодушно высказались в пользу афинян; они заняли левое крыло.

Х. Таким образом, была собрана эта конфедеративная армия, представлявшая собой сильнейшую силу, противостоявшую персам, и включавшая всю мощь и мужественность свободных греческих государств; справа - десять тысяч лакедемонян, одна половина которых, как мы видели, состояла из perioэков, другая - из чистокровных спартамцев: каждому воину из этой половины было выделено по семь вооруженных гелиотов, каждому из тяжеловооруженных perioэков - по одному слуге. Таким образом, вся их сила составляла не менее пятидесяти тысяч человек. Рядом со спартамцами (своего рода компромисс с их притязаниями) стояли тысяча пятьсот тегейцев, за ними - пять тысяч коринфян, а к ним примыкали триста потидейцев из Паллены, которых затопление их морей спасло от персидского оружия. Далее Орхомен выставил шестьсот аркадян, Сикион - три тысячи, Эпидавр - восемьсот, а Троезен - тысячу воинов. С последними соседствовали двести лепреатов, а с ними четыреста микенцев и тиринфян [105]. Вслед за тиринфянами расположились в последовательном порядке тысяча флиасян, триста гермионцев, шестьсот эретрийцев и стирийцев, четыреста халкидян, пятьсот амбракийцев, восемьсот лейкадийцев и анакторийцев, двести палеян из Кефаллени и пятьсот только из жителей острова Эгина. Три тысячи мегарян и шестьсот платейцев примыкали к афинянам, чей отряд из восьми тысяч человек под командованием Аристида замыкал левое крыло.

Таким образом, общее количество тяжеловооруженных воинов составило тридцать восемь тысяч семьсот человек. К ним добавились легковооруженные тридцать пять тысяч гелотов и тридцать четыре тысячи пятьсот прислужников лаконцев и других греков; всего - сто восемь тысяч двести человек, кроме тысячи восьмисот феспийцев, которые, возможно, из-за разрушения их города персидской армией, были без тяжелого оружия своих единомышленников.

Такова была сила - не недостаточная числом, но более сильная сердцем, единством, памятью о прошлых победах и страхом перед будущими цепями, - которая разбила шатер на берегах рек, смешивающих свои воды и свои имена с Асопом.

XI. За это время Мардоний отошел от своего прежнего поста и расположился лагерем на ближайшей к Платее части Асопа. Его храбрые персы стояли перед лакедемонянами и тегейцами; далее, в последовательном порядке, шли медяне и бактрийцы, инды и саки, беотийцы, локрийцы, малийцы, фессалийцы, македоняне и неохотно помогавшая им тысяча

фокийцев. Но многие из последнего племени, обитавшего в окрестностях Парнаса, открыто встав на сторону греков, преследовали варварские окраины: Геродот исчисляет вражеские силы в триста пятьдесят тысяч человек, из которых пятьдесят тысяч состояли из македонцев и греков. И хотя историк не вычел из этого числа потерь, понесенных Артабазом при Потидее, все же наиболее вероятно, что варвар почти втрое превосходил греческую армию, причем менее страшную, чем та, которую греки уже встречали и побеждали.

XII. После того как армии были расставлены, с обеих сторон были принесены жертвы. По удивительному стечению обстоятельств, к обеим армиям был приставлен элейский авгур. Вид внутренностей запретил и персам, и грекам переправляться через Асоп и предписал каждому действовать оборонительно.

То, что персидский вождь послушался греческого прорицателя, достаточно вероятно; отчасти потому, что суеверный народ редко презирает суеверия другой веры, а главным образом потому, что значительная часть армии вторжения, и, возможно, самая храбрая и умелая, состояла из местных греков, чьим предрассудкам было вежливо льстить - опасно оскорблять.

Восемь дней прошло в бездействии, армии противостояли друг другу без движения; когда Мардоний, чтобы отрезать новые силы, которые каждый день прибегали в греческий лагерь, отправил конницу захватить перевал Китарон. Натолкнувшись на колонну из пятисот ношевых животных, которые везли провизию из Пелопоннеса, варвары с бесчеловечностью, достаточной, пожалуй, для того, чтобы доказать, что отряд состоял не из персов, как положено мягкому, но галантному народу, расправились и с людьми, и с животными. Провизия была доставлена в персидский лагерь.

XIII. В течение двух последующих дней Мардоний продвигался ближе к Асопу, и его конница (при поддержке фиванцев, которые были правой рукой варварской армии) в неоднократных стычках сильно изводила греков, нанося им много дерзости и мало вреда.

В конце концов Мардоний, то ли устав от такого бездействия, то ли не в силах подавить дух превосходящей армии, не привыкшей принимать атаки, решил отказаться от дальнейшего следования прорицаниям этого элейского прорицателя и на следующее утро дать сражение грекам. Действуя против одного суеверия, он, однако, прозорливо попытался привлечь на свою сторону другое; и, отказавшись от решения смертного, он обратился к двусмысленным оракулам дельфийского бога, которые всегда имели одно толкование для предприятия и другое для успеха.

XIV. "Настали часы ночи, - рассказывает Геродот в своем оживленном и наглядном стиле, - ночь уже далеко зашла, по всему войску, погребенному в покое, царила всеобщая и полная тишина, когда Александр, македонский царевич, тайно выехал из персидского лагеря и, подъехав к заставам афинян, чья линия была непосредственно против его собственной, потребовал аудиенции у их командиров. Получив ее, македонянин обратился к ним: "Я пришел, чтобы сообщить вам тайну, которую вы должны открыть только Павсанию. Из далекой древности я происхожу из греческого рода. Я забочусь о безопасности Греции. Если бы не предзнаменования, Мардоний давно бы дал сражение. Не обращая на них внимания, он нападет на вас рано утром. Будьте готовы. Если он изменит свое намерение, оставайтесь на месте - у него есть провизия еще на несколько дней. Если случай войны окажется благоприятным, вы сочтете нужным приложить некоторые усилия для обеспечения независимости того, кто подвергает себя столь большому риску ради того, чтобы сообщить вам о намерениях врага. Я - Александр Македонский".

"Сказав так, всадник вернулся в персидский лагерь".

"Афинские вожди поспешили к Павсанию и сообщили ему о том, что услышали".

Спартанец, судя по сильным выражениям [106] Геродота, не воспринял известие с обычным для его расы бесстрашием. Он боялся персов, не был знаком с их способом ведения войны и предложил афинянам поменяться постами с лакедемонянами: "Ведь вы, - сказал он, - прежде сражались с медянами, и опыт их войны вы получили при Марафоне. Мы же, с другой стороны, сражались с беотийцами и фессалийцами [против левого крыла]. Давайте же сменим позицию".

Сначала афинские офицеры были недовольны этим предложением, но не от ужаса, а от гордости; им казалось, что их, как гелиотов, переставляют с поста на пост по желанию спартамца. Но Аристид, чья сила убеждения заключалась главным образом в обращении не к низменным, а к возвышенным страстям, и который, поколебав, возвысил своих соотечественников, представил им, что правое крыло, которое спартанец предложил сдать, было, по сути, командным пунктом.

"И неужели вы, - сказал он, - не довольны полученной честью и не осознаете преимущества борьбы не с сынами Греции, а с варварами-захватчиками?" [107]

Эти слова воодушевили тех, к кому обратился афинянин; они тут же согласились обменяться постами со спартамцами и "сражаться за трофеи Марафона и Саламины". [108]

XV. Когда в темноте ночи афиняне шли к своему новому месту, они увещевали друг друга к доблести и воспоминаниям о былых победах. Но Мардоний, узнав от дезертиров об изменении позиции, перевел своих персов напротив спартамцев; и Павсаний, снова вернувшись вправо, продолжил аналогичный маневр Мардония. Так день прошел без боя. Когда войска заняли прежние места, Мардоний послал к спартамцам глашатая, укоряя их за трусость и предлагая, чтобы назначенное число встретилось в бою с равными спартамцами, и тот, кто победит, должен считаться победителем всего войска противника.

Этот вызов не вызвал у спартамцев никакого ответа. А Мардоний, истолковав молчание как свидетельство страха, уже предвкушал победу. Его конница, наступая на греков, издавала и безопасно беспокоила их своими валами и стрелами. Им удалось овладеть Гаргафийским фонтаном, снабжавшим водой греческую армию, и перекрыть поток. Оказавшись отрезанными от воды и в то же время испытывая еще большие неудобства из-за недостатка провизии, караван с которой был перехвачен персидской конницей, греческие вожди решили сменить место и занять пространство, которое, будучи окруженным речками, называлось островом Оероз [109] и обеспечивало достаточный запас воды. Этот остров находился примерно в миле от их нынешнего лагеря: оттуда они предложили отрядить половину своей армии, чтобы облегчить караван с провизией, зажатый в горах.

Примерно через четыре часа после захода солнца армия начала марш; но когда Павсаний дал слово своим спартамцам, один из офицеров, по имени Амомфарет, упорно отказывался двигаться. Он заявил, что не будет бежать от врага-варвара и потворствовать бесчестию Спарты, ссылаясь на обычаи и клятвы Спарты.

XVI. Павсаний, хотя и был разгневан упрямством офицера, не хотел оставлять его и его отряд на погибель; и пока спор оставался нерешенным, афиняне, подозревая своего союзника, "ибо хорошо знали, что у спартамцев в обычае говорить одно, а думать другое", [110] послали к Павсанию всадника, чтобы узнать причину задержки. Гонец застал воинов в строю, а их предводителей в яростной перебранке. Павсаний спорил с Амомфаретом, когда последний,

при приближении афинянина, схватил обеими руками огромный камень и, бросив его к ногам Павсания, горячо воскликнул: "Этим я подаю свой голос против бегства от чужеземца". Павсаний в большом недоумении велел афинянину сообщить о причине задержки и попросить своих соотечественников немного задержаться, чтобы действовать сообща. Наконец, ближе к утру Павсаний решил, несмотря на Амомфарета, начать поход. Из страха перед персидской конницей все его войска двинулись по крутым дефиле у подножия Китарона, а более смелые афиняне - по равнине. Амомфарет, после бессильных попыток задержать своих людей, неохотно вынужден был последовать за ними.

XVII. Мардоний, увидев перед собой свободную землю, уже не оцетинившуюся греческими рядами, громко высказал свое презрение к трусости беглецов и тут же повел свое нетерпеливое войско в погоню за Асопом. Афиняне, уже перешедшие равнину, были скрыты холмами, и единственным объектом нападения стали тегейцы и лакедемоняне.

Когда войска Мардония продвинулись вперед, остальные части персидского войска, считая, что теперь задача состоит не в сражении, а в преследовании, подняли свои штандарты и шумно ринулись вперед, без дисциплины и порядка.

Павсаний, придавленный персидской линией и обладающий если не робким, то, по крайней мере, неуверенным нравом, не терял времени, чтобы послать к афинянам за подмогой. Но когда те уже шли с требуемой помощью, их внезапно перехватили вспомогательные греки, состоящие на персидской службе, и отрезали спартанцев от спасения.

Спартанцы с тревогой увидели, что остались без поддержки. А ведь их силы, включая тегейцев и гелотов, составляли пятьдесят три тысячи человек. Отдав себя в руки богов, Павсаний назначил торжественное жертвоприношение, и все его войско ожидало результата, в то время как валы персидских лучников сыпались на них сплошным потоком. Но внутренности подали неутешительные сигналы, и жертвоприношение было возобновлено. Тем временем спартанцы проявляли свойственную им стойкость и дисциплину: ни один человек не покидал своих рядов, пока предзнаменования не стали более благоприятными; все израненные, а некоторые и раненные персидскими стрелами, они, ища защиты только под своими широкими налокотниками, с суровым терпением ждали времени своего вождя и Неба. Тогда пал Калликрат, самый статный и сильный солдат во всей армии, оплакивая не смерть, а то, что его меч так и не был поднят против захватчика.

XVIII. И все еще жертва за жертвой, казалось, запрещали сражение, когда Павсаний, подняв глаза, из которых текли слезы, к стоявшему неподалеку храму Юноны, взмолился богине-покровительнице Кифаэрона, что если судьба не позволяет грекам победить, то пусть они хотя бы падут как воины [111]. И пока произносилась эта молитва, ожидаемые знамения вдруг стали видны в жертвах, и авгуры возвестили о грядущей победе.

Тут же по армии пронесся боевой приказ, и, если воспользоваться поэтическим сравнением Плутарха, спартанская фаланга внезапно предстала во всей своей мощи, подобно какому-то свирепому животному, поднявшему свою щетину и готовящемуся отомстить врагу. Местность, изломанная множеством крутых и обрывистых гребней и пересеченная Асопом, чей вялый поток [112] извивается по широкому и каменистому руслу, была неблагоприятна для движения конницы, и поэтому персидские пешие войска наступали на греков.

Сплотившись в массивную фалангу, лакедемоняне представляли собой почти непроницаемое тело, медленно проходящее вперед, компактное и стройное, а горячая и недисциплинированная доблесть персов, более удачливых в стычках, чем в сражениях, разбивалась на тысячи волн об эту движущуюся скалу. Наступая понемногу, они быстро

обходили греков - их доспехи были слабы против крепких пик Спарты, их храбрость не была искусной, их численность не была дисциплинированной; тем не менее они сражались галантно, даже когда лежали на земле, хватая пики голыми руками, и с удивительной ловкостью, которая все еще характеризует восточного фехтовальщика, вскакивая на ноги и возвращая себе оружие, когда казалось, что они побеждены, отбивая щиты врагов и отчаянно сражаясь с ними врукопашную.

XIX. Впереди тысячного отряда отборных персов, выделяясь своим белым конем, а еще больше своей смелой отвагой, скакал Мардоний, направляя атаку, ожесточаясь везде, где пылали его доспехи. Воодушевленные его присутствием, персы сражались достойно своей воинской славы и, даже падая, прореживали ряды спартанцев. В конце концов опрометчивый, но галантный предводитель азиатских армий получил смертельную рану - его череп раздробило камнем из руки спартанца [113]. Его отборный отряд, гордость армии, пал, сражаясь вокруг него, но его смерть стала общим сигналом к поражению и бегству. Обремененные длинными одеждами, придавленные неумолимыми завоевателями, персы в беспорядке бежали к своему лагерю, который был защищен деревянными укреплениями, воротами, башнями и стенами. Здесь, укрепившись, как могли, они успешно и с пользой для себя сражались с лакедемонянами, которые были плохо обучены штурму и осаде.

Тем временем афиняне одержали победу на равнине над греками Мардония, встретив самого решительного врага в лице фиванцев (триста главных воинов которых пали на поле боя), и теперь присоединились к спартанцам в персидском лагере. Говорят, что афиняне лучше спартанцев владели искусством осады, но в то время их опыт вряд ли мог быть большим. Однако афиняне во все времена отличались более буйным нравом, и люди, которые "бежали в атаку" при Марафоне, не были обескуражены отчаянными остатками своего древнего врага. Они взобрались на стены, пробили брешь, через которую первыми ворвались тегейцы - греки быстро и яростно ворвались в лагерь. Пораженные, ошеломленные, одурманенные внезапностью и величиной поражения, персы больше не поддерживали свою славу - они рассеялись во все стороны, падая при бегстве с огромной резней, так что из всего этого могучего войска едва ли три тысячи смогли спастись. Мы должны исключить, однако, настороженного и недоверчивого Артабаза, который при первых признаках поражения бежал с сорока тысячами парфян и хорасмийцев, которыми он командовал, в сторону Фокиса, намереваясь овладеть Геллеспонтом. Мантиinei прибыли после захвата лагеря слишком поздно, чтобы получить свою долю славы; они пытались искупить потерю преследованием Артабаза, которое, однако, было безрезультатным. Элеяне прибыли вслед за мантинейцами. Предводители обоих народов были впоследствии изгнаны.

XX. Эгинец предложил Павсанию нанести на труп Мардония то же оскорбление, которое Ксеркс нанес телу Леонида.

Спартанец с негодованием отказался. "Возвысив мою страну до славы, - сказал он, - ты хочешь, чтобы я опустил ее до бесславия, отомстив за тело мертвого? Леонид и Фермопилы в достаточной мере отомщены этим могущественным поражением живых".

Тело этого храброго и злосчастного полководца, главного виновника войны, было перенесено на следующий день, чьим благочестием и в какую усыпальницу - неизвестно. Одна лишь могила его сомнительной славы вечно видна на равнинах Платеи и над серым фронтом нетленного Цитаэрона!

XXI. Одержав победу (сентябрь 479 г. до н. э.), завоеватели были ослеплены великолепной добычей, которая осталась - шатры и кушетки, украшенные драгоценными металлами, кубки, сосуды и мешки с золотом - и сами мертвые стали добычей, из дорогих украшений их цепей и браслетов, и циметры, напрасно великолепные - лошади, и верблюды, и персидские женщины, и все атрибуты и приспособления, с помощью которых деспотизм сделал войну роскошной.

Павсаний запретил прикасаться к добыче [114] и велел гелотам собрать сокровища в одном месте. Но ловкие рабы спрятали много ценных вещей, купив которые несколько эгинетян, чья жадность была обострена торговой жизнью, обогатились, получив золото по цене латуни.

Благочестие посвятило богам десятую часть добычи, из которой в святилище Дельф был подарен золотой треножник, опирающийся на трехглавого медного змея; коринфскому Нептуну - медный образ божества высотой в семь локтей; Юпитеру из Олимпии - статуя в десять локтей. Павсаний получил также десятую часть добычи от каждого предмета грабежа - лошадей и верблюдов, женщин и золота - награда, которая не могла не вознаградить его. Остальное было разделено между солдатами в соответствии с их заслугами.

Однако в результате беспечности пресыщения столько оставалось не присвоенным, что и в последующие времена на поле боя можно было найти сундуки с серебром, золотом и другими сокровищами, которые искали платейцы.

XXII. Завладев шатром Мардония, который раньше принадлежал Ксерксу, Павсаний велел восточным рабам, спасшимся от резни, приготовить пир по примеру персов и как бы подать его Мардонию. Кроме этого роскошного пира, спартанец приказал приготовить и свой обычный обед, а затем, обратившись к разным вождям, воскликнул: "Посмотрите на глупость перса, который отказался от такого великолепия, чтобы разграбить такую бедность".

В этой истории есть что-то возвышенное. Но суровый спартанец вскоре был развращен той самой роскошью, которую он презирал. Часто бывает так, что сегодня мы презираем то, чему трудно противостоять завтра.

XXIII. Закончив воздавать почести живым, греки перешли к возданию почестей мертвым. В трех траншеях были похоронены лакедемоняне; в одной - те, кто принадлежал к сословию, называемому в Спарте рыцарями [115], из которых двести человек проводили Фемистокла в Тегею (среди них был и упрямый Амомфарет); во второй - остальные спартанцы; в третьей - гелоты. Афиняне, тегейцы, мегарцы, флиасийцы - каждый имел свое отдельное место погребения, и над всеми возводились земляные курганы. Впоследствии племена и государства, которые действительно участвовали в последней битве или в предыдущих стычках, но не имели славы погибших, воздвигли кенотафы мнимым мертвецам на этом прославленном поле погребения. Среди этих поддельных памятников был один, посвященный эгинетянам. Спартанец Аристодем, вернувшийся невредимым из Фермопил и павший при Платее, самый смелый из греков в тот день, добровольно искупил бесчестную жизнь славной смертью. Но только ему одному из погибших спартанцев не было воздано никаких почестей.

XXIV. Плутарх рассказывает, что между спартанцами и афинянами разгорелся опасный спор относительно их притязаний на аристеи, или первые воинские почести; вопрос был решен присуждением их платейцам - состояние, которому никто не завидовал; по аналогичному мотиву простые люди обычно оказываются обладателями почестей, причитающихся величайшим.

Более важными, чем Аристия, если бы дух был сохранен должным образом, были некоторые привилегии, предоставленные тогда Платее. На одном из последующих собраний союзников Аристид предложил ежегодно отправлять депутатов от греческих государств для принесения жертв Юпитеру Избавителю и обсуждения общей политики Греции. Там же, каждый пятый год, должны проводиться игры в честь Свободы, а сами платейцы, освобожденные от военной службы, должны считаться, пока они выполняют возложенную на них задачу, священным и неприкосновенным народом. Таким образом, Платея номинально стала вторым Элисом, а ее поле битвы - другим Альтисом. В то же время Аристид стремился проводить в жизнь масштабную и продуманную политику, начатую Фемистоклом. Он попытался объединить ревнивые государства Греции в общую и вечную лигу, поддерживаемую против всех захватчиков постоянными силами из тысячи конницы, ста кораблей и десяти тысяч тяжеловооруженных пехотинцев.

XXV. Состоялся серьезный и обстоятельный совет, на котором было решено направить победоносную армию против Фив и потребовать выдачи тех, кто перешел на сторону медян. Как ни яростно враждовало это государство с эллинскими свободами, но грех его принадлежал скорее олигархии, чем народу. Самыми выдающимися из этих предателей Греции были Тимагенид и Аттагин, и союзники решили разрушить город, если эти вожди не будут отданы в руки правосудия.

На одиннадцатый день после битвы они расположились перед Фивами и, получив отказ жителей выдать столь справедливо осужденных вождей, опустошили фиванские земли.

Что бы мы ни думали о поведении Тимагенида, выступившего на стороне захватчиков Греции, мы должны отдать ему должное за бескорыстную галантность, которая напомнит читателю об осаде Кале Эдуардом III и великодушии Юстаса де Сен-Пьера. Он добровольно предложил осаждающим сдаться.

Предложение было принято: Тимагенида и нескольких других выдали Павсанию, отвезли в Коринф и там казнили - суровый, но полезный пример. Аттагин спасся бегством. Его дети, отданные Павсанию, были немедленно уволены. "Младенцы, - сказал спартанец, - не могли сговориться против нас с медянами".

Пока Фивы сохраняли себя от разрушения, Артабазу удалось вернуться в Азию, его отряд сильно поредел от нападений фракийцев, голода и усталости.

XXVI. В тот же день, когда в битве при Платее были разбиты сухопутные войска Персии, не менее важная победа была одержана над их флотом при Микале в Ионии.

Напомним, что спартанский царь Леотихид и афинянин Ксантипп провели греческий флот к Делосу. Там, бросив якорь, они приняли депутацию из Самоса, среди которых был Гегесистрат, сын Аристагора. Эти послы заявили, что все ионийцы только и ждут момента, чтобы восстать от персидского ига, и что сигнал будет найден в первых активных действиях греческих союзников. Поддавшись на эти уговоры, Леотихид принял саамитян в общую лигу и отплыл на Самос. Там, выстроившись в боевую линию у храма Юноны, они приготовились к рискованному сражению.

Но персы при их приближении отступили на континент, чтобы укрепить свои сухопутные войска, которые в количестве шестидесяти тысяч под командованием перса Тиграна Ксеркс разместил в Микале для защиты Ионии.

Прибыв в Микале, они вытащили свои корабли на сушу, укрепили их мощными окопами и баррикадами, а затем с нетерпением стали ждать результата.

Греки, посоветовавшись, решили преследовать. Приблизившись к месту расположения противника, они увидели, что море пустынно, корабли защищены укреплениями, а вдоль берега выстроились длинные ряды пехоты. Леотихид через глашатая увещевал ионийцев, находящихся на персидской службе, помнить о своих общих свободах, и что в день битвы их девизом будет "Хебе".

Персы, не доверяя этим посланиям, произнесенным на непонятном им языке, и подозревая саамов, отобрали у последних оружие и, желая удалить милезийцев на расстояние, поручили им охрану путей к Микальским высотам. Приняв эти меры предосторожности против дезертирства своих союзников, персы приготвили к битве.

Греки волновались и боялись не столько за себя, сколько за своих соотечественников в Беотии, противостоящих могущественной силе Мардония. Но распространившееся по лагерю сообщение о полной победе на этой территории (скорее всего, уловка Леотихида) воодушевило их мужество и усилило надежды.

Афиняне, которые вместе с войсками Коринфа, Сикиона и Трезена составляли половину армии, продвигались вдоль побережья и по равнине, а лакедемоняне - по более крутым и лесистым дорогам; и пока последние были еще на марше, афиняне уже заняли окопы (битва при Микале, сентябрь, 479 г. до н. э.).

Воодушевленные не столько враждой, сколько подражанием, афиняне побуждали друг друга к отчаянным подвигам, чтобы именно им, а не спартамцам, принадлежали почести этого дня. Они яростно наступали - после упорного и равного противостояния оттеснили врага к баррикадам, опоясывающим их корабли, взяли штурмом укрепления, вынесли стену и, ворвавшись с союзниками, обратили варваров в беспорядочное и быстрое бегство. Сами персы, хотя и немногочисленные, стояли на своем, и даже когда сам Тигран был убит, решительно сражались до тех пор, пока лакедемоняне не вошли в окопы, и все, кто уцелел от афинского, погибли от спартанского меча.

Обезоруженные саамийцы, как только стала очевидной судьба битвы, оказали грекам посильную помощь; другие ионийцы воспользовались этой возможностью, чтобы восстать и обратить оружие против своих союзников. В горных дефиле милезийцы перехватили своих беглых союзников, отдав их на растерзание греческому мечу, и активнее остальных принялись за расправу. Так неумолимы и так неверны люди, принужденные к рабству, когда случай призывает их к свободе.

XXVII. За этой битвой, в которой афиняне отличились, последовало сожжение персидских кораблей и сбор награбленного. После этого греки удалились на Самос. Здесь, посоветовавшись, пелопоннесские вожди предложили отныне оставить Ионию, как слишком опасную и отдаленную для охраны, варварам, а в качестве компенсации передать ионийцам морские побережья тех греческих государств, которые перешли на сторону медяков. Афиняне воспротивились такому крайнему предложению и отрицали право пелопоннесцев распоряжаться афинскими колониями. Пелопоннесцы сдали этот пункт; ионийцы континента были оставлены наедине с варваром, а жители островов, оказавших помощь Медее, были приняты в общую конфедерацию, взяв с нее торжественное обещание никогда не покидать ее. Затем флот отплыл к Геллеспонту, намереваясь разрушить мост, который, по их мнению, все еще существовал. Однако, обнаружив, что он уже разрушен, Леотихид и пелопоннесцы вернулись в Грецию. Афиняне решили попытаться вернуть колонию Мильтиадов в Херсонесе. Персы собрали все свои оставшиеся силы у самого сильного укрепления на полуострове - афиняне осадили его (начав осенью 479 г. до н. э., закончив весной 478 г. до н. э.), и, выдержав голод, столь упорный, что шнуры, или, скорее, ремни, их постельного белья

были употреблены в пищу, персы эвакуировали город, который жители затем с радостью сдали.

Завершив таким образом свои победы, афиняне вернулись в Грецию, увозя с собой огромные сокровища и не менее ценные реликвии - фрагменты и тросы Геллеспонтского моста, чтобы повесить их в своих храмах.

XXVIII. Остановившись в Сардах, Ксеркс увидел скудные и истощенные остатки своего могучего войска, беглецов роковых дней Микалеи и Платеи. Армия, над которой он плакал в зените своего могущества, исполнила предсказание его слез: вооруженной мощи Мидии и Египта, Лидии и Ассирии больше не было!

Так завершилось великое персидское нашествие - война, самая памятная в истории человечества, как по обширности, так и по провалу ее замыслов. Теперь мы выходим из поэзии ранней Греции, сквозь туман которой человеческие формы приобретают столь же гигантские, сколь и нечеткие пропорции. Очаровательный Геродот покидает нас, и мы еще не приобрели надолго вместо его романтической и дикой верности продуманную и мрачную государственную мудрость спокойного Фукидида. Отныне мы видим больше прекрасного и мудрого, меньше удивительного и огромного. Чем героический век является для традиции, тем персидское нашествие является для истории.